

**Библиотечка военно-исторического журнала
«Орловский военный вестник»**

Выпуск 12

**75 лет операции
«Ливенский щит»**

УДК 82-1+94(47)+355/359+908(470+571)

ББК 84(2р)6

С 30

Серийное оформление обложки: Александр Ухин

Редакционная коллегия «Орловского военного вестника»:

С.А. Ветчинников (главный редактор)

В.Я. Воробьёва

А.И. Кондратенко

С.В. Широков

Библиотечка военно-исторического журнала «Орловский военный вестник»

С 30 **75 лет операции «Ливенский щит»** / – Орёл: ПФ «Картуш», 2017.

– 168 с.

Специальный выпуск военно-исторического журнала «Орловский военный вестник» с 2016 года выходит в новом исполнении: Библиотечка «Орловского военного вестника». Этот выпуск уже двенадцатый. Он посвящён 75-летию проведения операции «Ливенский щит» во время Великой Отечественной войны.

Летом 1942 года в Ливнах была развернута операция, известная в истории России как операция «Ливенский щит». **28 июня** фашисты начали своё наступление с юга. После поражения под Москвой они пытались вновь восстановить миф о своей непобедимости. Город стал главным направлением удара. И именно тогда Сталин отдаёт железный приказ: «Ни шагу назад!» На тот момент гитлеровцы втрое превосходили Красную армию в пехоте и в шесть раз в танковом вооружении. Тогда на помощь обороняющейся 13-й армии пришли два танковых корпуса Катукова и Повелкина. Населённые пункты, в том числе Ливны, были стёрты с лица земли за две недели сплошных, ни на минуту не прекращающихся боев. Большая часть русских солдат погибала, даже не вступая в бой, так как авиация врага была очень сильна. Но **6 июля** Красная армия пошла в атаку, уже через несколько дней сделав вражеское наступление полностью невозможным, фактически обескровив немецкую армию. Всего за восемь дней погибло тридцать тысяч немецких солдат. Потери со стороны советских солдат составили 20 тысяч убитыми и ранеными, 85 орудий и миномётов, 70 танков. Более 8 тысяч Ливенцев погибли за свободу и независимость нашей Родины. За времена Великой Отечественной войны несколько десятков уроженцев Ливенского района в 1941–45 гг. стали Героями Советского Союза и полными кавалерами Ордена Славы.

Составители выпуска: **В.А. Бобков** – краевед, полковник в отставке, **М.В. Кульбачный** – методист Ливенского краеведческого музея.

УДК 82-1+94(47)+355/359+908(470+571)

ББК 84(2р)6

© ПФ «Картуш», 2017

© «Библиотечка ОВВ», 2017

Владимир Бобков*

Бои на ливенской земле летом 1942 г.

Всё для фронта

После освобождения города наши земляки, не взирая на близость фронта, включились в восстановление порушенной войной жизни. Так, на пример птицесовхоз «Ливенский» на общем собрании принимает обязательства увеличить посевные площади, поднять урожайность. Промартель «Вторая Пятилетка» возглавляемая **М.Е. Романовой** (это сестра активного защитника Брестской крепости командира батальона 125-го сп 6-й Краснознамённой Орловской стрелковой дивизии капитана **Колесникова М.Е.** Он попал в плен, несколько раз неудачно бежал, и, будучи освобождённым из концлагеря американцами, подвергся проверке, по итогам которой его восстановили в воинском звании и, в числе первых героев Бреста наградили медалью «За победу над Германией», прибыл в г. Ливны и был принят на работу в промартель сестры), восстановила работу швейного цеха и начала пошив дамских платьев, пальто, выполнялись этой артелью и другие заказы. Газета «Знамя Ленина» сообщает, что железнодорожники с честью выполняют обязательства, включившись в сбор средств на постройку танка «Верховский железнодорожник». В городе с января 1942 года начала работать фельдшерская школа по адресу улица Пушкина дом № 10.В этом году медицинское училище, поменяв очередной адрес, отметила своё 65-летие.

В доме № 3 по Воробьёвой улице с 5 марта восстановлена работа педтехникума. Его директором стал старейший преподаватель техникума и ветеран трёх войн **С.П. Волков**, отметила газета «Знамя Ленина». Здание техникума было восстановлено без затрат бюджетных ресурсов, силами педагогов и будущих студентов. А по улице Садовой, дом № 9, начались занятия и в его заочном отделении. В городе и сёлах заработали школы, восстанавливались магазины, бани и детсады. Во второй половине марта 1942 года начались занятия во всех классах Ливенской средней школы, куда многие родители передавали столы, стулья, классные доски, географические карты и другое. По инициативе родительского комитета здесь, в школьной библиотеке, организуются лекции. Это была средняя школа № 1. Среди первых, после оккупации, её учеников будут будущие крупный военно-морской учёный капитан 1-го ранга **Дворядкин Н.Ф.**, главный металлург завода «Ливгидромаш» **Гулимонов Ю.** и военный врач **Титов В.В.**, сын потомственного учителя Титова В.В., погибшего при обороно родного города 25 ноября 1941 г. Тогда же закончила школу один из первых преподавателей машиностроительного техникума и филиала института **Ефанова Н.Ф.** (в школьные годы это была Дворядкина Нина).

* Бобков Владимир Александрович – краевед, полковник в отставке.

В марте заработала центральная библиотека. В районном доме культуры 8 марта 1942 г. состоялось торжественное заседание городского совета, посвящённое Международному женскому дню. По окончании мероприятия состоялся просмотр кинофильма «Разгром немецких войск под Москвой». Т.е., уже в начале марта, через два месяца после освобождения, ливенцы смотрели в кинотеатре по улице Дзержинского документальный фильм о первой серьёзной победе Красной Армии над гитлеровскими агрессорами. В народе этот первый, после оккупации, дом культуры в народе получил известность как райсарай. Несмотря на столь неласковое прозвище, за два месяца его посетил каждый третий житель города. Здесь регулярно демонстрировались фильмы, работали кружки художественной самодеятельности, читались лекции и др. культурно-массовые мероприятия.

С 19 апреля в городе регулярно проводятся воскресники по очистке территории, на которых в частности, хорошо работали Дорофеева Клавдия, Суханов Павел, Анцупов Анатолий и Садовский, а по улице Свердлова лучшими стали Моногарова Варя, Гончарова Надя, Чурочкин Сережа, Тупикин Валя, Семянников Илья.

С начала 1942 года по улице Горького дом № 20 возобновила занятия школа ФЗО, где главными профессиями стали тракторист и мастер-каменщик. (Это профессионально-техническое училище, из аудиторий которого вышли тысячи специалистов, стала в довоенные годы «альма матерью» для ветерана Великой Отечественной войны генерал-майора Скоморошко Б.Н.). Газета «Знамя Ленина» публикует заметку о первомайских успехах рабочих Н-ского завода (это современный завод противопожарного машиностроения, который в годы войны относился к наркомату боеприпасов). Так старый рабочий этого предприятия кузнец Т. Сотников 1-го и 2-го мая выполнил дневные нормы на 160 %, а слесари Селитренников – на 120 % и Митин – на 145 %.

К первомайским праздникам горожане собрали и направили на фронт скромные подарки, сопровождая их коллективными письмами. Так Н. Гребенников и Н. Агафонов, А. Иванова, М. Плясова и Лихобабенко в своём письме писали: «Дорогие сыны родины! Шлем вам большевистский первомайский привет! Примите от нас скромные подарки. Мыслями и делом мы с вами. Повседневная забота о вас проявляется в нашем ударном труде. Общими усилиями ускорим разгром гитлеровской грабьядории».

Ливенцы активно, как и вся страна, включились в сбор средств для нужд фронта. На партийно-хозяйственных и комсомольских активах, в каждом номере районной газеты и на планёрках освещался ход сбора средств горожанами и жителями 10 освобождённых сельских Советов на танковую колонну «Орловский партизан». Только в 1942 году голодные и холодные ливенцы собрали на её строительство более миллиона рублей и подписались на облигации государственного займа. В ответ на патрио-

тические чувства ливенцев Верховный главнокомандующий И. Сталин направил в адрес райкома партии телеграмму: «Передайте трудящимся Ливенского района, собравшим миллион рублей на строительство танковой колонны имени орловских партизан, внёсших в фонд Красной Армии 1 350 000 рублей облигациями государственных займов и 11 тысяч пудов хлеба - мой братский привет и благодарность Красной Армии». В сборнике документов «Орловская область в годы Великой Отечественной войны», изданного в 1960 г. отмечается, что «трудящиеся Ливенского района собрали для фронтовиков сотни килограммов шерсти. Местная артель «Третья пятилетка» изготавлила из неё валенки».

Женщины, старики и дети зимой расчищали от снега дороги, силами комсомольцев на дорогах были оборудованы пункты обогрева красноармейцев. Так, например, за жителями улицы Воробьёвка было закреплено несколько переходов через реку и один километр дороги. За зимний период жители этой улицы более 20-ти раз выходили на расчистку дорог и площадок от снега. Ливенский район за содержание дорог в 1942 году был награждён переходящим Красным Знаменем облисполкома.

С весны приступили к строительству оборонительного комплекса 13-й армии, ставшего «Ливенским щитом». На пути агрессора по правому берегу Сосны, между притоками Тим и Олым, было открыто 7500 окопов, сотни километров ходов сообщений, построено 112 мостов, оборудовано 15 бродов и десятки километров противотанковых опорных пунктов. За этими цифрами кроется титанический труд не только профессиональных военных, но и женщин и детей-главной тягловой силы не знающего покоя фронтового тыла.

А в тылу необходимо было ещё ударно трудится на полях. В Грязцовской МТС весной 1942 года бригада Масалова выработала 77 гектаров на 15-тисильный трактор, бригада Неказакова Ивана вспахала 72 гектара, а Аверкиева Клавдия- 43 гектара вместо нормы в 21 гектар. Неклюдова Любовь и Быков Василий из 13-й бригады выполнили норму на 125 %, а Трубицына Мария из 6-й бригады на 110%. В Ливенской МТС отличились хрупкие девушки трактористки Сараева, Кожухова и Рылькова. Не уступал им и Новиков И.М. Но были и те, кто плохо трудился, за что подвергался коллективной критике. Так на собрании все трактористы МТС осудили бригадиров Гомжина и Селеменева. Районная газета сообщала, что колхозники сверх установленного задания засеяли по 2 гектара зерновых и картофеля. Эти гектары давались великой ценой. На полях работали не столько тракторы, сколько волы и коровы, а порой и женщины впрягались в плуги.

Хлеб - фронту - это был не лозунг, а пот и слёзы голодного женского и детского труда в тылу от Дальнего Востока до линии фронта. Сев зерновых производился, как правило, в ручную из севалок женщинами и стариками. Казалось бы, нельзя обучить корову ходить в упряжке.

Но были изготовлены специальные ярмо, шорки, и колхозники терпеливо и настойчиво приучали кормилец к работе. Лето, особенно 1942 года, было временем ещё большей работы страны во имя победы. Каждый пуд хлеба был на учёте и доставлялся в Ливны как правило на тачках, а порой на плечах вдов и детей, при этом немецкие самолёты в открытом поле неоднократно пытались уничтожить их огнём пулемётов и пушек, но женщины и подростки упорно несли мешки с зерном под пляющим солнцем и под звёздным небом, терпя казалось бы непереносимые трудности ради победы над фашизмом. Из документов и воспоминаний мы знаем, что этот бессребряный поток обстреливался гитлеровскими вояками. Желавшие поработить советских людей холёные гитлеровские выкормыши не жалели патронов и на детей и их матерей и стреляли по мирным, сгорбленным фигуркам с ясного, голубого неба. Им не ставили крестов и не вручали орденов, а они несли и несли хлеб отцам, мужьям, братьям, а порой и сыновьям, чтобы те вернули соловьиные небеса Родине, очистили их от погани. Но фронт был рядом, у родных порогов и война научила, что враг воюет и со стариками, и с женщинами, не щадит он и детей.

Ставка ВГК в марте 1942 г. издаёт Директиву об отселении из 30-ти километровой фронтовой зоны населения с названием конкретных городов и населённых пунктов, являющихся началом зоны отселения. В это число вошли пос. Верховье, гг. Ливны и Мармыжи.

Бюро областного комитета ВКП(б) и исполнком облсовета 3 апреля 1942 г. принимают, в соответствии с решением военного совета Брянского фронта, Постановление об эвакуации населения из прифронтовой полосы: «Эвакуировать в тыловые районы области население проживающее, в зоне, ограниченной с запада следующими населёнными пунктами: ...Миляево, Ворово, Муратовка, Бекетово, Городецкое, Шолохово, Старые Савины. С востока – Долгое, Крутое, Стрелка, Щетинка, Вязовик, высота 224,28 – Шебановка и Успенка». Этим решением подтверждалась эвакуация и г. Ливны.

Юрий Николаевич Беляев – страстный краевед, потомственный ливенец профессиональный журналист всю жизнь посвятил изучению и доведению до земляков истории родного края. На первом месте для него была история Великой Отечественной войны, которую он изучал не столько по документам, сколько по воспоминаниям участников боёв и непосредственных свидетелей боевого и трудового героизма земляков, приближавших победу «не за страх, а за совесть», не за ордена и медали, а за изгнание врага с родной земли, за право её обсеивать и кормиться её хлебом, за право рожать детей и воспитывать в них любящие сердца, формировать в них любовь к родному дому. В книге «Земля опалённая войной», построенной, прежде всего, на воспоминаниях очевидцев тех трагических и драматических событий он пишет: « В преддверии скорого немецкого наступления командование армии предупредило гражданское руководство Ливен и района о грозящей опасности, о возможности вторичной оккупации города немцами. Летом 1942 г. была проведена эвакуация совхозов, колхозов и МТС, расположенных в зоне 30 км от линии фронта. Было отселено свыше 12 тысяч хозяйств. Всё мужское население, способное носить оружие, было призвано в армию, подростки мобилизованы в школы, ФЗО и ремесленные училища. Райком, райисполком и другие учреждения перешли в Островской сельсовет и разместились в деревне Прилепы и других. Однако колхозники, да и многие горожане уходить не хотели и оставались в своих домах. В середине июня наступила жатва. Работали главным образом по ночам. Противник всячески препятствовал уборке зерновых, непрерывно вёл обстрел работающих. Среди жниц были многочисленные жертвы. Но уже к середине июня военное командование строго потребовало выполнить своё распоряжение об очистке от гражданского населения фронтовой зоны. Выполнение этого распоряжения было возложено на специальные военные и гражданские органы. Но простое, на первый взгляд, дело оказалось сложной работой: женщины, старики и подростки никак не хотели уходить. Угроза фашистского нашествия их уже не пугала. Они видели, что армия готовится к обороне, и заявляли: войска не уходят и мы остаёмся. Мы пойдём к солдатам. Мы будем рыть для них окопы, носить воду, подносить боеприпасы, ухаживать за ранеными, а если понадобится, то и стрелять. Было много случаев, когда жители для вида

покорно уходили, а потом тайком возвращались назад. С большим трудом работникам райкома партии и райисполкома удалось уговорить жителей уйти, но всё-таки часть из них осталась и приняла участие в оборонительных боях». Ливенцы не представляли какую степень варварства применит враг, пытаясь захватить город!

Прифронтовой город

Иzmotанные тяжёлыми боями 1941 года, соединения 13-й армии требовали пополнения ресурсами всех видов, и в первую очередь личным составом и вооружением. Герой Советского Союза генерал армии М.И. Казаков бывший в 1942 году начальником штаба Брянского фронта в своих мемуарах подчеркнул: « После напряжённых боев конца 1941 года войска остро нуждались в пополнении и боевом сколачивании. Особой заботы требовали кавалерийские дивизии. Состояние их конского состава оказалось настолько тяжёлым, что о боевом использовании конницы не могло быть и речи вплоть до летнего периода. Объёмного фуража мы совсем не имели. Зерна давали нам мало. Кавалеристам приходилось скармливать лошадям соломенные крыши с домов и сараев».

Агрессор, потерпев поражение зимой 1941–1942 гг., не считал себя побеждённым, а относил своё поражение в Московской битве на счёт погодных условий и планировал взять реванш. Вермахт, не теряя времени, приступил к воссозданию разгромленных в ходе Битвы под Москвой соединений. Английский военный исследователь истории Второй мировой войны М. Говард в монографии «Большая стратегия» подчеркнул: «*В январе 1942 года всё внимание фюрера было приковано к событиям на востоке... Чтобы обеспечить потребности армии в неожиданно затянувшимся компаниях, Гитлер сократил количество стали даже для флота*». В директиве № 41 от 05.04.1942 г. Гитлер определил: «*Главная операция на Восточном фронте разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, а так же западнее и севернее реки Дон. Началом всей операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Из обеих группировок танковых и моторизованных войск, предназначенных для охватывающего манёвра, северная должна быть сильнее южной*». Южнее г. Орёл в России много городов. Но к лету 1942 г. в прифронтовой полосе было два малых города это Малоархангельск и Ливны. Маршал Советского Союза Жуков Г.К. в своих мемуарах пишет: « После длительного изучения обстановки Ставка и Генеральный штаб пришли к выводу, что наиболее опасными направлениями летом 1942 г. следует считать Орловско-тульское и Курско-воро́нежское с возможным ударом противника на Москву – обходом столицы с юго-запада... Было принято решение: для защиты Москвы с этой стороны сосредоточить к концу весны значительную часть резервов Ставки в районе Брянского

фрона. К середине мая в состав Брянского фронта были включены 4 танковых корпуса, 7 стрелковых дивизий, 11 отдельных стрелковых бригад, 4 отдельных танковых бригады и большое количество артиллерийских частей».

Маршал Советского Союза Жуков Г.К. с зимы 1942 г. окончательно утвердился на посту первого заместителя Верховного Главнокомандующего и в своих мемуарах мыслит стратегическими понятиями и ниже фронтовых объединений, как правило не опускается, хотя при решении конкретных задач он не стеснялся изучать противника не только

по сводкам, но и из окопов первой линии обороны. В коротких воспоминаниях командарма-13 читаем: «...13-я армия занимала тогда один из важных участков обороны. Позже, летом 1942 г. именно сюда враг нанёс сильный удар, чтобы с севера обеспечить себе выход к Волге. Днём и ночью наши войска окапывались, врастая в землю. Передний край обороны прикрывали различные инженерные заграждения – спираль, рогатки, ряды колючей проволоки. Широко применялось и минирование местности. Минные сосуды нам хорошую службу. На участке одной из дивизий на них подорвался почти весь батальон противника, атаковавший наши позиции. К весне на фронт потоком хлынуло из глубины страны различное вооружение и боеприпасы». Авторы монографии «Через всю войну» ещё более конкретны: «Уже в мае на ст. Студёный прибыли полки 15-й Сивашской стрелковой дивизии прославленной ещё в годы Гражданской войны во главе с полковником А.Н. Слышиким». К тому же командующий Брянским фронтом выдвинул на рубеж Успенское – Грачёвка свой резерв – 109-ю отдельную стрелковую бригаду подполковника М.А. Дудкина.

В коротких воспоминаниях командарма-13 читаем: «...13-я армия занимала тогда один из важных участков обороны. Позже, летом 1942 г. именно сюда враг нанёс сильный удар, чтобы с севера обеспечить себе выход к Волге. Днём и ночью наши войска окапывались врастая в землю. Передний край обороны прикрывали различные инженерные заграждения-спирали, рогатки, ряды колючей проволоки. Широко применялось и минирование местности. В армии стало пять ди-

Генерал-майор
Слышик А.Н.
после Дня Победы

визий и две бригады... К июню ширина полосы обороны армии была сокращена до 75 км. В результате перегруппировки дивизии первого эшелона теперь имели участки обороны до 22 км.

Войска второго эшелона (307-я и 143-я дивизии и 129-я танковая бригада) приступили к подготовке тылового оборонительного рубежа на удалении 15–18 км от переднего края обороны.

Из 5-ти артиллерийских и 4-х миномётных полков (из них два реактивных миномёта) командарм оставил два артиллерийских полка и полк «катюш» в своём распоряжении. Недостаток огневой поддержки было приказано восполнять орудиями бронепоездов. От ст. Ливны до Мармыжи курсировали два бронепоезда 45-го дивизиона бронепоездов под командованием подпол-

М. Е. Катуков. 1940 год.

М.Е. Катуков, 1940 год

ковника капитана Ф.А. Николаенко. С середины мая 1942 года в сёлах Ливенского района разместился первый танковый корпус генерала **Катукова М.Е.** Здесь, под прикрытием Ямского леса танкистам первой гвардейской танковой бригады было вручено гвардейское Красное Знамя. В строю, принявших гвардейское знамя стояли наши земляки: Андровсов А.П., Бочаров И.М., Варламов П.К. Скуридин А.М. и Черепнёв Г.Ф. Майор Черепнёв с 1-й гвардейской танковой бригадой встретил победу, заняв достойное место среди возрождавших страну из руин, добавивший к боевым наградам трудовые ордена, медали ВДНХ и звания «Заслуженного зоотехника СФСР» и «Почётного гражданина города Липецка».

В район села Воротынск – на стык с 48-й армией командующий Брянским фронтом, выдвинул 1-й танковый корпус генерала Катукова, а 16-й-генерала Михаила Ивановича Повелкина сосредоточился в районе Воловона стыке с 40-й армией».

О первых днях пребывания на ливенской земле катуковцев после войны напишет, побывавший в те дни у них в селе Лютое автор книги «Люди 40-х годов» **Ю. Жуков**, который в годы войны был военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда»: «Тихое зелёное село Лютое. Танков здесь как будто и нет, так хорошо они упрятаны. Александра Фёдоровича я нахожу в просторной избе, горницу которой он делит со своим заместителем, тоже нашим старым знакомым П. Заскалько. Вторую половину, у русской печи, занимают хозяева - старик со старухой и их дочка. Вечером – опять «улица»: деревня гуляет с танкистами. Танкисты улыбаются: «Прошлый год, когда отходили, в деревнях улицы не было». На косогоре под полуразвалившейся старой стеной-толпой. В лунном свете белеют девичьи платочки, среди них несколько мальчишечных картузов. Рядом – гурьбой солдаты. Две девушки долго-долго отбивают дробь каблучками, одна против дру-

гой. Потом вдруг входит танкист. И сразу вихрем влетает первая красавица деревни - она как бы парит в воздухе, не касаясь земли. Танкист тоже старается не ударить в грязь лицом». (Какая яркая картина! Неужели она канула в лету и тот вечер, а может и не один, забыт лютовцами. А ведь среди участников той «улицы» кроме девушек были и подростки. Как хорошо бы вспомнить те тёплые майские вечера 1942 г., хотя бы к 75-летию Великой Победы).

Но было в боевой жизни армии и такое. Для всех штабов 26 мая из штаба армии выходит предупреждение всем командирам: «...затишье привело к благодушию и преступно халатной организации боевого охранения. Группа немцев внезапно захватила д. Зябрево и нанесла большой ущерб 4 роте 487 сп (143 сд – автор). Более того немцы, открыто ведут окопные работы». Об этом тяжёлом факте я впервые узнал из уст Героя Социалистического труда Желябин В.Т. и не поверил – мало ли что говорит мальчишка военных лет.

Но вот документ.

С 19 апреля 1942 года 1-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия эшелонами стала прибывать в город Ливны – напишет после войны в своих мемуарах командир этого соединения Герой Советского Союза генерал Руссиянов И.Н. Это соединение уже в декабре 1941 г. принимало участие в боях по освобождению ливенчины, когда впервые в истории Великой Отечественной войны произошло окружение оперативно-стратегического объединения гитлеровцев - 34 армейского корпуса воспетого гебельсовской сворой, как корпус победителей. За геройизм и мужество в тех декабрьских боях многие первогвардейцы удостоились орденов и медалей, в их числе был и комдив, а на Боевом Знамени 4-го гвардейского стрелкового полка засверкал орден Красного Знамени. Второй раз она будет участвовать в боевых действиях по отражению летнего наступления врага с юга от города до конца октября 1942 года.

Конечно, 13А к лету 1942 г. была на много сильнее и мобильнее, чем в декабре 1941 г., когда на голом героизме выгоняла из г. Ливны гитлеровцев. Однако противовоздушная оборона и авиационное прикрытие оставляло желать лучшего. На 75 км армейского фронта и тылы армии предназначалось всего 5 зенитно-артиллерийских полков стрелковых дивизий и один армейский полк майора Н.Я. Остроглазова. В 1942 г. такой полк состоял из 2–3 дивизионов или нескольких отдельных батарей. А воздушное прикрытие было ещё более нищим. Воздушное пространство армии прикрывала 205 истребительная авиадивизия подполковника Савицкого Е.Я., которая состояла из 3-х полков. Это при полном штате около 90 самолётов. Поделите на 5 дивизий и танковый корпус Катукова плюс тылы армии. Правда, BBC фронта состояли из 2-й ВА генерала Красовского. Но большая часть её сил прикрывала воронежское направление, где (забегая вперёд) фронт 40-й армии оказал-

ся прорванным и управление потерянным. (Я много прочитал и услышал о варварских замашках Сталина и его кровожадности. Что же сделал этот монстр с генералом Парсеговым? Отправил на Дальний Восток управлять другой армией). А на прикрыте 13 А, которой командовал молодой командарм, выделена была только одна авиадивизия. Забегая вперёд, отметим. В. Прудников в книге «Катуков против Гудериана» пишет: «В связи с этим (плохим авиаприкрытием - автор) Катуков обращается к командующему 13-й армией генерал-майору Пухову Н.П. со следующим донесением: «Выделенных для обеспечения операции корпуса 10 истребителей и 10 штурмовиков – явно недостаточно, т.к. со стороны противника в воздухе над районом расположения корпуса появляются одновременно свыше 50 самолётов противника. Прошу Вашего ходатайства перед командующим войсками Брянского фронта об усилении прикрытия корпуса с воздуха». Но это было потом, в конце июня. А до этого все в 13А занимались боевой учёбой и укреплением оборонительных рубежей.

Генерал лейтенант Пухов Н.П. и генерал майор Козлов М.А.
над картой боевых действий

Командарм и штаб армии, руководимый генерал-майором Петрушевским А.В., очень серьёзно учили подчинённых командиров **соединений** и их штабы к предстоящим боям. Это заявление можно отнести к расхожему штампу, но штабные документы этого объединения, хранимые в фондах ЦА МО РФ, говорят о целой системе командирской подготовки, спланированной штабом. Так в записи журнала боевых действий

армии за 3.06. для истории записано «Штабом армии разработаны варианты действий на случай активизации противника и его попыток прорвать нашу оборону. Все варианты проигрывались под руководством командующего, его заместителя и начальника штаба. Действия отрабатывались на местности с командирами и начальниками штабов соединений». Я видел учебные планы для командиров соединений с местом проведения в разных населённых пунктах левого берега Сосны. Казалось бы армия готовится к боевым действиям на правом берегу, но молодые генералы Пухов Н.П. и Петрушевский А.В. готовят подчинённых комдивов к самым непредсказуемым событиям и сохранению взаимодействий при самом тяжёлом варианте предстоящих боёв.

Одновременно командование 13 А в начале 1942 года обращается к руководству области с просьбой усилить работы на оборонных объектах, в первую очередь на единственной автодороге армии Тамбов – Елец – Ливны.

Штаб армии и командиры соединений, как утверждают ежедневные сводки генерального штаба РККА, отслеживали всеми формами армейской разведки передвижения частей противника. Так 26 мая разведчики установили появление перед фронтом армии 7-й пехотной дивизии, а 10 июня – 385-й, которых ранее на фронте не было. Те документы армии, которые я успел проанализировать говорят о том что армия не жила ни одного дня без разведки на том или ином участке фронта.

Первый командующий 2-й ВА маршал авиации Красовский С.А. с трижды Героем Советского Союза генерал-полковником Покрышкиным А.И. у его самолёта

Во второй половине мая 1942 года Ставка принимает решение о создании 4-х воздушных армий на главных направлениях. Одна из них, 2-я воздушная армия под командованием генерала С.А. Красовского, формировалась на ливенской земле и базировалась здесь до конца лета 1942 года. Здесь в воздушных боях ковалось мастерство будущих асов: дважды Героев Советского Союза Маршала авиации Савицкого Е.Я. (отец дважды Героя Советского Союза лётчика-космонавта СССР Савицкой С.Е.), генералов Кузнецова М.В. и Попкова В.И., полковников Зайцева В.А. и В.С. Ефремова. Командарм-2, Красовский Степан Акимович, старый солдат, испытанный боевой командир, отлично знающий не только авиационное дело, но и наземные войска, их службу и их потребности ещё времён Первой мировой войны. Генерал был лётчиком первой волны, летать начинал на аэропланах и командовал первым подразделением авиаторов ещё царской России. Положение командующего воздушной армией двойственno: с одной стороны, он целиком подчинён командующему войсками фронта, а с другой – главнокомандующему Военно-Воздушными силами. И если от командующего фронтом, как правило он получал только выволочку, из штаба BBC поступали все материальные ресурсы, оттуда осуществлялось техническое руководство, поступало вооружение. Те, кто знал Степана Акимовича, после войны отмечали, что он умел совместить двойное подчинение в целях решения боевых задач. В его распоряжении в мае 1942 г. была одна из самых крупных воздушных армий. Его подчинённые представляли собой замечательную плеяду советских лётчиков с большим опытом и славными традициями. Эти люди вынесли на своих плечах опыт боёв в Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии и самые тяжкие испытания первого периода войны. Затем уже в разгар войны им выпало, по существу, заново создавать авиацию победы, обучать и воспитывать новых лётчиков, отрабатывать, опираясь на свой жизненный опыт новые принципы боевого применения авиации. Но авиация врага в летние месяцы второго года войны продолжала давлеть над красными соколами.

А летом 1942 года лётчикам 2-й воздушной армии выпало решать задачу по отвоёвыванию неба у асов Геринга разными формами боевых действий. Герой Советского Союза генерал-полковник С.А. Красовский в послевоенных мемуарах вспоминал как технический состав на ливенской земле искусно создавал ложные аэродромы, привлекая гитлеровских стервятников к их бомбардировке. «Так на ложный аэродром в районе Кшень было совершено задень 227 самолётовылетов. В первый период авиаиступления 23 групповых вылета врага пришлись на ложные аэродромы и только 3 на действующие... В воздухе беспрерывно шли напряжённые воздушные бои. Особенно большое напряжение пришлось выдержать лётчикам истребителям дивизии полковника Осадчего на левом фланге фронта»; - утверждал, вспоминая самый тяжёлый, 1942, год войны старейший советский сокол С. Красовский.

Но и агрессор не спал, не надеялся, как в 1941 г. на триумфальное шествие по советской земле. В 1942 году враг усилил разведывательные действия. Самолёты противника с весны 1942 года буквально висели над позициями соединений армии генерала Пухова.

Младший лейтенант
Барковский В.А.

Журнал боевых действий 13А за тот период ежедневно отмечал, как «над полосой армии наблюдались полёты 35 самолётов (как это было 1.06. – автор)». Лётчик 591-го истребительного авиационного полка ПВО страны младший лейтенант **Барковский В.А.**, патрулируя в небе у г. Елец на МИГ-3, обнаружил самолёт-разведчик противника, который шёл на запад. Лётчик смело вступил в бой. Манёвренный Fw-189, получив пробоины, всё-таки продолжал полёт.

Генерал Ф. Попынин, в 1942 г. Командующий авиацией Брянского фронта, после войны вспоминал: «Проклятые рамы с рассвета до-

темна бороздили наше небо, выслеживая объекты для удара, следя за передвижениями наших войск». Младший лейтенант Барковский понимал, что упускать врага нельзя, так как впереди была река Сосна и линия фронта, и чужеземец унесёт всё, что видел и будут новые жертвы и потери. Времени для размышлений не было. Оставалось одно – таран. Виктор набрал высоту и, войдя штопор, таранил врага. Советский ас рухнул на ливенскую землю на левом берегу реки Куначик. Посмертно уралец Барковский В.А. удостоен звания Героя Советского Союза.

Его подвигу посвящена книга Л. Голубова «Сокол идёт на таран». О нём написано в монографии «Войска ПВО страны в годы Великой Отечественной войны». Экипаж немецкого самолёта не ушёл от ответа, «рама» упала на правом берегу реки Куначик. Красноармейцы захватили в плен живых членов экипажа с документами о разведке и доставили их в штаб. Наблюдавший за боем подросток села Успенское Н. Ревякин в тот день дал клятву-заменить героя и стать военным лётчиком. В военные годы Николай успевал овладевать знаниями за школьной партой и быть в числе лучших трактористов района. А, закончив школу, он связал свою жизнь с авиацией, пройдя разные ступени лётного мастерства он вышел на пенсию лётчиком-инструктором, полковником.

Немцы на совещании в Харькове, в мае 1942 года, пополнив свои ряды за счёт сателлитов и создав двукратное превышение в живой силе, в два с половиной раза по артиллерию и технике на фронте против 13-й и 40-й армий (на участке главного прорыва превосходство было трёхкратное по личному составу, а по танкам шестикратное) принимают решение о нанесении удара через Ливны на Воронеж. Один из руководителей фашистской Германии А. Йодль в 1946 г. напишет: «После первых

неудач на Восточном фронте зимой 1941 года рейх и его союзники ещё раз собрали в кулак все свои силы, чтобы окончательно разбить натиск восточного противника».

В состав группировки врага входили и 45-я вместе с 95-ой пехотные дивизии, прославившиеся на нашей земле своим варварством. Именно солдаты этих соединений, по приказам своих командиров сожгли в декабре 1941 г., по подсчётом доктора исторических наук Е. Щекотихина, несколько десятков деревень от Ельца к городу Ливны. Нечеловеческая жестокость, проявленная агрессорами, не спасла гитлеровских вояк 34-го армейского корпуса, куда входили выше названные дивизии от бесславного конца в котле первого окружения немецких войск в истории Великой Отечественной войны, состоявшегося на древней ливенской земле. Вскоре к котлам фашисты «привыкнут». Немного о том, что было в начале 1943 г. Шла Воронежско-Касторненская наступательная операция. Ст. Касторная намертво закрыла 13 А, а 40 А вновь дрогнула и открыла дорогу на запад, в том числе 45-й и 95-й пехотным дивизиям, но бегать им по степям и лесам советской страны недолго. Их похоронит Белоруссия.

Помогали на войне и такие случаи. Из штаба 6-й армии, генерал-лейтенанта А.М. Городнянского, недавнего командующего 13 А, и освободителя нашего города, 10 мая пришло донесение: «В районе Семёновка разбился подбитый Ю-52. Пять человек экипажа и семь пассажиров разбились. У убитого подобрали документы, карты, фотоснимки городов Поволжья и Кавказа». Захваченные документы подтверждали данные, как фронтовой так и стратегической разведок, о готовящемся

главном ударе гитлеровских вояк летом 1942 года через Ливны, Воронеж на Саратов.

На рассвете 28 июня, в 3 часа ночи, земля содрогнулась от мощных залпов немецкой артиллерии. 40 минут длилась артиллерийская подготовка, затем поднялись в воздух сотни вражеских самолётов, а под их прикрытием пошли в атаку танки и пехота. Главный удар немцы нанесли встык 121-й стрелковой дивизии 40-й армии и 15-й дивизии 13-й армии. Из состава своей северной группировки 2-ой полевой армии генерала Вейхса против левого фланга 13-й армии, и в первую очередь сивашцев, враг бросил 2 пехотные дивизии и 20-ю танковую генерал-майора фон Тома, в которой 20-й стрелковой бригадой командовал барон фон Люттвиц, вскоре сменивший генерала разозлившего, своей неповоротливостью у стен Воронежа, фюрера (Музей, с помощью активного читателя районной библиотеки Бочарова И.Н., установил ещё один факт лживости фашистского руководства «от низа и до верха». Иван Николаевич передал музею книгу английских военных историков, где приведены слова «великого вояки» барона фон Люттвица, как он принял от другого фона 20-ю танковую на фронте от Воронежа до Ливен. «Фоны» оказывается зашли в г. Ливны).

А вот в тяжёлый для защитников г. Ливны день, в 5 часов батальоны гитлеровцев из 85 и 82 пехотных дивизий, не щадя личного состава, переправились через реку Тим в районе Зябрево и Пятина. Следом за обормотленными таблетками первитина (Гитлер подстёгивал своих вояк не только обещаниями каждому дать надел советской земли и рабов из России, но и созданием специальных психотропных препаратов, притупляющих боль и страх перед смертью. Ими, в дополнение к шнапсу, «подкармливая» настоящих арийцев, не надеясь на призыв каждой солдатской бляхи «Gotmituns»(с нами бог-автор) и волок бесноватый мясник на убой «великую» нацию. Это совершалось преступление против своего народа. С середины войны к родным хлынул поток писем с требованием высыпать на фронт подобные препараты, так как у фронтовиков возникала наркотическая зависимость.) пехотинцами реку форсировали танки. Под напором врага 47-й и 321-й полки сивашцев дрогнули и стали отходить. Только 676-й полк майора Джанджавы упорно оборонял с. Баранчик. Днём фашисты вклинились в районе деревни Лески между 496-м и 507-м полками 148-й стрелковой дивизии, которые освобождали в декабре 1941 года города Елец и Ливны и на своём боевом опыте узнали, что фашистов можно бить да так, что они будут драпать на запад или сдаваться в плен. В результате мощного натиска врагу удалось ворваться в траншеи 507-го полка, освобождавшего в декабре 1941 г. село. Беломестное. В окопах завязалась рукопашная схватка, фашисты её не выдержали и отступили. Более 100 вражеских трупов осталось перед окопами батальонов старших лейтенантов Г.Ф. Миронцева и нашего земляка И.И. Руднева.

Майор Иван Иванович Руднев встретил победу и первым из участников войны удостоен высокого звания «Почётный гражданин города Ливны». Сегодня в числе почётных граждан города участники освобождения Ливен: Герой Советского Союза полковник Шишков Д.К. и подполковник Баштан С.С. В одном строю с ними и наши земляки Герой Советского Союза Бочаров Н.П., полный кавалер ордена Славы Турбин Н.А.; ветераны войны полковник Никитин С.Д., 25 лет возглавлявший Совет ветеранов города и района, сержант Дужик М.Д. (о. Деомид бывший настоятель Сергиевского храма), блокадница Могилевцева Т.М.- заслуженный учитель РСФСР. Много тяжёлого и героического о этих боях рассказывали участники того кошмарного лета наши земляки: командир орудия Деев А.П. и наводчик орудия Савенков Е.Т., командир отделения Агеев П.М. и др. Потери 13-й армии и её соединения подсчитывают после боёв в конце июля 1942 года. Среди погибших будут и ливенцы.

Несмотря на отчаянное сопротивление к 16 часам 28 июня противнику удалось форсировать реку Тим и устремиться вперёд. В донесении штаба Брянского фронта сказано: «...войска Брянского фронта с утра 28.06 завязали ожесточённые оборонительные бои с противником...13 А с 3.0028.06. вела ожесточённые оборонительные бои на фронте Отрадный (25 км западнее Ливны) и Вышне-Долгое(40-45 км юго-западнее Ливны). 15 сд, будучи атакованная противником силою более двух пехотных полков при поддержке 100 танков, в течение 28.06. вела упорные оборонительные бои и, неся большие потери, отошла на рубеж Муравский шлях, Студёное, Никольское». Военный историк Л. Карель, восхваляя гитлеровцев, после войны в монографии «Восточный фронт» напишет: «24-я танковая дивизия генерал лейтенанта Б. фон Гауеншильда со своими танками прорвала оборону и вышла к реке Тим. Танкисты помчались к реке Кшень».

В первый день наступления немцы прорвали первую полосу обороны армии и приблизились на 10-12 километров к г. Ливны. До города оставалось 14 км. На второй день, 29.06., 15-я сд сосредоточилась в районе совхоза 17 партъезда; 148-я в ходе боёв с превосходящими силами врага оставила с. Вязовик, а 143-я отошла к с. Екатериновка. Это были одни из самых тяжёлых и кровавых боевых действий в истории Великой Отечественной войны. Писатель А. Авдеенко, после форсирования Одера, встретился с командиром одного из батальонов 6-й гв. сд Героем Советского Союза майором Тарасовым Г.И., который коман-

вал ротой летом 1942 года на ливенской земле. На вопрос, где было наиболее опасно, Герой ответил, что самые тяжёлые бои и дни войны он пережил под Ливнами летом 1942 г. Но 13 А в этих боях не сдалась врагу. Сводки Генштаба сохранили для потомков сообщения о том, что соединения армии с первых дней боев не только отражали атаки врага, но и переходили к контрударам. Вечером 28 июня генерал Катуков, командир 1-го танкового корпуса, получает приказ нанести удар во фланг и тыл вклинившемуся противнику и во взаимодействии с 16-м танковым корпусом уничтожить его между реками Кшень и Олым. Танкистам предстояло в ночь с 29 на 30 июня перейти реку Сосну и сходу вступить в бой с врагом. 28 июня мотострелковая бригада корпуса приступила к сооружению переправ через реку в районе железнодорожного моста. Так командование и личный состав бригады стали свидетелями трагедии нашего города.

Мёртвый город. Помпеи наших дней

Газета «Знамя Ленина» 28 июня 1942 года опубликовала передовицу с обращением учителей и эвакуированных Воротынского сельского совета направить все силы на помочь сельскому хозяйству. Здесь же есть обязательство директора птицесовхоза Нагорного и начальника политотдела Денисова о том, что они победят в социалистическом соревновании. Эта же газета рассказывает об успехах учеников Березовской школы на соревнованиях по коксогыза и что колхоз «Партизан» начал сенокос, а Ливенская медшкола объявила приём на первый курс. Но конкретная работа ливенцев по возрождению нарушенного войной многообразного хозяйства на родной земле была прервана гитлеровцами.

В древние годы город неоднократно сжигался захватчиками, а население уничтожалось. Так же планировали сделать и варвары 20-го века – фашисты. «28 июня 1942 года в 3.15 дальнобойная артиллерия начала мощный обстрел Ливен, разрушая уцелевшие здания и те, которые начали восстанавливать».

В журнале боевых действий первого танкового корпуса записано:

«28.06.1942 г. город начала обстреливать дальнобойная артиллерия.

29 июня 1942 г. на Ливны беспрерывно действуют от 15 до 30 самолётов противника».

В этот день, 29.06., с 11.00 до 17.00 десятки немецких самолётов обрушили бомбы, но и дальнобойная артиллерия не прекратила посыпать свои снаряды на наши Ливны.

Маршал бронетанковых войск Катуков М.Е. в своих мемуарах напишет: «Вероятно, на основании агентурных данных или сведений авиаразведки гитлеровцы пронюхали, что в районе г. Ливны сосредоточены советские войска. С восходом горячего июньского солнца на город с запада налетела армада вражеских бомбардировщиков. Облако чёр-

ногого дыма, языки пламени поднялись над Ливнами. Целые кварталы, улицы были превращены в чёрное пепелище. Погибло немало женщин, стариков, детей. Несколько дней над маленьkim, разрушенным городком стояли стон и похоронный плач».

Газета «Ливенская провинция» в наши дни написала: «Советские лётчики яростно сражались с вражескими бомбардировщиками, врезались в их строй, мешали вести прицельную бомбёжку, сбили семь самолётов противника, но силы были не равны, ведь именно в это время шли тяжёлые бои по всему фронту 13-й армии. В жестокой схватке по защите города Ливны погибли все шесть наших соколов. Погиб и командир полка майор Н.А. Иванов».

В этот же день в небе над Росстянами погиб Пе-2 в составе экипажа которого сражался мурманчанин поэт Александр Подстаницкий, проходивший службу стрелка-радиста в авиаполку. Полк встретил победу как 28-й гвардейский

бомбардировочный Смоленско-Берлинский Краснознаменный полк дальнего действия. Музейщики г. Мурманск установили, что в соответствии с приказом Александр входил в состав экипажа где командиром был младший лейтенант А. Никитенко, штурманом лейтенант Н.А. Караваев а воздушным стрелком С.И. Попов. После нанесения бомбового удара по фронту противника, бомбардировщик, возвращаясь на аэродром, попал под огонь истребителей врага у села Коротыш, где был подбит и догорал на земле. Командиры в письме родителям отметили,

что А.В. Подстаницкий погиб при выполнении боевого задания по разгрому немецких оккупантов. А где остальные члены экипажа не известно и сегодня.

Побывав через несколько дней после трагедии в Ливнах, военный корреспондент Юрий Жуков по горячим следам написал статью «Мёртвый город, Помпеи наших дней», опубликованную газетой «Комсомольская правда» 8 июля 1942 г. То, что он увидел, потрясло его на долгие годы. Даже спустя десятки лет после окончания войны он писал в своих мемуарах: «Случилось мне побывать в старинном городе Ливны, вдребезги разбитом авиацией и дальнобойной артиллерией гитлеровцев в самые первые дни их наступления, когда они прощупывали прочность советской обороны на всех направлениях Брянского фронта. С тех

пор я повидал многие разрушенные вермахтом города, большие и малые: на Украине, и в Польше, и в Чехословакии, и во Франции, и в других странах. Я ходил по мёртвому Крецатику, пробирался среди груд щебня в Варшаве, стоял на пепелище в Лидице, рассматривал разбитые кварталы в Лондонском Сити, видел убитый немцами Орудур. Но Ливны стал первым городом-мучеником, в котором мне довелось побывать, а первое впечатление самое сильное. Я до сих пор необычайно явственно в мельчайших подробностях помню тот трагический день, когда мы въехали в расстрелянный немцами город. Мы знали, что он жестоко пострадал от воздушных налётов и артиллерийских обстрелов. Как-то не верилось, что город умерщвлён, что перед нами каменный скелет... Мёртвый город, Помпеи наших дней лежит над рекой...».

Ту всесоюзную газету прочитали все руководители большого советского государства, но никто не захотел помнить трагедию малого города России, на протяжении 2,5-веков недалёкого прошлого прикрывавшего грудью молодое Московское государство, а ведь у стен убитого немцами города родилась 420 лет назад, в 1593 году, самостоятельная внешняя политика России. Он должен составлять гордость России, а он предан забвению и в наши дни. Почему? Непонятно.

Военный корреспондент газеты «Правда» Бронтман Л. в своём военном дневнике записал: «Ливны. 14 июля 1943 года. Вечером проехали Ливны, город весь состоит из коробок, все дома разрушены бомбёжкой. Ни одного целого дома мы не видели. На выезде мы спросили регулировщика:

– Где можно переночевать?

– До ближайшего селения 4 км, но все разрушено.

...Доехали до села Барково – одни руины. Люди в подполах, в блиндажах и землянках. Поехали дальше – ст. Коротыш – тоже самое. Решили свернуть с шоссе, поискать что-нибудь целёхонькое. Встретился паренёк лет 9-10:

– Командиры, дайте денег выкупить рожь из колхоза.

– Зачем?

– Кушать.

Дали рублей 20».

И это Орловская область!

Жительница нашего города Н.А. Анисимова в наши дни вспоминает: «Дом купленный ещё до революции отцом был очень большим и добродушным. К нашему счастью он избежал участия многих разрушенных домов, потому что его охраняла икона Тихвинской Божьей Матери». И больше никто город не защитил. Испанскую Гернику на кануне 2-й Мировой войны ковровым бомбометанием уничтожил будущий фашистский генерал Рихтгофен меньшим количеством самолётов и меньшей мощностью авиабомб. Эту трагедию запечатлел П. Пикассо и ныне о ней знает и помнит весь мир. Город Ливны уничтожал уже опытный преступник Рихтгофен и расчёты преступления были проведены им более глубоко и результат был достигнут - «жилищный фонд уничтожен на 90-95 %. Разрушены промышленные, коммунальные предприятия города, все культурные учреждения». И это варварство гитлеровцев было вычеркнуто из истории Великой Отечественной войны с 1942 года. И 70 лет спустя никто не хочет вспоминать трагедию малого города России, где утром 30 июня 1942 года по улицам бегала собака с окровавленной головой в зубах. Будущий автор первой книги «Ливны» С.П. Волков, увидев пса, нёсшего окровавленную человеческую голову, прошёл по окровавленному следу и обнаружил, что бездомная тварь отгрызла голову у засыпанного обломками художника Лопарева. Какая ужасная смерть! А сколько заживо погребённых? - никто не считал, ведь город считался с апреля эвакуированным и контролировался комендатурой. Но люди каждую ночь возвращались к своим жилищам, но нужно было прятаться от патруля и возвратившиеся скрывались в подпольях, на чердаках, в подвалах. Сколько их навеки похоронили в родных пенатах фашистские лётчики и артиллеристы? Участники международной конференции, организованной музеем на Поклонной горе и посвящённой 70-летию боёв лета 1942 года выслушали выступление представителя г. Ливны, поапплицировали и остались в оценках И.В. Сталина.

А ведь Ливны единственный город в СССР уничтоженный таким варварским методом. У нас помнят Орадур, Лидице и Хатынь. А г. Ливны - убитый немцами в центре России? Ливенцы восстановили его и в наши дни он признан дважды одним из благоустроенных городов России.

Ливенский щит

На глазах танкистов М.Е. Катукова фашисты превратили в пепелище древний город-крепость Ливны. Они 30 июня, вступив в бой с захватчиками, были безжалостны, их души горели священной ненавистью, и танкисты сломали наступление немцев на город Ливны. И. Кравченко, воевавший в составе 1-го танкового корпуса после войны в одной из своих работ подчеркнул, что встречные бои танковых и механизированных корпусов развертывались так же и в оборонительных операциях начального периода Великой Отечественной войны, летом 1942 года.

Командир танковой бригады полковник Д.Х. Черниенко, выполняя приказ Катукова, блестательно решил задачу по окружению и разгрому вклинившегося противника. Путём фланговых ударов он отрезает немцам пути отхода за реку Кшень и полностью уничтожает мотопехотный полк врага. Две тысячи немецких солдат остались лежать в травянистой пойме реки. Полк фашистов потерял здесь всё своё вооружение, в том числе 26 орудий. Образцом мужества и отваги служит бой под руководством командира батальона майора Землякова. Семь его танков в течение 2-х часов отражали атаку тридцати танков противника. В результате наши танкисты сожгли 17 вражеских бронемашин. Земляков встретил победу в г. Берлине, командиром бригады, Героем Советского Союза.

Танкисты 1 танкового корпуса вступают в бой на Ливенской земле

Первому танковому корпусу бой пришлось вести в невероятно тяжёлых условиях. Прославленный военачальник М.Е. Катуков после войны напишет: «На нашем участке фронта авиации было мало. Правда, нас прикрывал 3-й истребительный авиакорпус, которым командовал генерал-майор авиации Е.Я. Савицкий. (В те дни Савицкий Е.Я. был подполковником и командовал 205 иад. Но эта небрежность простительна, ведь мемуары писались десятилетия спустя - автор) Нахо-

дясь в бесконечных воздушных боях на разных участках фронта, он не мог оказать нам, танкистам, существенной помощи. Самолётов у Савицкого не хватало. Изредка над полем боя появлялись два, три истребителя. Своими зенитными средствами наш корпус так же был не в силах отразить массовые налёты фашистской авиации. Поэтому гитлеровские стервятники бомбили, обстреливали нас почти безнаказанно». И.В. Сталин, во время переговоров с командующим фронтом ставит вопрос об оценке действий авиации. Генерал Голиков Ф. доложил: «Наша авиация работает с большим напряжением днём и ночью. Несмотря на многократные налёты бомбардировщиков врага на Катукова, результат его налётов не значителен благодаря самоотверженной работе истребителей».

В ходе одного из таких налётов авиации врага в районе деревни Жерновка в первом бою корпуса с гитлеровцами погибает Герой Советского Союза ст. лейтенант Любушкин И.Т. Командир батальона, любимец Катукова М.Е., Иван Любушкин как командир танка прославился в боях под Мценском. Он был на острие 1-й Гвардейской танковой бригады в декабре 1941 года под Москвой. В июне 1942 года в Ямском лесу под Ливнами он стал на колено перед первым гвардейским знаменем танкистов. 30 июня у д. Жерновка, преграждая путь фашистским танкам, Иван Любушкин сгорел в бою. Сегодня его именем названа улица в г. Ливны.

Из его экипажа выжил тогда только механик водитель Павел Сафонов. Ему суждено было расписаться на рейхстаге, но раны, полученные на войне, не позволили долго жить. Ныне из всей 1-й гвардейской танковой бригаде жив только один участник боев на ливенской земле медсестра бригады и жена командира Катукова Екатерина Павловна.

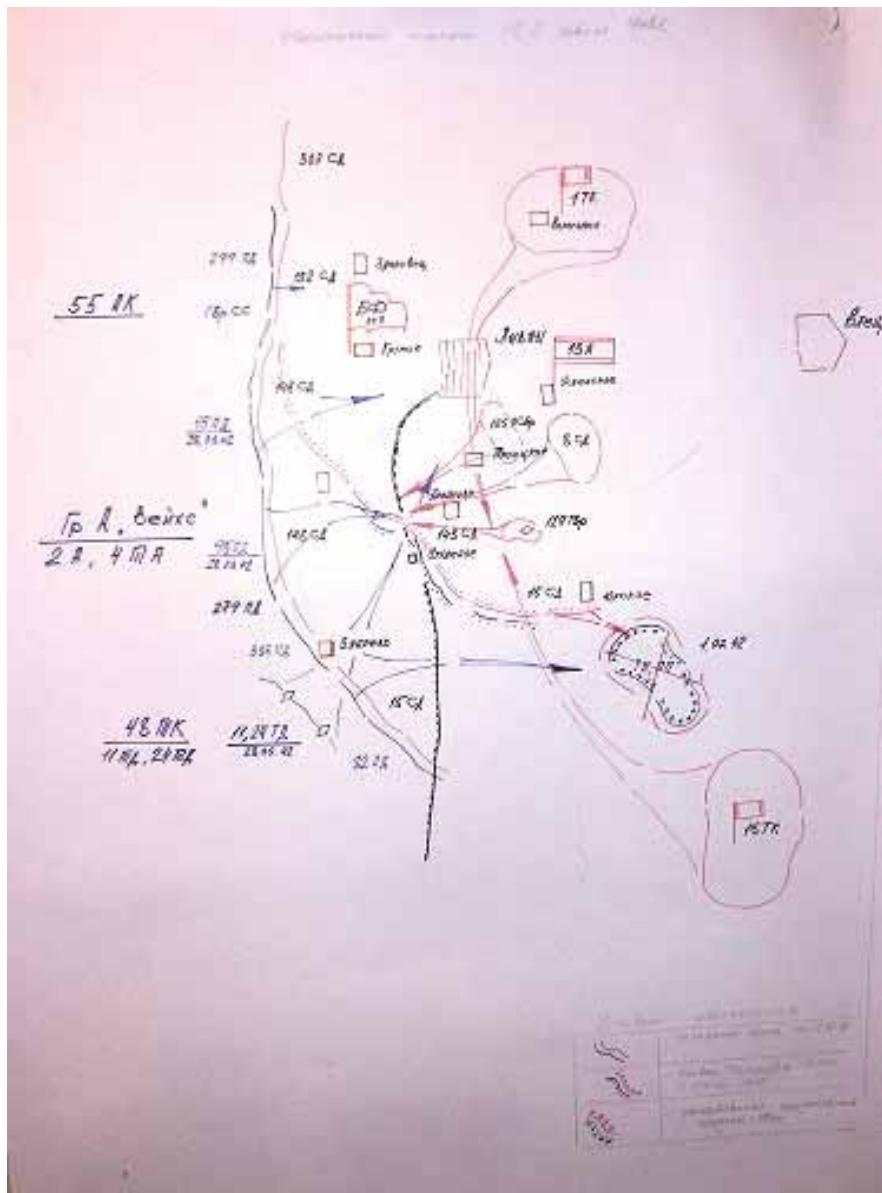
В этих боях лейтенант Слюсарев М.Г. уничтожил танком «КВ» 4 пушки, 2 миномёта и до эскадрона кавалерии, но сам погиб. Посмертно он удостоен звания Героя Советского Союза.

Оборонительная операция 13А летом 1942 г.

В целом в тех тяжёлых боях летом 1942 года только в 1-й гвардейской танковой бригаде не досчитались около двух сотен танкистов. Ливенский краеведческий музей с помощью родственников солдат Великой Отечественной войны устанавливает фамилии героев тех кровавых боев. Третьего июля 1942 года у деревни Новая Жизнь, уничтожая гитлеровцев 385-й пехотной дивизии на правом берегу реки Кшень у деревни Огрызково, погиб смертью героя командир 2-й стрелковой роты 89-й танковой бригады старший лейтенант Манько П.Т.

Для восстановления положения командарм - 13 ввёл в бой 129-ю танковую бригаду, которой командовал полковник Аникушкин Ф.Г. (одна из улиц города носит его имя), а комиссаром был Герой Советского Со-

юза полковой комиссар А.В. Котцов. Журнал боевых действий бригады сохранил для потомков как самоотверженно и мужественно воевали танкисты в те летние дни на ливенской земле.

Схему создали полковники в отставке В. Бобков и В. Гордеев

Комбриг, получив задачу, решил 1 июля отвести бригаду из района Баранчик, чтобы на более выгодном рубеже встретить противника. Бригада выстояла в обороне под многократными атаками немцев и, нанеся ему ощутимый урон, на следующий день вынудила врага оставить село Баранчик. В этом противостоянии отличился капитан Козлов Н., который одним танком КВ и четырьмя Т-34 атаковал колонну противника, уничтожив в коротком бою 13 орудий, 11 ПТР, до двух рот пехоты. Командир батальона в этом бою погиб и был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Его могила и ныне объект поклонения в селе Баранчик.

Упорной активной обороной, нанося контрудары противнику, бригада не допустила продвижения немцев на город Ливны, но враг не унимался, и бои продолжались. Танкисты с 4 июля на рубеже Кропоткино, Жерновка, Никольское закопались в землю и приготовились к упорной обороне. Пехота 1-й и 109-й мотострелковых бригад 5 июля, не выдержав напряжения боя, стала отходить. Полковник Аникушкин Ф., чтобы не допустить паники, приказал силой оружия остановить красноармейцев. До 13 июля бригада танкистов непрерывно отбивала атаки противника с места и сама контратаковала его, уничтожая технику и живую силу врага. Только 5 июля танкисты уничтижили 4 танка, 6 орудий, 2 бронемашины и около тысячи солдат и офицеров. Всего же в боях за Ливны бригада уничтижила 31 танк, 3 самолёта, 2 бронемашины, 109 орудий, 70 пулемётов, 11 автомобилей, 19 ПТР, 68 лошадей и около 5 тысяч солдат и офицеров. При этом бригада несла потери: погибло 2 командира батальона (майор Дудаш и капитан Козлов), офицеры Часовских, Демин, Назаренко, сержанты Беляев и Климов. Комбриг, по итогам боев, кроме капитана Козлова, представил к наградам: Орденом Ленина – 13 человек, Красного Знамени – 80, Красной Звезды – 123, медалями «За отвагу» – 82 человека, «За боевые заслуги» – 104.

В Ставке ВГК были крайне обеспокоены, что командование Брянским фронтом слабо обеспечило оборону на реке Кшень и в районе северо-восточнее реки Тим, а также и г. Ливны.

Сталин принимает решение заменить Командующего Брянским фронтом генерала Голикова на генерал-лейтенанта Рокоссовского К.К. На нашей ливенской земле приобрёл первый опыт полководческой деятельности один из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны. Вспоминая лето 1942 года в своих мемуарах «Солдатский долг» дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Рокоссовский К.К. подчёркивает неординарность обстановки, в которой ему пришлось вступить в командование фронтом: «Мне пришлось с ходу включиться в дело. Шли упорные бои. Противнику к этому времени уже удалось выйти к Дону. Направляя главные усилия на юго-восток, он частью сил наносил удар вдоль западного берега реки Дон на север».

Энергичные действия нового командующего, поддержаные войсками 13 армии, позволили сорвать замыслы врага по расширению прорыва в северном направлении и не пустить врага в г. Ливны.

Кровавые бои на нашей земле собрали цвет журналистики во главе с редактором газеты «Красная Звезда» Д. Ортенбергом. О мужестве сорвавших замысел фашистов выжечь плодородную землю и начать новый поход на Москву, на Волгу в то время писали в очерках, находившиеся в полках, дивизиях и 13 армии Брянского фронта писатели, поэты и публицисты: И. Эренбург, К. Симонов, С. Наровчатов, М. Луконин, Б. Полевой, М. Карим, Э. Буков, А. Платонов, Ю. Жуков и др.

Илья Эренбург, осмысливая танковые бои героев-катуковцев на ливенской земле создает целую серию очерков о патриотизме, мужестве и сердце советского солдата. «Сердце бойца гитлеровцы пытались подменить мотором, солдатскую выдержку - броней. Отечественная война доказала торжество человеческого духа. Как можно остановить танк? Ответят: меткой наводкой, хорошим бронебойным ружьем. Но, прежде всего, нужна отвага. Человек должен подпустить близко к себе железное чудовище, не растеряться, не убежать» - размышляет видный публицист, и свои выводы подкрепляет подвигом, совершенным в мае 1942 года в Сталинградских степях батареей ливенца ст. лейтенанта Быкова И.М., о котором ему рассказал комдив 13 гвардейской стрелковой дивизии генерал Родимцев А.И. «Недавно батарея ст. лейтенанта Быкова отбивала танковую атаку. Огиная берёзовую рощу, 50 танков надвигались на наши боевые порядки. «Не пропустить» - была команда Быкова. Когда машины подошли на 800 метров, артиллерия открыла огонь.

Раненый, он оставался на посту. На поле боя чернели остатки 26 танков. Сколько над ними трудились рабы Гитлера! По замыслу немцев эти танки должны были дойти до Индии. Они погибли у берёзовой рощи. Человек придумал мотор, и человек может уничтожить мотор... побеждает сердце».

К. Симонов не покидал окопы участников сражения в ходе всех боёв на ливенской земле летом 1942 года. Он был с пехотинцами в окопах, он видел как смело вели бой танкисты Катукова и Анискушкина, как самоотверженно сражались лётчики. На нашей земле у писателя сложился рассказ «Пехота». Под впечатлением боев на Опытном поле у деревни Жерновка в ответ на приказ № 227, вошедший в историю как приказ «Ни шагу назад!», он пишет стихотворение «Безымянное поле»:

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.
Я знаю, ты пуль не боялся,

Симонов К. в годы войны
фронтовой корреспондент
1942 г. 13 армия

И жизнь, что дала тебе мать
Берег ты с мужскою надеждой
Её подороже отдать.
Ты, верно в сорочке родился,
Что все ещё жив до сих пор,
И смерть тебе меньшею мукой
Казалась, чем этот позор.
Ты слышишь, товарищ, ты слышишь,
Как мёртвые следом идут,
Ты слышишь: не только потомки,
Нас предки за это клянут.
Клянёмся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад.
Чтоб больше не шли вслед за нами
Безмолвные тени солдат.
Пусть то безымянное поле,
Где нынче пришлось нам стоять,
Вдруг станет той самой твердыней,
Которую немцам не взять.

И ливенские поля, политые кровью красноармейцев и командиров, стали твердыней, с которой больше не отступали солдаты 13 армии.

Ожесточённые бои за Ливны продолжались до конца июля 1942 года. Об оборону 13 армии, усиленную танковыми корпусами и бригадами, окончательно разбились мечты Гитлера об овладении городом Ливны, а затем и Москвой. Ветеран войны подполковник Величкин П. на страницах газеты «Знамя Ленина» вспоминал: «Противник сосредоточил против нашей дивизии крупные силы. Особенно мужественно обороняя свой участок 635-й стрелковый полк(143 сд – автор). Один из взводов 4-й роты в течение нескольких дней держал оборону на высоте южной деревни Новый Тим. Эта горстка героев расстреляла не одну сотню пьяных фашистов, которые наступали психической атакой - цепью, стоя в полный рост, сняв с себя гимнастёрки. Несколько хуже сложилось положение в 800-том стрелковом полку, который не выдержал натиска врага и оставил деревню Бараново. В этих двухнедельных тяжёлых боях дивизия понесла не малые потери. Погибли политработники 635-го стрелкового полка, ранее сотрудник Никольской районной газеты товарищ Коржиков и 800-го полка – довоенный инструктор Должанского райкома ВКП(б)». Ветеран войны Серафим Андреевич Ерохин в то тяжёлое лето командовал на Ливенской земле танковой ротой. Их мотострелковый батальон 9 июля оставил три населённых пункта. Командира батальона комдив приказал предать суду. Комбриг танкистов приказал его роте произвести разведку. Ерохин С.А., изучив обстановку, принял решение атаковать противника вместе с пехотой. К утру все три населённых пункта были отбиты у врага. Об этом бое сообщила сводка Совинформбюро,

Ерохин С. был представлен к ордену, а командир батальона возвращён на должность.

Летняя кампания 1942 года на ливенской земле закончилась для немецкой армии тяжёлым поражением. Гитлеровский военачальник и послевоенный исследователь истории Второй Мировой войны К. Типпельскирх в своём труде «История Второй Мировой войны» подчеркнул: «В районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось... Дальнейшее развертывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначальному плану должно было продвигаться через Воронеж на Саратов застяло».

Английский исследователь М. Говард будет более откровенен: «Гитлер потерпел неудачу в своих намерениях разгромить русские армии западнее Дона».

Герой Советского Союза генерал армии Казаков М.И. в своих мемуарах добавляет: «Прежде всего, хочу выразить свою признательность солдатам, младшим командирам и офицерам 15, 132, 143, 148 и 307 стрелковым дивизиям, 106 и 109 отдельным стрелковым и 129 отдельной танковой бригадам. Эти соединения исключительно упорно защищали каждый метр своих позиций. Всякий мелкий тактический успех, которого добивались здесь ценой больших потерь войска вражеского 55 армейского корпуса, в тот же день ликвидировался контр-атаками. Приятно сказать доброе слово в адрес командующего 13-й армии генерал - майора Н.П. Пухова, члена Военного совета генерал - майора М.А. Козлова, начальника штаба генерал-майора А.В. Петрушевского. А из командиров дивизий и бригад следует отдать особую дань уважения генерал-майору А.А. Мищенко, полковникам Г.А. Курносову, Г.С. Лазько, Ф.Г. Аникушину и подполковнику Т.М. Щурренко». Вместе с тем представления о присвоении гвардейских званий 1-му танковому корпусу, 129-й танковой бригаде и 307-й стрелковой дивизии Ставкой Верховного Главного командования не были реализованы.

В документах центрального архива МО РФ есть докладная записка генерал-майора Попова, проходящего стажировку по должности начальника политотдела армии. Он, в частности, пишет о 307-й стрелковой дивизии: «Состояние дел в дивизии и ход её боевых действий в настоящее время не даёт достойных оснований в присвоении этого высокого звания, так как дивизия с 13 по 21 февраля 1943 года не выполнила ни одной боевой задачи, при этом потеряла 1174 человека».

В тех боях, лета 1942 г. проявили мужество и героизм воины 45-го отдельного дивизиона бронепоездов, которые в составе 13-й армии прикрывали город на перегоне Ливны – Мармыжи. Бронепоезд № 1 «Комиссар Лестьев» под командованием ст. лейтенанта Воронцова 28 июня 1942 года, прикрывая 129-ю танковую бригаду от атак с воздуха, в неравном бою атакованный танками и 38-ю самолётами, не оставил поле боя и вёл огонь по врагу, пока были снаряды и личный состав у орудий.

В последующем бронепоезд № 1 «Комиссар Лестьев» был возрождён в депо им. Воеикова и участвовал в боях до дня Победы.

Сердца десятков тысяч солдат остановили фашистов у берёзовой рощи у Опытного поля на Ливенской земле. Сегодня на опушке рощи в память о тех боях установлен обелиск.

Фронтовая газета «На разгром врага» 25 июля 1942 года писала: «*После того как наступление немецких войск на нашем участке фронта захлебнулось, противник пытается закрепиться на удобных рубежах. Взятые в плен десять солдат и офицеров все как один подтвердили, что их полки потеряли наступательную силу и понесли огромные потери. Все немецкие части получили приказ занять оборону и лихорадочно окапываются.*

Это оборонительное сражение лета 1942 года стало не только для нашего города, но и в целом для СССР щитом, который подготовили на пути фашистов командующий 13-й армией генерал Пухов Н.П., её штаб возглавляемый генерал-майором А.В. Петрушевским, танкисты генералов Ф. Аникушкина, М. Катукова и М. Повелкина, лётчики генерала С. Красовского, а так же жители города Ливны и Ливенского района. Доктор исторических наук, ветеран Великой Отечественной войны, участник описываемых событий профессор Н.Ф. Кузьмин назвал эту оборонительную операцию, создавшую неопределимый заслон на пути продвижения немецких войск к г. Ливны, «Ливенский щит».

Ныне, анализируя документы можно сделать вывод, что Ливенский щит-это система оборонительных сооружений, созданный титаническим полугодовым трудом личным составом 13 А и жителями Ливенского и Никольского районов, мужество, героизм и стойкость красноармейцев и танкистов 13А, военный профессионализм командиров объединения, согласованность действий всех приданых танковых и авиационных соединений, артиллерийских и железнодорожных частей. Всё это не позволило врагу прорвать оборону 13 А и, в конечном итоге, взаимодействие родов и видов РККА на участке фронта 13 А сорвало общий план гитлеровцев при проведении операции «Блау».

Оборонительное сражение 13 армии летом 1942 года поставившее щит на пути агрессора к г. Ливны обогатило теорию и практику ведения боевых действий. По итогам летних боев на советско-германском фронте в 1942 году армия генерала Пухова Н.П. оказалась единственным оперативным объединением, не отступившим под жестоким натиском врага. Этому успеху способствовало:

1. правильное построение обороны, как многоэшелонированную и разветвлённую сеть опорных узлов и отсечных позиций для флангового огня по противнику.

2. Своевременно подготовленные инженерными войсками и населением города и районов оборонительные полосы между реками Кшень и Олым позволили закрепиться, отступившей в первый день боев, 15 стрелковой дивизии и во взаимодействии с 1 танковым корпусом оста-

новить и не дать гитлеровцам расширить прорыв в стороны г. Ливны и далее на северо-восток.

3. Грамотное применение танковых соединений, и образование из 1-й и 16-й танковых корпусов на фронте 13-й армии единого танкового кулака способствовало разгрому танкомеханизированных групп противника у д. Жерновка и в междуречье Кшень и Олым. В деле создания этой группы проявил настойчивость и мастерство военачальника будущий дважды Герой Советского Союза Маршал бронетанковых войск Катуков М.Е.

Сидящие в Ставке военачальники в те дни обругали Катукова и Повелкина. А они сделали своё дело - остановили врага, а вскоре 13А перешла в наступление. Генерал Пухов Н.П. в своей докладной записке, анализируя боевые действия лета 1942 года и тактику противника, делает вывод о «необходимости создания танковых частей для непосредственной поддержки пехоты, которые, действуя при наступлении с пехотой и не отрываясь от неё, иногда впереди, иногда сзади, своим огнём поддерживает её продвижение. При обороне часто закапываются в землю и огнём с места встречают атакующие танки и пехоту врага».

Командарм предлагает «В целях лучшей и быстрейшей организации взаимодействия подчинять танковую бригаду командиру стрелковой дивизии».

Так летом 1942 года в боях на ливенской земле использовалась 129-я танковая бригада полковника Аникушина Ф.Г. В изданном институтом военной истории биографическом словаре «Комкоры» о нем сказано: «...Танковая бригада действовала с исключительной стойкостью и отвагой, выполнила все боевые задачи, за что ему присвоено звание генерал-майора танковых войск. С августа 1942 года он зам. командующего 38-й армией».

В сентябре генерал Катуков М.Е. был заслушан Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным. Ставка ВГК, рассмотрев итоги боев лета 1942 года, делает выводы и приказом НКО № 325 от 16 октября 1942 г. определяет порядок формирования и применение танков непосредственной поддержки пехоты, а Постановлением ГКО № 2791 от 28 января 1943 г. окончательно устанавливает порядок комплектования танковых армий. Командующим 1 гвардейской танковой армии назначается герой боев на ливенской земле генерал Катуков М.Е. Но война в 1942 году, не смотря на мужество и стойкость солдат и офицеров 13 армии и первого танкового корпуса, лётчиков генералов С. Красовского и Е. Савицкого, с ливенской земли не ушла.

Ливенская оборона, как утверждают авторы книги «Через всю войну», вступила в новый этап. Войска начали укреплять позиции. Командование инженерных войск разработало конкретные чертежи оборудования ротного района обороны, планировало оборонительные работы и вело строгий учёт их выполнения. Вскоре на переднем крае появились глубокие, хорошо оборудованные траншеи, ходы сообщений полного профиля, дзоты и блиндажи. Командарм потребовал возобновить си-

стему занятий и тренировок по боевой подготовке; в штабах полков, бригад и дивизий изучался опыт недавних боев, проводились штабные тренировки.

Ф.Г. Аникушин (в центре) и Герой Советского Союза А.В. Котцов
Среди командиров и политработников 129-й танковой бригады

Анализ документов 13А и её соединений с начала войны до осени 1942 г. позволяет сделать вывод, что штабы частей и соединений увидели своё место в планировании и ведении боевых действий, своеевременности анализа их хода и принятия мер к предупреждению боевых действий врага.

Тяжёлые оборонительные бои не снизили боевую активность соединений армии. Так называемые бои местного значения с целью улучшения позиций наших войск или разведки боем носили ожесточённый характер сразу же после прекращения давления противника. Так, например, в одном из местных боев 8 августа 1942 года 654-го стрелкового полка 148-й стрелковой дивизии погиб младший политрук Шульман В., сын Беларуси.

В соединения армии прибывало пополнение, как личным составом, так и видами вооружений. В октябре 1942 года на базе 134-й курсантской стрелковой бригады в городе Ливны была сформирована 74-я стрелковая дивизия под командованием полковника Казарян А.А. Поисковый отряд Ливенского опытного завода чертёжного оборудования во главе с Псаревой Э.С. изучал историю этого соединения и установил: что дивизия уже 14 октября 1942 года вступила в бои и освободила село Баранчик, а затем участвовала в ожесточённых боях за высоту «Огу-

рец», где только за 28 января 1943 года дивизия потеряла более тысячи человек. В этих боях отличился Павел Гурьянов, который со своим отделением обеспечил бесперебойную связь комдива с подразделениями, ведущими бой за высоту. В последующем Павел Яковлевич Гурьянов в боевой обстановке с лета 1942 года до дня Победы совершил много подвигов и стал легендой соединения. Герой Советского Союза генерал-майор А. Казарян после войны вспоминал: «Есть подвиги, которые совершают однажды. И награждают за них однажды. Наш Паша Гурьянов совершил их дважды, трижды... Мне, порою кажется он презирает даже смерть! Ко дню Победы он стал Героем Советского Союза, а 74-я дивизия, за героические действия на полях сражений встретила победу в Восточных Альпах, как Киевско-Дунайская Краснознамённая ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия. Это соединение одно из немногих в истории Великой Отечественной войны, где за успешное форсирование Днепра комдив и все командиры полков стали Героями Советского Союза. Правда, вскоре на правом берегу великой украинской реки, западнее Белогородки, дивизия попала в тяжёлое положение. И командир 78-го стрелкового полка Чичкан струсил, за что лишён был звания героя и осуждён судом военного трибунала. Полк в последующем реабилитировал себя и по итогам освобождения Югославии стал Белградским.

К началу 1943 года в 13-й армии существенно изменился состав. В её состав входили восемь стрелковых дивизий, две танковые бригады и три отдельных танковых полка, две артиллерийские дивизии прорыва и артополк резерва главного командования, истребительная дивизия противотанковой обороны, четыре гвардейских миномётных полка и шесть миномётных полков, три артиллерийских противотанковых полка, свыше двенадцати инженерно-сапёрных батальонов, аэросанный отряд, армейский лыжный отряд и дивизион бронепоездов.

Но обстановка на освобождённой от врага ливенской земле была очень сложной и тяжёлой. Порой члены семей фронтовиков писали своим мужьям и сыновьям кричащие письма о помощи. Агаркова Анна из колхоза «Мировой Октябрь» Речицкого сельского совета писала своему отцу Агаркову Г.А.: «Дорогой папа опишу тебе своё горе. Наша мама умерла, что нам теперь делать. Хлеба нет, варить нечего, варим одну траву. Нам придётся с голода умирать. Просим хлеба у сельсовета. Там говорят хлеба нет. Папа попроси у своих начальников, может быть пустьят домой определить нас».

Из деревни Зубцово Здоровецкого сельского совета на имя командира, в которой служил отец, написала Соломина Пелагея: «Товарищ начальник, мать моя больна, мы тоже пухнем с голоду, потому что пять месяцев не видим хлеба, питаемся одной травой. Мать куда бы не обращалась за помощью, везде отказывают. Средств к существованию никаких нет – нас трое детей малолетних. Прошу вас помогите нам. Писать меня заставила последняя крайность, не хочется

умирать от голода в таком возрасте как я и мои малые братья. Мне девять лет, а они ещё меньше».

Шебанова М.И. из Вязовицкого сельского совета, где из рук в руки переходили летом 1942 года деревни, вынуждена была написать командиру части, где воевал её муж: «Дома нет, остались одни камни, живём в подвале. Хлеба нет. Фашист не дал убрать, и сейчас нет ни хлеба, ни вещей. Я сейчас с голоду пухну. Лежала полтора месяца больной тифом и сейчас не могу встать на ноги, так как есть нечего».

Однако жизнь в городе и по левому берегу Сосны налаживалась. В соответствии с решениями государственных органов городские власти организовывали помочь семьям фронтовиков, восстанавливались личные дома.

Н. Анисимова вспоминает, что в 1943 году они вернулись из эвакуации. В 30 км от Ливен шла линия фронта. Надвигалась Орловско-Курская битва и со стороны Ельца в течение трёх месяцев день и ночь шли через город наши войска. ОС февраля 1943 г. в г. Ливны стала прибывать 65А генерала Батова. После войны он напишет: «Штаб армии пробивался к Ливнам. Снег выше метра. Самые мощные грузовики не могли одолеть сугробы. Глебов, Борисов, Никитин, Горбин, Линик и др. офицеры, отправившиеся на автомашинах искать дивизии, завязли в снегах. Офицеры встали на лыжи. Шли измученные, порой голодные, некоторые обморозились, но задачу выполняли. Штаб располагал всеми данными о войсках. Метель, бушевавшая с начала месяца, остановила наземный транспорт. Даже самолёты По-2 сбрасывали полкам грузы или доставляли снаряды с посадкой в районе огневых позиций, а обратным рейсом забирали раненых и больных. Павел Васильевич Швыдкой дневал и ночевал на дорогах. Он мобилизовал всё, что мог на расчистку снежных заносов. ...21.02. на КП армии прибыл начальник штаба дивизии майор Брушко И.К. и доложил: «Снег задул шил. Толкаем дивизию в разобранном виде. Один полк уже в Ливнах, прибыл эшелоном, другой марширует в пешем строю, а 3-ий ждёт погрузки на станции за 300 км от линии фронта». 69 дивизия (п-к Кузовков) в полном составе находится на марше в район сосредоточения. Но на ст. Тёплое у г. Ефремов представитель Генштаба потребовал выгрузить дивизию, лошадей направить своим ходом в Ливны, а личный состав и матчасть перебросить на машинах до Ельца». Генерал Малинин М.С., выслушав комдива, отменил приказ и дивизия продолжила путь в район сосредоточения.

Война после лета не была легче, фронт откатываясь на запад также, а может быть ещё с большим напряжением от всех армейских структур требовал мужества и самоотверженности во имя изгнания врага с родной земли. Не ушла война и с ливенской земли.

Георгий Жуков*

Из книги «Воспоминания и размышления»

Планируя наступательные действия на лето 1942 года, немецкое командование хотя и имело численное превосходство в людях над советскими войсками, но уже не располагало возможностями для одновременного наступления на всех стратегических направлениях, как это было в 1941 году по плану «Барбаросса».

К весне 1942 года немецкие войска растянулись от Баренцева до Чёрного моря. Вследствие этого их оперативная плотность резко снизилась.

Проведя ряд тотальных мероприятий, гитлеровскому командованию удалось хорошо укомплектовать группу армий «Юг» и сосредоточить в ней силы, значительно превосходившие возможности наших войск юго-западного направления.

Директивой Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года предусматривалось отторгнуть от Советского Союза богатейшие промышленные и сельскохозяйственные районы, получить дополнительные экономические ресурсы (в первую очередь кавказскую нефть) и занять господствующее стратегическое положение для достижения своих военно-политических целей.

Гитлер и его окружение надеялись, что, как только немецкие войска достигнут успеха на юге нашей страны, они смогут нанести удары и на других стратегических направлениях и вновь атаковать Ленинград и Москву.

На московском стратегическом направлении в 1942 году предполагалось ограничиться проведением частных наступательных операций с целью ликвидации советских войск, глубоко вклинившихся в расположение немецкой обороны. Этим преследовалась двоякая цель. Во-первых, улучшить оперативное положение своих войск и, во-вторых, отвлечь внимание советского командования от южного стратегического направления, где противник готовил главный удар.

Планируя захват Кавказа и Волги, немецкое командование, в частности, стремилось лишить Советский Союз южных путей сообщения с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

* Георгий Константинович Жуков (19 ноября [1 декабря] 1896, Стрелковка, Калужская губерния, Российская империя — 18 июня 1974, Москва, СССР) — советский полководец. Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа». Министр обороны СССР (1955—1957).

Весной 1942 года я часто бывал в Ставке, принимал участие в обсуждении у Верховного Главнокомандующего ряда принципиальных стратегических вопросов и хорошо знал, как он оценивал сложившуюся обстановку и перспективы войны на 1942 год.

Было совершенно очевидно, что Верховный не вполне верит обещаниям Черчилля и Рузвельта об открытии второго фронта в Европе, но и не теряет надежды, что они в какой-то степени попытаются осуществить что-либо в других районах. И.В. Сталин больше доверял Рузвельту и меньше Черчиллю.

Верховный предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего – на московском и на юге страны. Что касается севера и северо-запада, говорил И.В. Сталин, то там следует ожидать незначительной активности. Возможно, противник там попытается срезать выступы в нашей оборонительной линии и улучшить группировку своих войск.

Из тех двух направлений, на которых немцы, по мнению Верховного, могли развернуть свои стратегические наступательные операции, И. В. Сталин больше всего опасался за московское, где у них находилось более 70 дивизий.

В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года И.В. Сталин полагал, что мы пока ещё не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Однако одновременно он полагал необходимым провести ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на льговско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска.

Мне было известно, что Б.М. Шапошников стоял на том, чтобы проводить только активную стратегическую оборону, измотать и обескровить врага в начале лета, а затем, накопив резервы, перейти летом к широким контрнаступательным действиям. Поддерживая в этом Б.М. Шапошникова, я, однако, считал, что на западном направлении нам нужно обязательно в начале лета разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм и имели крупные силы.

После дополнительного изучения обстановки Ставка и Генеральный штаб пришли к выводу, что наиболее опасными направлениями следует считать орловско-тульское и курско-воронежское с возможным ударом противника на Москву – обходом столицы с юго-запада. Вот почему было принято решение: для защиты Москвы с этой стороны сосредоточить к концу весны значительную часть резервов Ставки в районе Брянского фронта. Сюда были направлены значительные силы и средства. К середине мая в состав Брянского фронта были включены

четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать отдельных стрелковых бригад, четыре отдельные танковые бригады и большое количество артиллерии. Кроме того, за этим фронтом закреплялась 5-я танковая армия резерва Ставки, которая предназначалась для нанесения мощного контрудара на случай наступления противника в данной полосе.

В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но не мог согласиться с ним в отношении количества намечаемых фронтовых наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к последующему генеральному наступлению советских войск.

Докладывая свои соображения, я предлагал И.В. Сталину, так же как и Генштабу, о чем я уже говорил, в первую очередь нанести мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного, Калининского и ближайших фронтов, а также авиацией Верховного Главнокомандования и ПВО Москвы.

Разгром противника на западном направлении должен был серьёзно ослабить немецкие силы и принудить их отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере, на ближайшее время.

Конечно, теперь при ретроспективной оценке событий этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным, но в то время при отсутствии полных данных о противнике я был уверен в своей правоте.

Ввиду сложности вопроса И. В. Сталин приказал ещё раз обсудить общую обстановку и возможные варианты действий наших войск во время летней кампании.

Особое внимание предлагалось уделить предложениям командования юго-западного направления о проведении большой наступательной операции силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. Цель этой операции – разгром противника на южном фланге и выход наших войск на рубеж Гомель – Киев – Черкассы – Первомайск – Николаев.

На совещании, которое состоялось в ГКО в конце марта, присутствовали К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников, А.М. Василевский и я.

Б. М. Шапошников сделал очень обстоятельный доклад, который в основном соответствовал прогнозам И. В. Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, он предложил на ближайшее время ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 года могут разыграться главные события.

При рассмотрении плана наступательной операции, представленного командованием юго-западного направления, Маршал Б.М. Шапошников

выразил несогласие с этим планом Генштаба, пытался указать на трудности организации этой операции, на отсутствие резервов, которые здесь требовались. Однако Верховный, не дав ему закончить, сказал:

– Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера.

Слово взял С.К. Тимошенко. Доложив обстановку на юго-западном направлении, он сказал:

– Войска этого направления сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на юго-западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае повторится то, что было в начале войны. Что касается перехода в наступление на западном направлении, я поддерживаю Жукова. Это будет сковывать силы противника.

К.Е. Ворошилов поддержал мнение С.К. Тимошенко. Я ещё раз доложил своё несогласие с развёртыванием нескольких наступательных операций одновременно. Однако это соображение во внимание не было принято и последовало половинчатое решение. С одной стороны, Верховный согласился с Генеральным штабом, который решительно возражал против проведения крупной наступательной операции группы советских фронтов под Харьковом. С другой – он дал разрешение С.К. Тимошенко на проведение силами юго-западного направления частной наступательной операции – ударами из района Волчанска и с барвенковского плацдарма разгромить харьковскую группировку противника, овладеть Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса.

Вот как об этом вспоминает непосредственный участник событий А.М. Васильевский:

«Б.М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внёс предложение воздержаться от её проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своём предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на её проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться»

События мая и июня показали, что в этом решении был допущен чрезвычайно большой просчёт. В конце апреля наступление наших войск в Крыму окончилось неудачей. Войска Крымского фронта, возглавляемые генерал-лейтенантом Д.Т. Козловым, не достигнув цели, понесли значительные потери. Ставка приказала командованию фронта перейти к жёсткой обороне.

8 мая противник, сосредоточив против Крымского фронта свою ударную группировку и введя в дело многочисленную авиацию, прорвал оборону. Наши войска, оказавшись в тяжёлом положении, были вынуждены оставить Керчь.

Поражение в районе Керчи серьёзно осложнило положение в Севастополе, где защитники города с октября 1941 года вели напряжённую борьбу. Теперь, заняв Керчь, немецкое командование сосредоточило все силы против Севастополя.

4 июля после девяти месяцев осады, многодневных и ожесточённых сражений, в которых советские моряки, бойцы сухопутных войск обрели бессмертную славу, Севастополь был оставлен нашими войсками. Крым был полностью потерян, что в значительной степени осложнило для нас общую обстановку и, естественно, облегчило её для противника, который высвободил одну из боеспособных армий и значительные средства усиления.

3 мая Северо-Западный фронт начал наступление против войск 46-й немецкой армии в районе Демянска. Сражение, длившееся целый месяц, не принесло успеха. Правда, противнику был нанесён большой урон.

Как-то во время телефонного разговора со мной о Крымском фронте и юго-западном направлении Верховный сказал:

– Вот видите, к чему приводят обороны. ...Мы должны крепко наказать Козлова, Мехлиса и Кулика за их беспечность, чтобы другим неповадно было ротозейничать. Тимошенко скоро начнёт действовать.

12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление в направлении на Харьков, нанося, как это было задумано, два удара: один из района Волчанска, другой – из барвенковского выступа.

Вначале эта операция развивалась успешно. Наши войска прорвали оборону противника и за трое суток продвинулись на 25–50 км. И.В. Сталин был доволен. Это дало, как вспоминает А.М. Василевский, повод Верховному бросить упрёк Генштабу, что по его настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию.

Однако вскоре положение изменилось. Обеспечение операции на участке Лозовая – Барвенково – Славянск возлагалось на Южный фронт (командующий генерал-полковник Р.Я. Малиновский). Командование этого фронта не учло в должной мере размеров угрозы со стороны Краматорска, где заканчивала сосредоточение крупная наступательная группировка немецких бронетанковых и моторизованных войск.

Утром 17 мая 11 немецких дивизий из состава армейской группы Клейста перешли в наступление из района Славянск – Краматорск против советских 9-й и 57-й армий Южного фронта. Оборона была прорвана. За двое суток враг вышел во фланг войскам левого крыла Юго-Западного фронта в районе Петровского.

Вечером 17 мая А.М. Василевский, который из-за болезни Б.М. Шапошникова временно исполнял обязанности начальника Генштаба, свя-

зался с начальником штаба 57-й армии генералом А.Ф. Анисовым. Осветив положение, тот доложил, что обстановка у них критическая.

А.М. Васильевский немедленно доложил Верховному Главнокомандующему и предложил прекратить наступление Юго-Западного фронта, а часть сил из состава его ударной группировки бросить на ликвидацию угрозы, возникшей со стороны Краматорска. Иных способов спасти положение не было, поскольку в этом районе никакими резервами Ставки фронт не располагал.

И.В. Сталин не любил менять свои решения. Переговорив с С.К. Тимошенко, он заявил начальнику Генштаба, что «...мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а поэтому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...»

18 мая обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась. Генштаб ещё раз высказался за то, чтобы прекратить нашу наступательную операцию под Харьковом. Он предлагал повернуть основные силы барвенковской ударной группировки, ликвидировать прорыв противника и восстановить положение 9-й армии Южного фронта.

Мне довелось присутствовать в этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И.В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже чётко выразил С.К. Тимошенко серьёзное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска.

К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н.С. Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного.

18 мая обстановка на юго-западном направлении стала катастрофической. Ударная группировка противника ворвалась в тыл советским войскам. Только теперь был отдан приказ прекратить наше наступление на Харьков и повернуть главные силы барвенковской ударной группы против войск Клейста. Было, однако, уже поздно.

23 мая 6, 57-я армии, часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала Л.В. Бобкина оказались окружёнными. Многим частям удалось вырваться из окружения, но некоторые не смогли это сделать и, не желая сдаваться, дрались до последней капли крови. В этих сражениях погиб заместитель командующего фронтом генерал Фёдор Яковлевич Коценко – герой гражданской и Отечественной войн, бывший командир 19-

го Манычского полка 4-й Донской казачьей дивизии. Там же пали смертью храбрых командующий 57-й армией генерал К.П. Подлас и командующий опергруппой генерал Л.В. Бобкин, вместе с которыми я учился на курсах усовершенствования высшего командного состава. Они были прекрасные командиры и верные сыны нашей партии и Родины.

Анализируя ход Харьковской операции, нетрудно понять, что основная причина нашего поражения здесь кроется в недооценке серьёзной опасности, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, где не были сосредоточены необходимые резервы Ставки.

Если бы на оперативных тыловых рубежах юго-западного направления стояло хотя бы несколько боеспособных резервных армий, тогда бы не случилось этой катастрофы.

В июне продолжались ожесточённые сражения на всем юго-западном направлении. Наши войска под ударами превосходящего по силам врага были вынуждены с большими потерями отойти за реку Оскол, пытаясь закрепиться на тыловых рубежах.

28 июня противник начал более широкие наступательные действия. Им был нанесён удар из района Курска на воронежском направлении по 13-й и 40-й армиям Брянского фронта. 30 июня из района Волчанска перешла в наступление в направлении Острогожска 6-я немецкая армия, которая прорвала оборону 21-й и 28-й армий. Положение наших войск на воронежском направлении значительно ухудшилось. Часть сил оказалась в окружении.

Вот что пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А.М. Василевский:

«К исходу 2 июля обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалась прорванной на глубину до восьмидесяти километров. Фронтовые резервы, имевшиеся на этом направлении, были втянуты в сражение. Ударная группировка врага грозила прорваться к Дону и захватить Воронеж. Чтобы помешать этому, Ставка передала из своего резерва командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову две общевойсковые армии (8-ю и 60-ю – Г.Ж.), приказав развернуть их по правому берегу Дона на участке Задонск – Павловск и обязав Голикова взять на себя руководство боевыми действиями в районе Воронежа.

Одновременно в распоряжение этого фронта передали 5-ю танковую армию. Вместе с танковыми соединениями фронта она должна была нанести контрудар по флангу и тылу группировки немецко-фашистских войск, наступавшей на Воронеж. В ночь на 3 июля корпуса 5-й танковой армии заканчивали сосредоточение к югу от Ельца. Немедленный и решительный их удар по врагу, рвавшемуся к Воронежу, мог бы резко изменить обстановку в нашу пользу, тем более, что основные силы этой фашистской группировки, понеся уже довольно значи-

тельные потери и растянувшись на широком фронте, были связаны боевыми с нашими войсками.

Однако танковая армия никаких задач от командования фронта не получила. По поручению Ставки мне пришлось срочно отправиться в район Ельца, чтобы ускорить ввод в сражение танковой армии. Предварительно по телеграфу я передал командующему армией и командованию Брянского фронта приказание немедленно приступить к подготовке контрудара»

Несмотря на большую помощь Ставки и Генерального штаба, обстановка на Брянском фронте день ото дня осложнялась, что в значительной степени усугублялось недостатками в управлении войсками во фронтовом и армейских звеньях. В связи с этим Ставка провела организационные мероприятия, разделив Брянский фронт на два фронта. Командующим новым, Воронежским фронтом был назначен Н.Ф. Ватутин; командующим Брянским фронтом вместо Ф.И. Голикова – К.К. Рокоссовский.

В районе Воронежа в боевых действиях приняли участие переданные Ставкой 6-я и 60-я общевойсковые и 5-я танковая армии, что несколько укрепило устойчивость обороны, но не ликвидировало серьёзную опасность прорыва противника через Дон и удара вдоль Дона в сторону Сталинграда.

В результате потери Крыма, поражения наших войск в районе Барвенково, в Донбассе и под Воронежем противник **вновь** захватил стратегическую инициативу и, подведя свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. К середине июля, отбросив наши войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суровикина до Ростова, войска противника завязали бой в большой излучине Дона, стремясь прорваться к Сталинграду.

В результате вынужденного отхода наших войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района, снабжавшего нефтью армию и промышленность.

Народный комиссар обороны И. В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227. Этим приказом вводились жёсткие меры борьбы с паникёрами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались «отступательные» настроения. В нем говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование «Ни шагу назад!». Приказ был подкреплён усиленной партийно-политической работой.

Ещё в июне 1942 г. ЦК партии рассмотрел в целом состояние политической работы в Красной Армии и выработал мероприятия по её дальнейшему улучшению. ЦК потребовал от политорганов более широкого развёртывания идеально-политической работы в войсках. Всем командирам и политработникам, в том числе и высшего звена, было предложено лично вести агитацию и пропаганду.

Константин Рокоссовский*

Из книги «Солдатский долг»

Начальника Генерального штаба А.М. Василевского я не застал: он убыл в районе Воронежа, где шли в это время жаркие бои. По данным, имевшимся в Генштабе, можно было сделать вывод, что там сложилась тяжёлая обстановка. Оправившись после поражения под Москвой, немецко-фашистское командование к лету 1942 года смогло пополнить свои войска людьми и техникой. Отсутствие второго фронта давало ему возможность перебрасывать на восток свежие дивизии из Франции и Бельгии. Сосредоточив крупные силы на южном крыле советско-германского фронта, гитлеровцы воспользовались неудачами наших войск в весенних операциях в Крыму и под Харьковом и 28 июня перешли в наступление на воронежском направлении. Удар наносился на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов. Противник прорвал здесь оборону наших войск и стал быстро продвигаться на юго-восток. Инициатива снова перешла в его руки.

Трудности усугублялись тем, что зимние бои отняли у нас много сил и средств и мы из-за этого не смогли накопить к летней кампании крупные стратегические резервы.

Штаб Брянского фронта размещался деревне Нижний Ольшанец, в 15 километрах восточнее Ельца. Возглавлял его генерал М.И. Казаков. Знакомиться пришлось уже в ходе боев. Михаил Ильич произвёл на меня очень хорошее впечатление. Как начальник штаба фронта, он был на месте. Очень быстро ввёл меня в курс событий, дал ясную и правильную оценку состояния и возможностей войск.

В Брянский фронт входили армии: 3-я П.П. Корзуна, 48-я Г.А. Халюзина, 13-я Н.П. Пухова, 38-я Н.Е. Чубисова (находилась в стадии формирования), 5-я танковая А.И. Лизюкова, 1-й и 16-й танковые корпуса и кавкорпус.

* Константи́н Константи́нович (Кса́вье́вич) Рокоссо́вский (польск. Konstanty Rokossowski; 9 [21] декабря 1896, Варшава, Царство Польское, Российская империя — 3 августа 1968, Москва, СССР) — советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Единственный в истории СССР маршал двух стран: Маршал Советского Союза (1944) и маршал Польши (1949). Командовал Парадом Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. Один из крупнейших полководцев Второй мировой войны.

Мне пришлось, как говорится, с ходу включаться в дело. Шли упорные бои. Противнику к этому времени уже удалось выйти к Дону. Направляя главные усилия на юго-восток, он частью сил наносил удар вдоль западного берега реки на север, стремясь расширить прорыв. Этому намерению противодействовали войска левого крыла нашего Брянского фронта – 13-я и 5-я танковая армии. Сейчас они оборонялись. Незадолго перед этим Ставка пыталась нанести контрудар по вражеским войскам, прорвавшимся в стыке двух наших фронтов. 5-я танковая армия должна была перехватить коммуникации группировки противника, двигавшейся к Дону, атаковать её с тыла и тем самым не дать ей захватить Воронеж.

Казалось бы, что организацию и осуществление этой смелой и многообещающей операции лучше всего было возложить на командующего Брянским фронтом, который смог бы привлечь для решения задачи не только 5-ю танковую армию, но и другие свои соединения. Произошло иначе. Контрудар решили нанести с другого направления.

Плохо организованная и нерешительно проведённая операция успеха не имела. Кончилось тем, что противник перешёл в наступление и на этом направлении. Сейчас здесь шли напряжённые бои. Правда, врагу пришлось привлечь сюда значительные силы, несколько ослабив этим свою основную группировку. Но это мало облегчало наше положение. События тех дней с исчерпывающей полнотой и объективностью описаны генералом армии М.И. Казаковым в его книге «Над картой бывших сражений». Поэтому я не буду вдаваться в подробности.

На участке, где вели бои части 5-й танковой армии, обстановка все ухудшалась, противник продолжал продвигаться. Необходимо было в срочном порядке подтянуть сюда новые силы. Выдвигаем из фронтового резерва 7-й танковый корпус под командованием генерала П.А. Ротмистрова.

Находясь на наблюдательном пункте в районе, где развертывались события, можно было наблюдать весь ход сражения. Равнинная, открытая местность способствовала этому. Отчётливо наблюдался бой отходивших наших частей и наступавшего на них противника. Впереди небольшими группами на широком фронте действовали вражеские танки, ведя пушечный огонь, преимущественно с остановок. Немецкая пехота двигалась за ними, залегая время от времени и ведя непрерывный автоматный огонь. Вдали, на горизонте, сквозь густые облака пыли наблюдалось движение новых колонн танков и автомашин.

По наступавшим танкам противника довольно метко била наша противотанковая истребительная артиллерия. Отскакивая где поорудийно, где побатарейно, она меняла позиции и тут же открывала огонь, замедляя продвижение врага и прикрывая нашу отходившую пехоту, которая тоже отбивалась пулемётным и миномётным огнём. Отход пока носил организованный характер. Но по всему было видно, что с вводом

в бой своих главных сил, подходивших из глубины, противник легко со мнёт наши части.

Однако к этому времени подоспели части 7-го танкового корпуса. На наших глазах корпус развернулся и решительно двинулся навстречу главным танковым силам врага.

Удалили по ним и все наши батареи, в том числе и артиллерия танкового корпуса. Особенно эффективными были залпы «катюш».

Поле сражения заволокло тучами пыли. Сквозь них тускло просвечивали вспышки выстрелов и снарядных разрывов. Во многих местах взвились столбы чёрного дыма от загоревшихся вражеских машин.

Наша пехота воспрянула и вместе с танками бросилась на врага. Этой дружной и стремительной атаки противник не выдержал. С большими потерями он откатился назад.

Вражеская авиация, за исключением отдельных самолётов, почти не принимала участия в бою. Не было и нашей авиации.

Все наши попытки развить достигнутый успех на этом участке не дали нам результатов. Но наступление противника было отражено.

В этих боях погиб командующий 5-й танковой армией генерал Лизюков. Он двигался в боевых порядках одного из своих соединений. Ему показалось, что танкисты действуют недостаточно решительно. Чтобы воодушевить их, генерал бросился на своём танке КВ вперёд, ворвался в расположение противника и там сложил голову.

Мне было искренне жаль его. Мы познакомились с ним ещё на ярцевском рубеже. Боевой, храбрый танкист. Он был хорошим командиром танковой бригады, мог бы быть неплохим командиром корпуса. Но танковая армия ему была не по плечу. Соединение новое, наспех сформированное, к тому же у нас ещё не было и опыта применения такой массы танков. Армия впервые участвовала в бою, да ещё в столь сложной обстановке, и, конечно, все это не могло не отразиться на её действиях. Было от чего впасть в отчаяние неопытному командарму...

Вскоре после этого боя управление и штаб 5-й танковой вывели в резерв Ставки, а корпуса непосредственно подчинили фронту. В то время, пожалуй, это было правильное решение. Ни обстановка, ни возможности наши ещё не позволяли тогда создавать такие крупные танковые соединения.

Отразив все попытки противника продвинуться вдоль Дона к северу, войска Брянского фронта перешли к обороне и на этом участке. У соседа слева в районе Воронежа, частично захваченного противником, ещё некоторое время шли бои местного значения, но и они стали затухать. Основные события развивались южнее и юго-западнее. Противник, отбросив за Дон соединения вновь образованного Воронежского фронта, которым теперь командовал Н.Ф. Ватутин, продолжал развивать наступление по западному берегу реки к югу.

По приказу Ставки мы приступили к созданию прочной обороны на своём участке. Пользуясь передышкой в боевых действиях, я с группой работников штаба и политуправления фронта обхехал войска. На нашем правом фланге бои затихли ещё в июне. Части 3-й армии за это время прочно закрепились на своём рубеже и продолжали совершенствовать оборону. Армией командовал генерал П.П. Корзун, бывший кавалерист, ставший неплохим общевойсковым начальником. Командиры здесь подобрались опытные, способные умело и твёрдо руководить вверенными им войсками. Остался я доволен и 48-й армией, которой командовал генерал Халюзин. Правда, в обеих армиях ощущался большой некомплект в личном составе и недостаток вооружения, особенно автоматического. Но в то время это была общая беда.

Командиры ревниво следили, чтобы раненые и больные после выздоровления возвращались в свои части. А наши героические медики со своей стороны прилагали все усилия к тому, чтобы лучше лечить и быстрее ставить на ноги пострадавших бойцов и командиров. И нужно признать: они преуспевали в этом.

На участке нашего соседа справа – Западного фронта тоже наступило затишье. К нему перешла от нас 61-я армия, которой продолжал командовать генерал М.М. Попов. На стыке с ней мы и приступили к отработке взаимодействия обоих фронтов.

На левом нашем фланге войска 13-й армии генерала Пухова и 38-й генерала Чибисова усиленными темпами создавали прочную глубоко эшелонированную оборону. Боевые действия здесь сводились к действиям разведки с обеих сторон и коротким артиллерийским и миномётным перестрелкам.

Командарм Н.П. Пухов – энергичный и предприимчивый генерал, обладающий хорошей военной подготовкой и богатым опытом. Эти его качества ярко проявились в недавних боях, протекавших в очень сложных условиях. Армейский руководящий аппарат был хорошо сколочен и в боях тоже действовал уверенно и инициативно.

Генерал Н.Е. Чибисов в командование войсками 38-й армии вступил недавно, до этого он был заместителем командующего Брянским фронтом. По своим данным он безусловно был на месте, армией командовал безупречно. Немного смущала меня его неторопливость, пожалуй, даже флегматичность. Хотелось бы, чтобы командарм быстрее на все реагировал. Но это уж характер человека, его не так-то просто переделать.

Невольно вспоминаю случай во время горячих боев под Воронежем. Находясь в расположении 38-й армии, я узнал, что противник внезапной атакой потеснил наши части на одном из участков. Это меня крайне обеспокоило и вынудило отправиться на армейский КП. Командарма я застал за столом, на котором весело пел самовар. Чибисов был в весьма благодушном настроении. На мой вопрос, известно ли ему о положении у него на фланге, командарм спокойно ответил: он ещё не

выяснял обстановку, но уверен, что там ничего особенного не произошло. И пригласил меня попить чайку.

Это поистине олимпийское спокойствие в столь тревожной обстановке возмутило меня до глубины души и вынудило повести разговор в резкой форме. Подействовало. Командарм энергично принялся за дело. На угрожаемый участок немедленно были выдвинуты войска. Противник был отброшен. Правда, и мне пришлось помочь Чибисову, выделить средства усиления из фронтового резерва.

В августе к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осуждённых за различного рода уголовные преступления. Вчерашние заключённые добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину. Правительство поверило чистосердечности их порыва, таким образом и появилась эта бригада у нас на фронте. Бойцы её быстро освоились с боевой обстановкой; мы убедились, что им можно доверять серьёзные задания. Чаще всего бригаду использовали для разведки боем. Дрались она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему. А между боями мы эту бригаду размещали на участках, где создавалась чрезмерно мирная обстановка. В первую же ночь отчаянные смельчаки совершали набег на вражеские позиции. Возвращались с пленными и трофеями. Да и днём теперь не было спасения гитлеровцам. Носа не могли высунуть из окопов. В бригаде объявились отличные снайперы. Как заправские охотники, они часами подкарауливали гитлеровцев и редко выпускали их живыми.

«Беспокойная» бригада воевала неплохо. За доблесть в боях с большинства её бойцов судимость была снята, а у многих появились на груди ордена и медали.

Жизнь убедила меня, что можно верить даже тем, кто в своё время по каким-то причинам допустил нарушение закона. Дайте такому человеку возможность искупить свою вину, и увидите, что хорошее возьмёт в нем верх, любовь к Родине, к своему народу, стремление во что бы то ни стало вернуть их доверие сделают его отважным бойцом.

О событиях, происходивших в это время на участке Юго-Западного фронта, нам было мало что известно. Из общей сводки мы знали, что там идут бои, но подробной информации не получали.

Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и нашего левого соседа Н.Ф. Ватutина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предложил иной вариант решения задачи: ос-

новной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только перегруппировать сюда побольше сил, причём по возможности скрытно. При таком варианте удар по воронежской группировке наносился во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против Юго-Западного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубокому убеждению, был наиболее правильным.

Но Ватутин упорно отстаивал свой план, а мои доводы, по-видимому, оказались недостаточно убедительными. Не подействовало и обещание, что, если будет принят мой вариант, Брянский фронт выделит в распоряжение соседа все войска, которые сможем собрать без ущерба для своей обороны. Stalin утвердил предложение Ватутина, обещав при этом усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими миномётными полками, вооружёнными реактивными установками М-31 с снарядами большой разрушительной мощности.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Ватутиным оговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая па время операции переподчинялась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе.

Обстановка на участке Брянского фронта продолжала оставаться спокойной. Противник сидел смирно, особых изменений в составе его войск не наблюдалось. 38-я армия подготовилась к наступлению и ждала только сигнала из штаба Воронежского фронта.

Наш штаб пополнился командным составом. Несколько товарищей прибыли из 16-й армии. В частности, вместо М.И. Казакова, убывшего на Воронежский фронт, начальником штаба стал М.С. Малинин, на должность начальника артиллерии фронта прибыл В.И. Казаков, начальником связи стал П.Я. Максименко – старые сослуживцы, с которыми мы давно сработались. Начальником тыла оказался энергичный, хорошо знающий дело генерал Н.А. Антипенко. Моим заместителем по формированием был генерал П.И. Батов, старый боевой командир, прекрасный строевик, с хорошими организаторскими качествами. С первого же дня знакомства с ним я заметил, что он тяготится своей должностью. Человеку с такой кипучей натурой трудно было усидеть в штабе.

Политическую работу в войсках возглавлял член Военного совета фронта С.И. Шабалин, человек одарённый, умеющий правильно нацелить деятельность политаппарата и партийных организаций.

Короче говоря, на Брянском фронте сложился коллектив сотрудников, способный обеспечить боевые действия войск в любых условиях.

Сроки готовившейся Воронежским фронтом наступательной операции несколько раз переносились, и, наконец, в первой половине сентября она началась. Предыдущие попытки наступать на этом направлении

и затянувшаяся подготовка к новой операции не могли не насторожить противника. Он хорошо укрепился, подтянул сюда силы. Атаки наших войск не приносили результатов. И все же бесперспективные атаки продолжались, пока не вмешалась Ставка. По её приказу наступление было прекращено. Войска Воронежского фронта перешли к обороне по восточному берегу Дона.

К этому времени обстановка на стalingрадском направлении резко осложнилась. Противник форсировал Дон, вышел в междуречье Волги и Дона и завязал бои в самом Сталинграде.

Примерно во второй половине августа мне довелось дважды разговаривать по ВЧ со Сталиным. Разговоры сводились к тому, что под Сталинградом тяжело и нашему фронту следовало бы выделить часть войск для усиления этого направления. Я отвечал, что наиболее существенной помощью была бы отправка туда танковых корпусов. Stalin охотно соглашался с этим. В срочном порядке мы отправили к Волге танковые корпуса — сначала М.Е. Катукова, а затем П.А. Ротмистрова. Обычно в конце каждого разговора Stalin просил продумать, что бы мы ещё могли сделать в помощь защитникам Сталинграда

Михаил Казаков*

Из книги «Над картой былых сражений»

ВЕСЕННИЙ ПОТОК

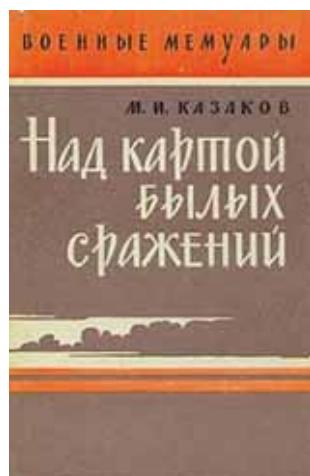

Не успели затахнуть орудия в районе Зуши и Мценска, не успели остыть моторы танков, участвовавших в этих боях, как в полосе нашего фронта началось новое оживление. Весенним потоком хлынули к нам свежие войска. В апреле и первой половине мая 1942 года мы получили семь стрелковых дивизий, одиннадцать стрелковых бригад, четыре танковых корпуса, несколько отдельных танковых бригад и порядочное количество артиллерийских полков. Хлопот прибавилось. Но это были, как говорят, приятные хлопоты.

Прибывшие части и соединения были хорошо укомплектованы и добrotно вооружены. Почти все стрелковые дивизии уже имели опыт боевых действий против немецко-фашистских захватчиков. В отличие от

* **Михаил Ильич Казаков** (26 сентября [9 октября] 1901, деревня Великуша, Вологодская губерния — 25 декабря 1979, Москва) — советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза.

них отдельные стрелковые бригады, сформированные осенью 1941 года и зимой 1942 года, ещё не участвовали в боях, но зато располагали прекрасным личным составом – молодыми крепкими ребятами, среди которых много встречалось курсантов из военных училищ. Эти бригады отличались высокой подвижностью, так как не имели громоздких тылов. Правда, у них маловато было артиллерии.

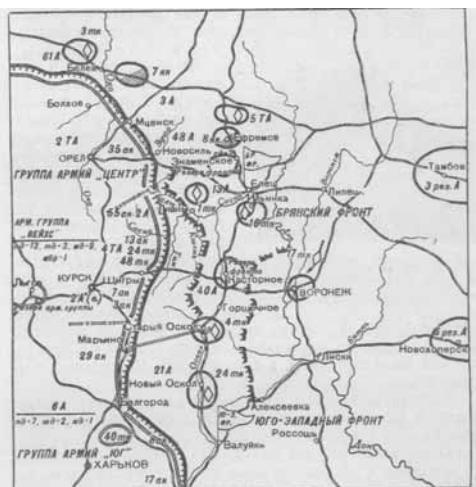

К маю в составе войск Брянского фронта насчитывалось: 29 стрелковых дивизий, 11 стрелковых и восемь танковых бригад, четыре танковых и два кавалерийских корпуса. Тогда же, весной 1942 года, мы сформировали ещё одно армейское объединение – 48-ю армию. В неё вошли четыре стрелковые дивизии, восемь отдельных стрелковых бригад и две танковые бригады. Первым командующим этой армией был генерал-майор Г.А. Халюзин, а начальником штаба генерал-майор С.С. Бирюзов. Поставили мы её на стыке 3-й и 13-й армий.

В апреле того же года произошла реорганизация Военно-воздушных сил. Авиацию изъяли из подчинения командующих общевойсковыми армиями и свели в самостоятельную 2-ю воздушную армию. Эта армия имела в своём составе: одну бомбардировочную дивизию, три дивизии штурмовиков ИЛ-2 и три дивизии истребителей. Возглавил её С.А. Красовский.

Все четыре танковых корпуса находились во фронтовом резерве и размещались на удалении 40–60 километров от линии фронта: 3-й танковый корпус под командованием Д.К. Моставенко – в полосе 61-й армии; 1-й танковый корпус М.Е. Катукова – на стыке 48-й и 13-й армий; 16-й (командир М.И. Павелкин) –

на стыке 13-й и 40-й армий восточнее реки Кшень; 4-й (командир В.А. Мишулин) – в полосе 40-й армии. Танковые корпуса имели однотипную организацию – три танковые бригады, одна мотострелковая и

Обстановка на воронежском направлении к концу июня 1942 г.

один дивизион гвардейских миномётов. В каждом корпусе было: 24–28 тяжёлых танков КВ, 88–95 средних танков Т-34, 60–70 лёгких танков типа Т-60. В отдельных танковых бригадах – по 25–30 средних танков (Т-34 или МК-2), 6–8 КВ и 15–20 Т-60.

Кавалерийские соединения размещались следующим образом: 7-й корпус – в тылу 61-й армии на восточном берегу Оки, а 8-й – в тылу 3-й армии в районе Ефремова.

Мы ещё не имели указаний о предназначении вновь прибывших войск. Но и без того можно было понять, что такая сильная группировка создаётся Ставкой не для обороны. Чувствовалось, что летом на нашем направлении должны развернуться большие события. И единственное, что нас несколько беспокоило, – это неподготовленность штабов танковых корпусов. Ведь танковые корпуса были новыми формированиями.

Надо признать, что и штаб фронта, и штабы армий тогда ещё не имели опыта управления крупными танковыми соединениями. Все наши познания в этой области ограничивались лишь тем, что мы получили до войны на занятиях по оперативному искусству.

Танковые корпуса рассматривались в то время только как эшелон развития прорыва, осуществляемого стрелковыми дивизиями. Об ином использовании крупных танковых соединений и речи не было.

Директивы Ставки

Наши предположения о характере дальнейших действий очень скоро подтвердились. 20 апреля мы получили директиву Ставки о подготовке к наступательной операции на курско-льговском направлении. Нам предстояло в первых числах мая нанести одновременно удары на двух самостоятельных направлениях силами 40-й и 48-й армий.

Наиболее мощный удар намечался в полосе 40-й армии. В осуществлении его должны были участвовать шесть стрелковых дивизий, три стрелковые бригады, 4-й танковый корпус и две отдельные танковые бригады. Общее направление – Сараево, Черемошное, Китаевка в обход Курска с юго-запада. В качестве главного объекта для танкового корпуса планировался Льгов.

48-я армия, в составе четырёх стрелковых дивизий, восьми отдельных стрелковых и двух танковых бригад, должна была наступать в направлении Введенская, Отрошково.

Остальным войскам фронта (до двадцати стрелковых дивизий и три танковых корпуса) директивой определялась прежняя задача – оборона.

Ф.И. Голиков

Такое использование сил фронта – когда три четверти их остаются в обороне и лишь одна четвертая часть получает наступательную задачу – в наше время объяснить трудно. Может быть, это явилось следствием некоторой оперативной робости, ещё имевшей место в Генштабе, но скорее всего здесь оказались известные теперь колебания Сталина. Он ждал повторного наступления немцев на Москву и готовился к этому. Ему не верилось, что немецкие армии будут наступать на юге.

У нас же, тогдашних руководителей Брянского фронта, такое распределение войск по задачам рождало некоторую раздвоенность мышления. Мы никак не могли уяснить, что же для нас является главным – наступление или оборона? Складывалось что-то похожее на те частные операции, которые мы так усиленно и так безуспешно проводили минувшей зимой.

Но дело шло своим чередом: директива выполнялась. В течение трёх суток мы подготовили план-схему, и в ночь на 24 апреля новый командующий фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков выехал в Ставку с докладом.

Мы снарядили его в путь надёжно и даже с удобствами. Он поехал на машине ЗИС-101. Невысокий рост Ф.И. Голикова вполне позволял ему лежь там поперёк кузова. На заднем сиденье для него устроили постель из тулупов. Следом шли ещё две машины с охраной.

Но, как на грех, именно в ту ночь над северной частью Воронежской и восточной частью Орловской областей пронёсся сильный снежный буран. В результате этой апрельской шутки природы в лощинах образовались настолько мощные сугробы, что никакой автотранспорт пробиться через них не мог.

Вполне понятно, что нас встревожила судьба командующего. С рассветом мы организовали поиски его. Из 3-й армии выслали на дорогу людей. По всему маршруту совершила полёты разведывательная авиация. Но пока суд да дело, мне пришлось выдержать несколько неприятных разговоров с Генеральным штабом и даже с Верховным Главнокомандующим.

Сначала вообще никто не верил, что над нашими районами разразился снежный буран. Затем нас стали обвинять в плохой организации поездки командующего. Мои заверения в том что ничего плохого с ним случиться не должно, звучали, очевидно, неубедительно. Вмешался даже НКВД. Ответа требовали не только от штаба фронта, но и от Тульского обкома партии:

– Как могло случиться, что на территории вашей области потерялся командующий фронтом с документами?

Лишь в двенадцатом часу дня разведывательной эскадрилье удалось наконец обнаружить машины Ф.И. Голикова. Лётчик совершил рядом с ними посадку и установил, что командующий фронтом пешком отправился на ближайший железнодорожный разъезд. В дальнейшем по-

иски пошли уже легче. Выяснилось, что на разъезд Ф. И. Голиков поспел как раз к проходящему поезду, доехал на нем до узловой станции, а оттуда отправился в Москву специальным составом.

Тревога, как и буран, улеглась. Оставалось только нетерпеливое ожидание – с чем вернётся командующий из Ставки? Провожая его, мы все втайне надеялись на расширение масштабов наступательной операции.

Именно с этим и вернулся Ф.И. Голиков 26 апреля. А вслед за ним шла письменная директива о подготовке Брянского фронта к Орловской наступательной операции. На этот раз нам предписывалось нанести удар силами 61-й я 48-й армий. Общей их оперативной целью был обход орловской группировки противника. Войсками 61-й армии он осуществлялся с севера, а войсками 48-й – с юга. Остальные армии должны были держать оборону и готовить частью сил вспомогательные удары в своих полосах.

К планированию операции допускался очень ограниченный круг лиц. В штабе фронта, например, кроме меня этим занимались начальник оперативного отдела, командующий артиллерией, командующий 2-й воздушной армией и ещё один офицер, на обязанности которого лежало оформление схем. Даже начальник тыла фронта генерал-майор В.Н. Власов не знал всего плана. Ему сообщались только данные о составе основных группировок войск да их потребности в горючем, продовольствии, фураже и транспортных средствах для подвоза боеприпасов.

Из истории Великой Отечественной войны мы знаем теперь, что одновременно с Орловской операцией на соседнем с нами Юго-Западном фронте подготавливался разгром харьковской группировки противника и освобождение Харькова. Но тогда Генштаб почему-то не ориентировал нас относительно замыслов соседа.

Для обоих фронтов было установлено одно и то же время начала действий – 10–12 мая, хотя степень фактической готовности у них была далеко не одинаковой. Юго-Западный фронт уже имел ударные группировки на Барвенковском выступе и в районе Волчанска, когда на Брянском шло лишь сосредоточение войск.

Как мы ни старались, по всем расчётам выходило, что будем готовы к наступлению не раньше 15 мая. Командующий доложил об этом в Ставку и получил согласие на отсрочку. Но наш нетерпеливый сосед с ведома Ставки 12 мая уже начал наступление.

Известно, что оно проходило с большими осложнениями. Ведь немецко-фашистское командование тоже планировало наступательную операцию в районе Харькова и сосредоточило здесь крупные силы. Это позволило противнику нанести сокрушительные контрудары по флангам Юго-Западного фронта и поставить его в тяжелее положение.

Между тем войска нашего Брянского фронта все ещё продолжали подготовку к наступлению. Она закончилась только 16 мая, однако позд-

ним вечером того же числа из Генштаба сообщили, что предстоят некоторые изменения нашего плана. Утром 17 мая к нам на КП прибыл из Москвы генерал-лейтенант П.И. Бодин и довёл до нас устно следующую директиву Ставки:

– С целью оказать содействие войскам Юго-Западного фронта и воспрепятствовать переброске резервов противника в район Харькова, надо провести частную наступательную операцию войсками сороковой армии согласно разработанному плану. Наступление поддержать всей авиацией фронта...

Генерал Бодин рекомендовал нам усилить 40-ю армию несколькими артиллерийскими полками и передал некоторые пожелания Ставки относительно действий танкового корпуса и авиации. Нам советовали не допускать отрыва танков от пехоты, то есть использовать танковый корпус в качестве непосредственной поддержки пехоты. Такая установка в корне противоречила предназначению танковых корпусов.

А вот рекомендации по тактике ВВС пришлись нам по сердцу. Ставка требовала, чтобы авиация тщательно обрабатывала передний край обороны противника до начала атаки и взаимодействовала с пехотой в процессе наступления.

Приняв указание от П.И. Бодина, командующий фронтом назначил наступление 40-й армии на 20 мая и сам выехал в её войска. Он не торопился с началом боевых действий, словно предчувствуя их бесполезность. При сложившейся обстановке частная операция 40-й армии вряд ли могла облегчить положение войск Юго-Западного фронта. И не случайно уже через сутки она была отменена самой Ставкой.

После окружения советских войск, действовавших на Барвенковском выступе, инициатива всецело перешла к противнику. Последствия нашего поражения под Харьковом оказались в дальнейшем под Сталинградом. Размышляя над этим, ещё и ещё раз приходишь к выводу, насколько велика ответственность военачальника, принимающего решение на ту или иную операцию. Как необходимы здесь всестороннее знание противника и трезвая оценка своих сил, выбор места и времени для нанесения удара!

Опять к обороне

Голикова вновь вызвали в Ставку. 24 мая он вернулся оттуда с указанием о переходе Брянского фронта к обороне с глубоким эшелонированием войск.

Полосы армий остались прежними, так что у них имелись все возможности для создания сильных вторых эшелонов. 61-я армия вывела во второй эшелон две стрелковые дивизии, две отдельные стрелковые бригады и три бригады танковые. 13-й армии во второй эшелон вывелись две стрелковые дивизии и одна танковая бригада. Особо глубоко-

ким эшелонированием отличалась оборона 48-й армии, поскольку недавно здесь готовилось наше наступление.

Фронтовой общевойсковой резерв составили две стрелковые дивизии и одна отдельная стрелковая бригада; в артиллерийский резерв выделялось семь артиллерийских полков и два миномётных.

На основании многих источников разведки нам было известно, что противник уже начал создавать против нас две ударные группировки: одну (в составе не менее трёх танковых и трёх пехотных дивизий) в районе Орла, другую (до пяти дивизий, в том числе две-три танковые) в районе Курска–Щигров. Отсюда мы делали вывод, что в полосе нашего фронта немцы собираются наступать либо в направлении Мценск, Тула, либо на Касторное, Воронеж. В отношении стратегических замыслов противника у нас не было тогда расхождений с мнением Ставки: нам тоже казалось, что летом 1942 года враг опять будет стремиться разгромить советские войска на московском направлении и обойти Москву или кратчайшим путём через Тулу, Рязань, или же через Воронеж, Тамбов.

В решении командующего Брянским фронтом проводилась идея активной обороны. Планом предусматривалось нанесение противнику сильных контрударов. Если он поведёт наступление на Мценск, Чернь, Тулу, планировался контрудар из Ефремова на Чернь силами вновь сформированной 5-й танковой армии (составлявшей резерв Ставки) и из полосы 61-й армии, с правого берега реки Зуша, также на Чернь – силами 7-го кавалерийского корпуса и двух танковых бригад. В случае же прорыва противника на Щигры, Касторное, Воронеж контрудар намечалось нанести опять-таки с двух направлений: с севера – силами 1-го и 16-го танковых корпусов, а с юга (из района Старый Оскол) силами 4-го танкового корпуса.

Слабой стороной нашего решения на оборону было то, что мы не предусмотрели создания второго оперативного эшелона. Фронтовой резерв был относительно невелик и очень рассредоточен. Мы имели тогда возможность вывести во второй эшелон одну из общевойсковых армий, но не сделали этого. А наиболее сильная группировка танков (480 единиц) – 5-я танковая армия готовилась к нанесению контрудара только по одному варианту и в одном направлении – на Чернь.

Дополнительные разведывательные данные о противнике, полученные в июне, стали убеждать нас, что под наибольшей угрозой находится южный участок нашего фронта, то есть полоса 40-й армии, и левое крыло 13-й. В пользу такого предположения говорила и местность, позволявшая действовать здесь крупным танковым группировкам противника. С меридiana Щигры, Курск до реки Дон перед ним не было ни одной серьёзной водной преграды, ни одного сколько-нибудь существенного оперативного рубежа.

Командующий фронтом принял ряд мер к усилению обороны в полосе 40-й армии. Уже в июне она выглядела так: в первом эшелоне на

фронте 110 километров оборонялись пять стрелковых дивизий; в тылу их находились две танковые бригады (14-я и 170-я), предназначенные для контратак в тактической зоне обороны; во втором эшелоне, на рубеже реки Кшень,— 111-я и 119-я отдельные стрелковые бригады, а южнее их на этой же линии— 6-я стрелковая дивизия. Наконец, в оперативной глубине (район Касторное) готовила оборону 284-я стрелковая дивизия фронтового резерва, усиленная одним отдельным артиллерийским полком и одной артбригадой из состава 1-й истребительной противотанковой дивизии. Там же сосредоточивались 115-я и 116-я отдельные танковые бригады фронтового резерва. Для боевых действий в по-лосе 40-й армии предназначались и два танковых корпуса. Один из них (16-й) размещался на стыке с 13-й армией в районе Урицкое, а другой (4-й) — в районе Старый Оскол.

Пока создавалась эта группировка, замыслы немецкого командования прояснились ещё больше. 19 июня на Юго-Западном фронте, в районе Нежеголь, был сбит немецкий военный самолёт. Все, кто находились в нем, погибли, но в планшете одного из погибших сохранились карта 1:100 000 и ещё какие-то документы. При тщательном изучении удалось установить, что планшет принадлежал майору Рейхелью, начальнику оперативного отдела 23-й танковой дивизии, и что этот самый Рейхель доставлял в свой штаб директиву командира 40-го танкового корпуса 6-й немецкой армии о предстоящей наступательной операции «Блау».

Особенно подробно была расписана в директиве задача 40-го танкового корпуса, который имел в своём составе две танковые дивизии (3-ю и 23-ю), одну моторизованную (29-ю) и две пехотные (100-ю и 376-ю). На первом этапе операции корпусу надлежало наступать частью сил из района Волчанска в общем направлении на Волоконовка, Старый Оскол, с тем чтобы у Старого Оскола соединиться с войсками 4-й немецкой танковой армии, наступающей из района Щигры, и замкнуть кольцо окружения значительной группировки советских войск. В дальнейшем эти части противника становились авангардом его 6-й полевой и 4-й танковой армий, коим предстояло вести наступление дальше — вдоль реки Дон на юго-восток.

Операция «Блау» была немаловажной составной частью захватнических планов Гитлера на время летней кампании 1942 года. В полном объёме мы смогли ознакомиться с ними лишь после войны. Они были изложены в директиве № 41 верховного командования немецко-фашистской армии от 5 апреля 1942 года. Главная задача формулировалась там таким образом: сохраняя положение на центральном участке,¹ на севере взять Ленинград и установить по суше связь с финнами, а южным крылом фронта осуществить прорыв на Кавказ. Далее в директиве указывалось, что выполнение этой задачи расчленяется на несколько этапов и первым из них является операция, имеющая целью

«разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее реки Дон». Иначе говоря, противник намеревался прежде всего разгромить и уничтожить войска Брянского (впоследствии Воронежского) фронта в обширном районе, включавшем в себя Елец, Ливны, Касторное, Старый Оскол, Коротояк, Лиски, Умань и Воронеж. Директива № 41 недвусмысленно констатировала, что «началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орёл в направлении на Воронеж».

Для осуществления этих намерений противник сосредоточил против Брянского фронта свыше четырнадцати пехотных дивизий (из них четыре венгерские), три танковые и три мотодивизии. А на подходе были ещё семь пехотных дивизий (в том числе пять венгерских) и одна танковая. Все это объединялось в армейскую группу «Вейхс»

К сожалению, несмотря на большую интенсивность работы всех видов нашей разведки – и авиационной, и наземной, – нам не удалось установить тогда с достаточной точностью состав сил противника. Мы знали лишь общее количество его дивизий, предназначенных для наступления в первом эшелоне (с ошибкой в две-три единицы), но не имели данных о танковых и моторизованных соединениях. А ведь в них, как выяснилось потом, насчитывалось до 650 танков.

Непонятная задержка противника

Начало наступления противника ожидалось на 22 июня, и штаб Брянского фронта напряжённо готовился к этому. Ещё и ещё раз проворялась на местах фактическая готовность войск к отражению возможных ударов. Отрабатывались вопросы взаимодействия на стыках армий, в особенности 13-й и 40-й.

Командарм-40 М.А. Парсегов – человек увлекающийся и потому не особенно расчётливый, порою вызывал у нас серьёзное беспокойство. Мне и сейчас помнится один его разговор с командующим фронтом.

— Как оцениваете свою оборону? – спросил Ф.И. Голиков.

— Мышь не проскочит, – уверенно ответил командарм.

Не вполне осознавали главную слабость нашей обороны и некоторые генералы штаба фронта. А состояла она в ничтожной плотности противотанковой артиллерии, не превышавшей пяти орудий на километр фронта. Ведь в то время ещё никакими планами не предусматривалось использование собственных танков в качестве неподвижных огневых точек для отражения танковых атак противника.

За четыре-пять месяцев, в течение которых 40-я армия находилась в составе Брянского фронта, нам удалось несколько усилить её. Но наш левый сосед – теперь уже 21-я армия Юго-Западного фронта – был по-прежнему слаб, и мы неоднократно докладывали в Генштаб свои сооб-

ражения по упрочению межфронтового стыка. А там подумывали о другом: не лучше ли передать 21-ю армию в состав Брянского фронта, а нашу правофланговую 61-ю армию переподчинить Западному фронту? Практически это сулило нам новые осложнения. При таком решении вопроса Брянский фронт должен был одновременно оборонять два весьма ответственных операционных направления: Мценск, Тула, Москва и Курск, Воронеж, Саратов, располагая ничуть не большими, а скорее даже меньшими силами.

Нам представлялось куда более целесообразным создать в Воронеже новое фронтовое управление. Оно могло бы объединить 40-ю и 21-ю армии, а во втором эшелоне иметь ещё две армии резерва Ставки (3-ю и 6-ю), формирование которых к тому времени уже заканчивалось. Но это разумное предложение не было доведено до Верховного Главнокомандующего. Представитель Генштаба генерал-лейтенант Бодин при разговоре с нами по телефону ВЧ категорически отверг его.

— Что вы лезете в наши резервы! — возмутился он.

С досадой думаю теперь: почему мы не проявили должной настойчивости? События, последовавшие в июле, подтвердили, насколько правилен был наш расчёт. Ставке пришлось создавать новое фронтовое управление уже в условиях тяжёлых оборонительных боев.

В неменьшей степени приходится сожалеть и о собственных упущениях при построении обороны. Поскольку противник готовил удар в районе Воронежа танковыми войсками, основной силой для противодействия ему тоже должны были стать танковые соединения, взаимодействующие с пехотой. Но мы не создавали крупных контрударных группировок, включавших танковые (механизированные) корпуса и, конечно, стрелковые дивизии. А возможности для этого имелись. В середине июня в составе Брянского фронта насчитывалось свыше 1500 танков, в том числе 780 вполне современных боевых машин (190-КВ, 566 – Т-34, более 200 – МК-2 и МК-3).

Завершая подготовку к ожидаемому наступлению противника, штаб фронта покинул гостеприимный Елец, где находился с осени 1941 года, и перебрался в район Архангельского. Сменили места дислокации и армейские управления. Командный пункт 61-й армии обосновался в Болтенках, 3-й армии – в районе Липцы, 48-й армии – в районе Глотово, 13-й армии – в Покровском, 40-й – в Быкове.

Ночь на 22 июня повсеместно прошла в тревогах и заботах. На новых КП почти все бодрствовали. Отдавались последние указания. Время от времени запрашивались командиры дивизий: как ведёт себя противник?

Но – кончилась ночь, минуло утро, истёк весь день, а немцы не наступали. Как всегда в подобных случаях, мы начали уже подшучивать друг над другом – дескать, «разведка доложила точно...». Появились сомнения в подлинности оперативной директивы, захваченной у немец-

кого офицера 19 июня. Высказывались предположения, не является ли этот документ хорошо продуманной дезинформацией. Об одном мы не догадывались – ещё большем, чем у нас, беспокойстве в стане врага. Как стало известно теперь из дневника бывшего начальника штаба сухопутных войск немецкой армии генерал-полковника

Гальдера, исчезновение самолёта с майором Рейхелем и пропажа совершенно секретных документов по операции «Блау» всполошили всю нацистскую клику. В генеральный штаб был вызван для объяснений командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок. Решением самого Гитлера были отстранены от должностей командир и начальник штаба 40-го танкового корпуса, а также командир 23-й танковой дивизии.

С 24 июня немцы начали интенсивную перегруппировку своих танковых и моторизованных войск. Авиационная разведка утверждала, что противник накапливает силы в районе Щигры, Колпна. Отсюда следовало, что он продолжает готовиться к наступлению в полосе нашего фронта. Но время шло, а у нас все оставалось как будто спокойно. И тогда наше внимание снова обратилось к заброшенному плану Орловской наступательной операции.

По указанию командующего фронтом с утра 27 июня я снова сел за разработку этого плана. За основу принимался наш весенний вариант, но с поправками, подсказанными из Генштаба. Теперь Брянский фронт собирался нанести вместо двух один сильный удар на стыке 48-й и 13-й армий. Вопрос об участии в Орловской наступательной операции нашей правофланговой 61-й армии отпал. Она передавалась в состав Западного фронта.

ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО

Обстановка круто меняется

Ночь на 28 июня на всем нашем фронте прошла совсем тихо. До трёх часов мы, как обычно, работали. Закончив оперативную сводку и боевое донесение, снова сели за план Орловской наступательной операции. Её основной замысел, её канва уже довольно отчётливо вырисовывались на карте. Мы настолько вжились в этот план, что порою представляли себе различные его варианты как реальные события.

В три часа я отпустил всех спать. Поспать на войне хотя бы два-три часа без перерыва – было мечтой каждого, кто работал в штабах. На этот раз все мы были уверены, что отдохнём хорошо. Но...

На войне очень часто врывается в нашу жизнь это самое «но». И тогда все вдруг круто меняется. Вчерашние планы и замыслы сразу устаревают, и, чем скорее от них освободишься, чем быстрее настроишься на решение новых задач в новой, изменившейся обстановке, тем лучше для тебя самого и для дела.

Так было и в данном случае.

На рассвете 28 июня пошли тревожные звонки из 13-й и 40-й армий. Звонили по всем линиям: оперативные дежурные, офицеры разведки, работники артиллерийских штабов. Беспокойство было не напрасным: противник перешёл к активным действиям. Пока что, судя по всему, он проводил силовую разведку на левом крыле 13-й и правом крыле 40-й армий с рубежа Греково, Вышне-Долгое, Полевое, Рождественское. Наиболее упорными были его атаки в полосе 15-й стрелковой дивизии (13-я армия), а также перед фронтом 12-й и 160-й дивизий (40-я армия). На каждом из этих направлений действовало до батальона пехоты с танками.

В шесть часов утра я переговорил с начальниками армейских штабов – А.В. Петрушевским и З.З. Рогозным. После короткого обмена мнениями мы пришли к единодушному выводу, что вот-вот двинутся в наступление главные силы противника. Первые же утренние вылеты наших разведывательных самолётов установили сосредоточение крупной группировки немцев на стыке 13-й и 40-й армий.

К 8 часам вражеские батальоны, осуществлявшие разведку боем, повсеместно были отброшены на свои исходные позиции. Им нигде не удалось вклиниваться в нашу оборону. На фронте опять установилось относительное спокойствие. Но мы-то понимали, что это ненадолго.

И действительно, в 10 часов на боевые порядки наших войск обрушился мощный удар фашистской авиации и артиллерии. Возобновились атаки пехоты и танков.

В направлении главного удара противника действовали войска его 4-й танковой армии. Они наступали из района Щигры на узком фронте в плотных построениях. Танковые дивизии (24-я, 9-я и 11-я) действовали в составе разных корпусов, перемежаясь с моторизованными или пехотными.

На флангах главной ударной группировки немцев наступали: с севера (в общем направлении на Ливны) до трёх дивизий 55-го армейского корпуса, а с юга войска 7-го армейского корпуса, который входил в подчинение 2-й венгерской армии.

Наступление наземных войск поддерживалось сильными ударами авиации и артиллерии. Как правило, авиация противника наносила свои удары группами в 20–30 бомбардировщиков с хорошим истребительным прикрытием. Её воздействие распространялось не только на боевые порядки нашего первого эшелона, но и на оперативную глубину вплоть до меридиана реки Дон.

В первый день наступления немцам удалось получить некоторый успех. Они продвинулись на 10–12 километров и достигли реки Тим. Но наши войска, хотя и понесли серьёзные потери, далеко не утратили своей боеспособности. Исключение составлял, пожалуй, только один из полков 15-й стрелковой дивизии. Он пострадал гораздо больше других и в беспорядке отходил к востоку.

В ночь на 29 июня Ставка Верховного Командования очень оперативно приняла меры по усилению Брянского фронта. Нам возвратили

4-й танковый корпус, ранее переданный Юго-Западному фронту, и, кроме того, добавили ещё два таких же корпуса: 24-й из состава Юго-Западного фронта и 17-й из резерва Ставки. Первые два должны были сосредоточиться в районе Старый Оскол, а 17-й танковый корпус выдвинулся из Воронежа в район Касторное.

Усиливалась и наша воздушная армия. Из резерва Ставки в неё переходили четыре истребительных и три штурмовых авиаполка. Правда, перебазирование их к нам задержалось: по вине тыла BBC они не получили вовремя горючее.

Командующий фронтом провёл некоторую перегруппировку наличных сил. По его приказу 16-й танковый корпус выводился на рубеж реки Кшень в стык между 13-й и 40-й армиями. Две танковые бригады (115-я и 116-я) из фронтового резерва передавались в подчинение командарма 40. К сожалению, последний продолжал вести себя удивительно беспечно. Его штаб находился в районе Быково во второй оборонительной полосе. В течение 28 июня ни сам командарм, ни его заместители ни разу не побывали в 121-й и 160-й Стрелковых дивизиях, которые вели тяжёлые бои. Управление войсками осуществлялось только по телефону. Даже вновь прибывшим 115-й и 116-й танковым бригадам генерал Парсегов не поставил задачу лично сам, а сделал это через офицера связи.

Такие методы руководства войсками в обстановке напряжённого оборонительного сражения явно не годились.

С утра 29 июня погода несколько ухудшилась: прошли дожди, понизилась видимость и наши войска хоть немного отдохнули от воздействия немецкой авиации. К полудню опять проглянуло солнце, раскисшие было дороги начали быстро просыхать. И в 13 часов наступление противника возобновилось. Точно так же, как и накануне, атакам его танков и

Оборонительная операция Брянского фронта на воронежском направлении 28.6 — 7.7 1942 г.

мотопехоты предшествовала интенсивная авиационная и артиллерийская обработка боевых порядков наших войск.

Немцы стали предпринимать более настойчивы: попытки расширить прорыв в сторону флангов. Одновременно они упорно атаковали передний край нашей обороны в направлениях Ливны (силами двух-трёх пехотных дивизий) и Тим (частями 7-го армейского корпуса). Однако войска 13-й армии оборонялись достаточно стойко. К Ливнам враг не прорвался. Захлебнулись его атаки и в районе Тим.

А вот в направлении своего главного удара противник добился значительных успехов: он преодолел здесь сопротивление наших дивизий первого оперативного эшелона и вышел к рубежу реки Кшень на сорокакилометровом фронте. Немецкие танковые дивизии вступили в боевое соприкосновение с частями нашего 16-го танкового корпуса и стрелковыми соединениями, составлявшими второй эшелон 40-й армии.

Вечером 29 июня стало ясно, что дальнейшее продвижение противника в направлении Касторное поведёт к серьёзному осложнению обстановки. Нарастала реальная угроза обхода войск левого крыла 40-й армии. Её 45-я стрелковая дивизия уже начала разворачиваться фронтом на север.

А на армейском КП в районе Быково все ещё благодушествовали. И дождались наконец того, что вражеские танки приблизились вплотную к Быкову. Этого оказалось достаточно, чтобы генерал Парсегов и его штаб полностью утратили управление войсками. Командующий армией спешно «отскочил» юго-восточнее Касторного.

Продолжая использовать успех в районе Быково, противник подтянул сюда моторизованные и пехотные дивизии для развития удара в направлении Горшечное, Старый Оскол. Создалась явная угроза окружения войск левого крыла 40-й и правого крыла 21-й армий. Это вызвало озабоченность даже в Ставке Верховного Главнокомандующего. В ночь на 30 июня Сталин лично вызвал к телефону командующего фронтом и заявил ему следующее:

– Нас беспокоят две вещи. Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-восточнее города Тим. Мы считаемся с этой опасностью потому, что противник может при случае ударить по тылам сороковой армии... Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам тринадцатой армии. В этом районе у вас будет действовать Катуков, но во втором эшелоне у него сколько-нибудь серьёзных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными и как вы думаете рассчитаться с ними?

Ф.И. Голиков довольно спокойно доложил о всех уже предпринятых и предпринимаемых нами мерах с целью противодействия намерениям противника. За 13-ю армию мы не волновались – она прочно удерживала оборону. К тому же в полосах 13-й и соседней с ней 48-й армий у нас

имелись достаточные силы для нанесения контрудара, если бы даже немцы добились какого-либо успеха в районе Ливны. А вот 40-ю нужно было выручать из беды.

Пользуясь случаем, Ф.И. Голиков доложил Верховному Главнокомандующему, что сосредоточение 4-го и 24 -го танковых корпусов в районе Старый Оскол проходит очень медленно, а с 17-м положение ещё хуже: на марше он растерял свои тылы, и части остались без горючего. Под конец доклада была высказана просьба об отводе войск левого крыла 40-й армии на рубеж Быстрик— Архангельское. Таким образом мы надеялись уберечь эти войска от окружения и обеспечить им более выгодное для обороны положение. Однако в Ставке, по-видимому, ещё не чувствовали всей остроты обстановки на воронежском направлении. Верховный Главнокомандующий не согласился с нашим предложением. По аппарату Бодо нам был передан следующий ответ:

«1. Мы считаем, что простой и неподготовленный отвод армии Парсегова на рубеж Быстрик—Архангельское будет опасен, так как рубеж этот не подготовлен и отвод превратится в бегство.

2. Самое плохое и непозволительное в вашей работе состоит в отсутствии связи с армией Парсегова и танковыми корпусами Мишулина и Баданова. Пока вы будете пренебрегать радиосвязью, у вас не будет никакой связи и весь ваш фронт будет представлять неорганизованный сброд. Почему вы не связались с корпусами через Федоренко? Есть ли у вас связь с Федоренко?

3. Хорошо бы из района Оскол один танковый корпус, например, корпус Мишулина, направить для удара на Горшечное, а танковый корпус Фекленко направить с севера на юг тоже для удара на Горшечное. Все это против танков, занявших Быково. Сюда же надо направить корпус Павелкина, рядом с Фекленко или во втором эшелоне.

4. Парсегов жалуется на авиацию, а что делала наша авиация?..»

Тяжело нам было принять все эти упрёки. В значительной части они являлись незаслуженными. Скажем, радиостанции, состоявшие тогда на вооружении, никак не могли обеспечить связь на такую дальность, какая разделяла штаб фронта и танковые корпуса. Но свои обиды мы отбросили прочь и с полным вниманием отнеслись к указанию о перенесении усилий наших четырёх-пяти танковых корпусов с фланга танковой группировки противника на острие её клина в районе Горшечное, Старый Оскол. Сюда устремились 24-я танковая дивизия и основные силы 7-го армейского корпуса, а несколько позже к Старому Осколу должны были выйти также 23-я танковая дивизия и части 8-го корпуса 6-й немецкой армии.

Осуществление контрмер осложнялось рассредоточенностью наших танковых корпусов и необеспеченностью их горючим. В Ставке, вероятно, учли наши затруднения и, желая как-то помочь нам, допустили, с моей точки зрения, серьёзную ошибку. На фронтовом вспомогательном

пункте управления, развёрнутом в районе Касторное, находился в то время командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии Я. Н. Федоренко. И вот на его имя из Ставки телеграфом передаётся директива:

«1. Тов. Федоренко немедленно вылететь в район расположения корпуса Мишулина и незамедлительно двинуть Мишулина для занятия Горшечное.

2. Если у тов. Мишулина мотострелковая бригада ещё не готова, пусть выступит с теми частями корпуса, которые готовы, а остальные подтянутся потом.

3. Если танковые бригады Фекленко готовы к бою, можно и следовало бы двинуть на Горшечное хотя бы одну...»

В это время уже вышли дивизии 40-го танкового корпуса немцев, преследуя отходящие части нашего соседа – Юго-Западного фронта. Фон Бок рекомендовал Вейхсу сначала заменить 23-ю и 24-ю танковые дивизии моторизованными (3-й, 16-й и «Великая Германия»), а в последующем сменить их частями 29-го армейского корпуса.

Но и Вейхс и командующий 4-й танковой армией генерал Готт не очень-то спешили с выполнением этих рекомендаций. Да у них и не было возможностей осуществить такой шаг раньше 8–10 июля – ведь только 7 июля удалось занять Воронеж. В боях за этот город были заняты две танковые и две моторизованные дивизии. А ещё две танковые дивизии и одна пехотная в те же самые дни дрались с нашей 5-й танковой армией и 8-м кавалерийским корпусом в районах Озерки, Тербуны, Землянск. Свободной оставалась только 23-я танковая дивизия на западном берегу Дона.

Таким образом, общий ход нашей оборонительной операции в критические дни июля 1942 года можно считать удовлетворительным: против нас были развёрнуты все войска противника, имевшиеся в полосе фронта, а решительного результата они не достигли. Внимание гитлеровских генералов здесь раздваивалось. Ещё оставалась не выполненной задача в районе Воронежа, немецкие войска ещё не выдвинулись для последующей обороны на естественный рубеж рек Снов, Сосна, Труды, а их верховное командование уже торопилось начать следующий этап плана летней кампании – развивать наступление на юго-восток, в сторону Кавказа.

Теперь даже те, кто занимали очень высокие военные посты в нацистской Германии, вынуждены признать, что летом 1942 года при наступлении на воронежском направлении немецкие войска не достигли поставленных целей. Скажем, генерал Типпельскирх, рассматривая итоги Воронежской операции, отмечает: «В районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось... Дальнейшее развёртывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначаль-

ному плану должно было продвигаться через Воронеж на Саратов, застряло у Дона». К аналогичным выводам пришёл и бывший начальник гитлеровского генерального штаба небезызвестный генерал Гудериан.

По всему выходит, что у нас вроде бы и нет причин сетовать на свои действия в сложившейся тогда обстановке. Тем не менее, оглядываясь сегодня на события лета 1942 года и самокритично оценивая собственную работу, должен признать: при том соотношении сил, которое сложилось в полосе Брянского фронта (особенно по количеству танков), наши войска могли бы не только нарушить планы противника, но и нанести сокрушительное поражение основной его ударной группировке.

Почему же этого не случилось?

Здесь, как уже отмечалось выше, оказались серьёзные ошибки в управлении войсками.

Основная ошибка Ставки и Генерального штаба заключалась, в том, что до самого начала операции «Блау» там не верили в возможность наступления немцев на курско-воронежском направлении. Полагая, что летом 1942 года противник снова будет рваться главным образом на Москву, Генштаб отверг наше предложение о заглавовременном создании самостоятельного Воронежского фронтового управления и на некоторое время приковал внимание командования Брянского фронта к орловско-тульскому направлению. Практически это повлекло за собой сосредоточение большей части танковых корпусов, сформированных в зимние и весенние месяцы 1942 года, ближе к московскому операционному направлению. Юго-Западный и Южный фронты получили танков значительно меньше. В дальнейшем же, когда стало очевидно, что противник наносит главный удар в стык Брянского и Юго-Западного фронтов, последовала новая ошибка. Отражение этого удара должно было осуществляться объединёнными усилиями с постановкой каждому фронту совершенно конкретных задач. А Ставка избрала иной путь: она неоднократно пыталась ставить задачи непосредственно армиям и даже танковым корпусам, связывая тем самым инициативу фронтового командования.

Думается, что уже 28–30 июня от Брянского фронта можно было потребовать нанесения мощного контрудара главной массой своих сил и резервов Ставки, при поддержке дальней авиации. Его следовало направить с севера на юг, примерно вдоль железной дороги Елец, Касторное, Старый Оскол. На подготовку к этому нам достаточно было бы троепятого суток. Таким образом, этот контрудар мог быть осуществлён уже 3–5 июля, то есть как раз тогда, когда ударная группировка противника, завершив бои в районе Горшечное и Старый Оскол, выдвинулась к Дону. Вторые эшелоны в немецких корпусах к тому времени были уже задействованы, а резервы в группе армий отсутствовали.

Не имея таких чётких указаний со стороны Ставки, командование и штаб Брянского фронта вели себя подчас недостаточно решительно,

ограничивались в лучшем случае попытками организовать тактические действия войск вместо широкого, планомерного, оперативного их использования во фронтовом масштабе.

Сейчас, когда мы пытаемся объяснить себе, почему события двадцатилетней давности прошли так, а не иначе, почему противник был лишь остановлен на рубеже Дона, а не разбит между Курском и Воронежем, невольно приходишь к мысли, что одной из причин этого являлась слабая оперативная подготовка некоторых звеньев командного состава. И удивляться тут нечему. До войны обучение командного состава, предназначенного для укомплектования органов управления боевыми действиями войск, не шло дальше отработки армейской операции на нескольких примерах (задачах). Но едва разразилась война, многим из этих генералов и офицеров довелось работать не только в штабах армий, но и на более высоких постах. Вот тут-то и стали мы спотыкаться. Доучиваться, дозревать приходилось уже в ходе войны.

События на воронежском направлении летом 1942 года как раз и совпали с таким периодом, когда и штаб фронта, и штабы армий только ещё накапливали опыт управления войсками в условиях сложной операции, когда, скажем откровенно, нам ещё не удалось изжить робость перед танковыми соединениями противника. Этим в первую очередь и объясняются почти все наши тогдашние недостатки в управлении войсками. Сейчас нам ясно, как их можно было устраниТЬ и в тех условиях. Но в то время нам казалось, что большего, чем делали мы, сделать невозможно.

При всем том было бы глубоко неправильно рассматривать теперь из прекрасного далека все наши многотрудные дела тех дней как сплошную цепь ошибок и просчетов. В своем месте я уже высказал общую положительную оценку боевой деятельности войск. А теперь мне хотелось бы назвать хотя бы несколько конкретных имён и конкретных соединений, проявивших наибольшую стойкость и упорство в обороне, наивысшую настойчивость в контратаках.

Прежде всего должен выразить свою признательность солдатам, младшим командирам и офицерам 15-й, 132-й, 143-й, 148-й, 307-й стрелковых дивизий, 106-й и 109-й отдельных стрелковых бригад, 129-й отдельной танковой бригады. Эти соединения исключительно упорно защищали каждый метр своих позиций, каждую высоту, каждый населенный пункт. Всякий мелкий тактический успех, которого добивались здесь ценой больших потерь войска вражеского 55-го армейского корпуса, в тот же день ликвидировался неотразимыми контратаками. Особенно результативны были контратаки 106-й, 109-й отдельных стрелковых бригад и 129-й танковой бригады.

Н.П. Пухов

В своих донесениях мы с большим удовлетворением отмечали прекрасные боевые качества солдат, сержантов и офицеров 13-й армии. Об этом приятно вспомнить и сказать здесь доброе слово в адрес её командующего генерал-майора Н.П. Пухова, члена Военного совета М.А. Козлова, начальника штаба А.В. Петрушевского. А из командиров дивизий и бригад следует отдать особую дань уважения генерал-майору А.А. Мищенко, полковнику Г.А. Курносову, полковнику Г.С. Ласько, полковнику Ф.Г. Аникушину и подполковнику Трофиму Михайловичу Щудренко, геройски погибшему при контратаке 30 июня 1942 года.

Стойко выдержали натиск противника и некоторые соединения 40-й армии, в частности 121-я и 160-я стрелковые дивизии, 111-я и 119-я отдельные стрелковые бригады, 115-я и 116-я отдельные танковые бригады. Отлично воевали части 284-й стрелковой дивизии, оборонявшие район Касторное, а также некоторые танковые бригады 4-го, 1-го и 16-го танковых корпусов. Очень хорошо действовали 8-й кавалерийский корпус и 340-я стрелковая дивизия, отражавшие удары пехоты и танков противника в районе Солдатское, Тербуны.

Геройски вели себя расчёты гвардейских миномётов, состоявшие в то время исключительно из коммунистов и комсомольцев. Перед ними стояла двоякая цель: дерзко уничтожать живую силу и технику врага, но не рисковать своими машинами – ни одна из них не должна была попасть в руки противника. Мы ревностно оберегали конструктивные и прочие секреты наших «катюш» и сумели сохранить их в тайне вплоть до окончания войны.

У гвардейских миномётов была своя тактика. Представьте себе жаркий июльский день, пыль на дорогах, столбы дыма над горящими сёлами. Наши поредевшие части с тяжёлыми боями отходят к Воронежу. А за ними по пятам следуют немецкие танки и моторизованная пехота. Противник атакует в плотных цепях, нередко сворачивается в колонны. Этого-то момента как раз и поджидают гвардейцы-миномётчики. «Катюши» возникают как из-под земли, раздаётся характерный посист их залпа, и скопление вражеских войск как бы тонет в море огня. Противник высыпает на место происшествия свою авиацию, но позиции, с которых только что был произведён залп, уже пусты: автомашины с реактивными установками исчезли бесследно, будто растворились в плотных облаках пыли, повисших над всеми дорогами...

Западнее Воронежа многократно отличился дивизион гвардейских миномётов под командованием Героя Советского Союза капитана Кириллова. Он действовал всегда наверняка. Был случай, когда этому дивизиону пришлось выступить навстречу атакующему противнику прямо в боевые порядки нашей пехоты. Чуть ли не в упор удариł он по гитлеровцам, и их атака сгорела без следа.

Но война есть война. Мы тоже теряли людей, и в том числе немало командного состава. Однако и при выходе из строя командиров подраз-

деления, как правило, не оставались без руководства. Здесь опять выручали коммунисты. В самой сложной ситуации они смело брали на себя управление боем и до последней возможности удерживали обороняемые рубежи.

Мне запомнилась фамилия младшего политрука Филиппова. Он принял командование остатками стрелковой роты, когда её позиции атаковали восемь немецких танков. Показывая пример бойцам, Филиппов сам бросился навстречу головному танку и сумел поджечь его. При этом младший политрук был ранен в руку, но опять вооружился связкой гранат и сумел поразить второй вражеский танк, а с остальными покончили бронебойщики.

Вспоминается и ещё один герой тех боёв – парторг стрелковой роты тов. Рагозин. Он тоже подменил выбывшего из строя командира, поднял роту в контратаку и своими решительными действиями ликвидировал нависшую над ней опасность полного разгрома.

А какое мужество проявил бывший слесарь из Перми механик-водитель танка тов. Шаронов! Перед самым боем он подал заявление о вступлении в партию и обещал «драться по-коммунистически». В бою с ним случилась большая беда – лишился зрения. Но его тяжёлый танк КВ оставался на ходу, ослепший водитель не покинул своего боевого поста. Шаронов продолжал управлять машиной вслепую: когда нужно было развернуться вправо – командир танка лейтенант Никольский прикасался рукой к его правому плечу, влево – к левому...

Благодаря вот таким людям, их самоотверженности и героизму нам и удалось остановить дальнейшее продвижение немецко-фашистских войск. Конечно, жаль, что не смогли сделать этого раньше, но на то были свои причины.

С чувством сожаления приходится вспоминать, что в 1942 году у нас существовала практика поспешных выводов и суровых кар в отношении руководящих работников. Ещё не завершилось сражение за Воронеж, а уже начались поиски «виновников». Первым поплатился Ф.И. Голиков. Он был снят с должности командующего фронтом. Это произошло 7 июля, то есть на пятый день по прибытии его в район Воронежа для непосредственного руководства боевыми действиями.

Выслушав по телефону ВЧ доклад Голикова об обстановке в городе, Stalin задал вопрос:

– Можете ли вы дать гарантию, что Воронеж будетдержан?

Филипп Иванович честно ответил, что у него нет для этого реальных возможностей.

Буквально через несколько минут к аппарату был вызван генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, находившийся тогда на КП фронта в качестве представителя Генштаба. Его доклад отличался большей оптимистичностью. Делая вывод по обстановке, Николай Фёдорович считал возможным удержать город.

А тут ещё подлил масла в огонь начальник охраны тыла фронта. Являясь представителем Наркомата внутренних дел, он доложил в Москву по своей линии, будто в районе Воронежа никаких наших войск нет, кроме подчинённых лично ему двух полков НКВД. Это не соответствовало истине. На самом деле полки НКВД были выведены из города, но там продолжали упорно драться с противником части 40-й армии.

В Ставке отреагировали молниеносно: последовал приказ о назначении на пост командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина. Ф.И. Голиков был оставлен при нем в качестве заместителя. Противник же тем временем почти полностью овладел Воронежем.

Через несколько дней мы читали не менее строгий приказ в отношении начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора И.Х. Баграмяна. Иван Христофорович обвинялся в плохом управлении войсками во время майской наступательной операции в районе Харькова. Его тоже отстранили от должности, и мы, давнишние товарищи Баграмяна, тяжело переживали эту очевидную несправедливость. В работе начальника штаба фронта всегда можно, конечно, найти недостатки, но в данном случае не в них была причина неудач под Харьковом.

Известно, что Военный совет Юго-Западного фронта ещё в марте 1942 года обратился в Ставку с предложением провести наступательную операцию совместными усилиями трёх фронтов – Брянского, Юго-Западного и Южного – с крупными оперативными целями. Предполагалось разгромить сильную группировку немецко-фашистских войск и выйти на рубеж рек Сож, Днепр, Южный Буг. Ставка не утвердила тогда этого предложения. Командованию Юго-Западного фронта было приказано подготовить и осуществить наступательную операцию с ограниченной задачей: разгромить противника в районе Харькова и освободить город. Операция эта протекала с большими трудностями и осложнениями. Войска Юго-Западного фронта начали её изолированно от других фронтов. В результате получили сильные контрудары по флангам основной группировки, понесли значительные потери и не достигли поставленной цели.

Было просто непонятно, почему вся ответственность за этот провал возлагалась на начальника штаба фронта? Правда, в скором времени сняли с должности и командующего фронтом С.К. Тимошенко.

Во время этих передряг я ещё оставался на Брянском фронте. Командовал им тогда генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. Мне очень мало довелось поработать под руководством Константина Константиновича. Но и те восемь – десять дней, в течение которых я имел возможность близко соприкасаться с ним, остались в моей памяти поныне. Особенно большое впечатление произвело на всех нас – генералов и офицеров управления фронта – внимание его к мнению своих подчинённых. Человек высокой культуры, он умел терпеливо выслушать каждого, тут же выделить главную суть в суждениях собеседника и использовать в интересах дела знания и опыт коллектива. Я не ошибусь, если

скажу, что в очень короткий срок Константин Константинович сумел расположить к себе всех своих новых сослуживцев. Нам нравилась его спокойная деловитость.

Но уже 17 июля я рас прощался с ним и на следующий день прибыл в деревню Углынец на командный пункт Воронежского фронта. Боевые действия там затихали. Передний край нашей обороны пролегал по реке Дон вплоть до Подклетного, далее шёл к северной окраине Воронежа, опирался на реку Воронеж до её устья и затем следовал опять по Дону. На этом рубеже развернулись войска 60-й и 6-й армий.

Одновременно совершенствовалась оборона по линии Гремячье, Троицкое, Большаяков, Борки, Солдатское, Тербуны 2-е, Озерки. Там обосновались войска из резерва Брянского фронта: 1-й и 16-й танковые корпуса, 1-я гвардейская и 340-я стрелковые дивизии, 8-й кавкорпус, 201-я и 192-я танковые бригады. Все они вскоре были объединены новым управлением 38-й армии, во главе которой стал генерал-лейтенант Н.Е. Чубисов.

Против нас фронтом на север от Гремячего до Фоминой-Ногачевки и далее до Воронежа развернулась значительная группировка войск 2-й немецкой армии в составе десяти пехотных и двух танковых дивизий. Южнее Воронежа на рубеж реки Дон выдвигались войска 2-й венгерской армии – девять пехотных и одна танковая дивизии.

Николай Пухов*

Из книги «Годы испытаний»

1942 год

Зима в тот год стояла морозная, снежная. С трудом я добрался до штаба фронта, располагавшегося в Ельце. Представился командующему фронтом. Он рассказал мне о положении дел в 13-й армии.

Не задерживаясь, я выехал в Ливны, где находился армейский штаб.

От Ельца до Ливны – километров сто двадцать. Это был путь недавнего мощного наступления советских войск.

Повсюду вдоль дороги виднелись разбитые немецкие танки, артиллерийские орудия, автомашины. Среди брошенной врагом боевой техники встречалось много исправных машин. Значит, противник отступал поспешно, неорганизованно.

* Николай Павлович Пухов (25 января 1895 года — 28 марта 1958 года) — советский военачальник, Герой Советского Союза, генерал-полковник.

Как я потом узнал, здесь были разгромлены 45-я и 134-я пехотные дивизии Гитлера.

Глядя на это безмолвное свидетельство нашего успеха, я как бы читал боевую историю 13-й армии, знакомился с её первыми грозными наступательными действиями. Здесь, на этом клочке земли, нашли отзвук общие удары по врагу под Ростовом-на-Дону и под Москвой, похоронившие миф о непобедимости фашистских войск.

Мне предстояло служить в армии, уже испытавшей своё превосходство над врагом. Здесь я должен был применить в большем масштабе опыт войны, накопленный за время командования дивизией.

С этими мыслями въехал в Ливны. Город был очень разрушен. Вокруг него дважды бушевали сражения...

13-я армия занимала тогда один из важных участков обороны. Позже, летом 1942 года, именно сюда враг нанёс сильный удар, чтобы с севера обеспечить себе выход к Волге.

Днём и ночью наши войска окапывались, врастая в землю.

Передний край обороны прикрывали различные инженерные заграждения – спирали, рогатки, ряды колючей проволоки. Широко применялось и минирование местности. Минны сослужили нам хорошую службу. На участке одной из дивизий на них подорвался почти весь батальон противника, атаковавший наши позиции.

К весне на фронт широким потоком хлынуло из глубины страны различное вооружение и боеприпасы.

Это означало, что наш тыл окончательно оправился от потрясений первых месяцев войны, что эвакуированные заводы стали работать на новых местах на полную мощность.

Тем временем противник, очевидно, отбросил мысль о скором возобновлении своего неудавшегося наступления. Фашисты также стали возводить оборонительные сооружения и поначалу вели себя очень нагло: производили работы среди белого дня, не заботясь о маскировке. Для метких выстрелов оказывалось много целей.

Постепенно из отличных стрелков выросли снайперы. Снайперское движение становилось у нас массовым. Большую роль в этом сыграли организованные по распоряжению нового командующего фронтом генерала Ф.И. Голикова фронтовые курсы снайперов.

Разносторонняя политическая работа в войсках была подчинена одной цели – истреблению врага. Командиры и политработники в личных беседах и через печать разъясняли солдатам великую миссию Советской Армии в Отечественной войне, показывали наше моральное и экономическое превосходство над озверевшим врагом и неизбежность его поражения.

Большой популярностью пользовались на фронте полковые митинги. С особым удовольствием вспоминаются выступления на таких митингах рядовых солдат.

Молодые солдаты обычно выступали с некоторой запальчивостью, а те, что постарше, говорили деловито, не торопясь, с расстановкой, образным русским языком.

Искреннее слово всегда волнует, берет за душу. Такие митинги зажигали массы, повышали их боевую активность, еще больше укрепляли уверенность в победе.

Особенно памятны яркие, волнующие выступления на наших митингах Д.З. Мануильского. Он умел по-большевистски просто и понятно разъяснить самые жгучие, волновавшие тогда всех вопросы, особенно связанные с отсутствием второго фронта.

Все знали, как легко и быстро нынешние союзники организовали во время гражданской войны интервенцию против молодой Советской республики. И солдаты недоумевали, почему же теперь они тянут с открытием второго фронта.

После выступлений товарища Мануильского солдатам все становилось ясно.

Дмитрий Захарович Мануильский, будучи у нас в армии, жил со мной в одной хате и доставил мне много приятных минут своими интересными беседами. С ним часто приезжал поэт Иосиф Уткин и читал нам свои талантливые стихи.

В 13-й армии были представлены почти все национальности Советского Союза. Русский и казах, белорус и грузин, украинец и татарин – все они с честью защищали от лютого врага любимую Родину. В их сердцах горела одинаковая ненависть к гитлеровским захватчикам.

Большую роль в боевом сплочении подразделений сыграли участники гражданской и первой мировой войн, ставшие незаменимыми «дядьками» молодых воинов. Бывалые солдаты отличались замечательной русской смекалкой и боевым мастерством. Многие из них выдвинулись потом на командные должности.

Помню, в сапёрном батальоне одного соединения я встретился с солдатом Барановым. Ему было лет за пятьдесят. Он рассказал, что, несмотря на возраст, добровольно вступил в армию в районе Ельца: не мог спокойно сидеть дома, когда иноземные завоеватели стали топтать родную землю.

В царской армии Баранов служил фейерверкером, а после революции сражался против белогвардейцев в рядах Красной Армии до конца гражданской войны.

– Жена меня срамила, – признался он, – не хотела пускать на фронт. Все ворчала: «Куда тебе, старому, на войну, иди лучше корову убирать». Но я все- таки пошёл...

За добросовестную службу я разрешил Баранову поехать на десять дней в отпуск к семье, которая жила недалеко от фронта. Это было перед июньским наступлением противника.

В конце второго дня сражения, 29 июня, я находился возле штаба в деревне Успенское. Вижу, прямо ко мне идёт Баранов. Подошёл солдат и говорит:

– Здравствуй, товарищ генерал. Знаю, что тебе некогда, да и мне надо торопиться. Вот от жены гостино – две лепёшки на кислом молоке и пять штук яиц. До свидания. Желаю успеха.

Как потом выяснилось, Баранов накануне услышал канонаду, понял, что враг перешёл в наступление, немедленно прервал свой отпуск и поспешил в часть. Беспокоился, не нахожусь ли я в затруднительном положении из-за того, что отпустил его на побывку в такой горячий момент. Потому и зашёл прямо ко мне, передал подарок от жены и, не задерживаясь, ушёл с пониманием своего солдатского долга. Ничего лишнего не сказал: «Тебе некогда, да и мне надо торопиться...»

Таков наш советский солдат. Выполнение воинского долга для него превыше всего. Он бесстрашно, не колеблясь, идёт на самые опасные дела. Героизм у него – это норма поведения.

В жестоких сражениях Великой Отечественной войны, как в дни отступления, так и в период стремительных наступательных боев, замечательную боевую школу прошли и советские офицеры. Многие наши командиры показывали примеры того, как надо по-суворовски маневрировать на поле боя и меньшими силами побеждать численно превосходящего противника. Их смелость и отвага сочетались с практическими знаниями военного дела.

Н.П. Пухов беседует с бывальным солдатом – участником трёх войн

на подчинённого.

Как-то беседовал я с солдатами одной роты. Бойцы из второго взвода пожаловались на бытовые невзгоды.

Я вызвал к себе командира роты, пожилого капитана, и стал выяснять причины плохого устройства во втором взводе. Смущившийся капитан доложил:

В бою бывают всякие неожиданности. И советские офицеры умели спокойно встретить их, - трезво и здраво оценить сложившуюся обстановку, принять правильное решение, вовремя поставить задачу подчинённым, сказать солдатам доброе слово, личным примером воодушевить людей.

Но один раз мне пришлось молчаливо оправдывать и физическое воздействие начальника

— Взводом, товарищ генерал, командует мой сын, лейтенант. Сосредоточил отбился от рук мальчишка. Я уж сегодня утром согрешил, отвёл его в сторонку, в кустарник, и по-отцовски надавал тумаков.

Килюю против 13-й армии и нашего соседа слева немцы сосредоточили значительные силы. Тут были части 1-й бригады СС, 45-я, 8-я, 95-я, 383-я, 299-я пехотные дивизии и одно танковое соединение.

Противник перешёл в наступление, нанося главный удар в направлении Воронежа. Каждый метр наших оборонительных рубежей простреливался неприятельским автоматным, ружейно-пулемётным, артиллерийским и миномётным огнём. С воздуха непрерывно бомбили самолёты.

Но и противник нёс огромные потери. Тем не менее ему удалось форсировать реку Тим, потеснить наш левый фланг и прорвать оборону в стыке с соседом, куда враг бросил большое количество танков и мотопехоты.

На остальных участках наши части держались стойко. Двенадцать дней мы отражали натиск озверевшего врага. В этом сражении солдаты и офицеры проявили исключительную храбрость, высокое воинское мастерство.

В первый же день боя замечательный подвиг совершила радистка Андреева. Девушка находилась в боевых порядках батальона и поддерживала радиосвязь с командиром полка. Батальон попал в окружение. Фашисты наседали на КП. Тогда радистка взяла винтовку и стала отстреливаться.

Скоро все товарищи Андреевой погибли. Но она продолжала сражаться. Последняя её радиограмма гласила: «Нас окружили. Их много. Прощайте». Она была послана в эфир, когда гитлеровцы уже ворвались в блиндаж и пытались взять героиню в плен. Оставшейся гранатой Андреева взорвала себя и радиостанцию, а заодно уничтожила и нескольких фашистов.

К 10 июля в полосе обороны 13-й армии враг обессилел, его наступление в направлении Ливны – Елец провалилось.

В октябре в командование Брянским фронтом вступил генерал Рейтер. Это был очень интересный человек. Он до тоностей знал солдатскую службу и часто лично показывал подчинённым, как надо правильно переползать, перебегать, перестраивать под огнём боевые порядки. Несмотря на почтенный возраст, генерал проделывал все это с лёгкостью молодого человека. Очевидно, то был результат постоянной физической тренировки.

Однажды мне пришлось наблюдать, как на проводившихся показных занятиях Рейтер с удивительной быстротой переползал по неровной местности, а за ним, выбиваясь из сил, обливаясь потом и все больше отставая, следовали молодые офицеры. С восхищением глядя тогда на генерала, я невольно подумал о том, как важно прививать военному человеку физическую культуру...

Холодным осенним утром 19 ноября 1942 года залпы советской артиллерии на берегах Среднего Дона, северо-западнее Сталинграда, возвестили о начале окончательного перелома в ходе Великой Отечественной войны. В могучее наступление двинулись войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. 23 ноября замкнулось кольцо окружения вокруг 330-тысячной группировки Паулюса.

24 ноября пошли в наступление войска Калининского фронта в районе Великих Лук и западнее Ржева. 16 декабря развернули крупную наступательную операцию на Среднем Дону Воронежский и Юго-Западный фронты. 22 декабря войсками Закавказского фронта началось освобождение Северного Кавказа и Ставрополья.

В течение ноября и декабря гитлеровцы понесли огромные потери в живой силе и технике, оставили тысячи оккупированных ими населённых пунктов. С радостными мыслями вступала тогда Родина в новый 1943 год.

Михаил Катуков*

Из книги «На острие главного удара»

... не успели ещё просохнуть дороги после весенней распутицы, в тот год затянувшейся, как нас передали в распоряжение Брянского фронта, которым командовал тогда генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков.

По бездорожью перешли в указанный нам район. Танковые и мотострелковые части расположились по деревням и сёлам вокруг города Ливны. Штаб корпуса обосновался в селе Воротынск.

Все говорило о том, что в районе Ливны мы долго не задержимся, что вот-вот придётся выступить. Поэтому изучали местность, вели разведку. Сапёры,

танкисты, пехотинцы чинили мосты, искали броды для танков, исправляли дороги, прокладывали колонные пути.

Мы ждали, что в любой момент получим приказ, и готовились так, чтобы корпус мог выступить в любом направлении.

Вероятно, на основании агентурных данных или сведений авиаразведки гитлеровцы пронюхали, что в районе города Ливны сосредоточены советские войска. Не исключено, что агентурная и авиационная раз-

* Михаил Ефимович Катуков (4 [17] сентября 1900 год,— 8 июня 1976 года,) — советский военный деятель, маршал бронетанковых войск (5 октября 1959 года), дважды Герой Советского Союза (23 сентября 1944 года; 6 апреля 1945 года).

ведка врага тут ни при чем. Фашисты в тот год нередко бомбили города и села в порядке «профилактики» независимо от того, существуют или нет в населенных пунктах интересующие их военные объекты. Хотя справедливости ради замечу, что вражеские «костили» в мае и июне частенько навещали наш район сосредоточения.

Правда, мы соблюдали самую щадительную маскировку. Но корпус все-таки не иголка, и от наблюдения с воздуха его полностью укрыть трудно. Но как бы там ни было, однажды утром с восходом горячего июньского солнца на город Ливны с запада налетела армада вражеских бомбардировщиков. Фашистские самолеты шли волна за волной и с методической последовательностью сбрасывали бомбы над населенным пунктом. Казалось, они хотят стереть с лица земли этот маленький городок.

Облако чёрного дыма, языки пламени поднялись над Ливнами. Отбомбившись, гитлеровские самолеты ушли, не причинив вреда частям нашего танкового корпуса. Зато доставили много бед местному населению. Целые кварталы, улицы были превращены в чёрное пепелище. Погибло немало женщин, стариков, детей. Несколько дней после налёта фашистской авиации над маленьким разрушенным городком стояли стон и похоронный плач.

Гитлеровцы просчитались, полагая, что в городе Ливны находятся наши войска. Мы, как я уже говорил, рассредоточили части корпуса по окрестным селениям, причём рассредоточили основательно, с тем чтобы под один удар с воздуха не попало сразу несколько частей и даже подразделений.

Лето было в разгаре. Вот и первая годовщина Великой Отечественной войны. Наш танковый корпус отметил её новым боевым переходом. Из штаба фронта пришёл приказ – корпусу передислоцироваться в район севернее города Ливны – деревню Малиновка и близлежащие деревни.

Переход мы решили осуществить затемно. Предварительная разведка и подготовка маршрутов помогли провести ночные марши организованно и в предельно сжатые сроки. В ожидании дальнейших распоряжений опять рассредоточили части корпуса по сёлам и деревням.

Штаб фронта не случайно перебросил танковый корпус в новый район. Из разведывательных данных стало очевидно, что гитлеровцы в последних числах июня намереваются нанести удар. Правда, определить направление его было пока трудно. Но командующий войсками фронта, предвидя события, поставил перед 1-м танковым корпусом задачу: ежечасно быть в полной готовности нанести контрудар по наступающему противнику.

В мае сорок второго Брянский фронт (3-я, 13-я, 48-я, 40-я и 61-я армии) получил большие по тому времени танковые силы. Кроме нашего корпуса севернее Касторной располагался 16-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М.И. Павелкина, а в районе Касторной – 115-я и 116-я танковые бригады. Эти соединения составляли резерв ко-

мандующего фронтом. Семь танковых бригад (170-я, 14-я, 129-я, 80-я, 150-я, 79-я, 202-я) были приданы общевойсковым армиям.

Таким образом, Брянский фронт имел около 700 танков. Кроме того, в полосе обороны фронта находился резерв Ставки: 5-я танковая армия (2-й и 11-й танковые корпуса, 19-я танковая бригада) и 17-й танковый корпус – всего около 600 боевых машин. Разумеется, все эти огромные силы готовились Ставкой для наступления. В мае планировалось разгромить крупную гитлеровскую группировку в районе Орла. Однако реализовать этот замысел не удалось. В середине мая противник окружил наши войска под Харьковом, на так называемом барвенковском выступе, и стратегическая инициатива опять временно перешла к врагу.

В связи с этим директивой Ставки командованию Брянского фронта предписывалось прекратить подготовку наступательной операции и перейти к глубоко эшелонированной обороне.

Теперь известно, что в летней кампании 1942 года командование главный удар намечало нанести на южном участке фронта с целью разгромить советские войска и овладеть районами Нижней Волги и Кавказа.

Важной составной частью этого плана была операция «Блау», в ходе которой противник намеревался разгромить советские войска на воронежском направлении.

Однако в то время мы ещё не знали об этих планах врага, хотя по отдельным признакам можно было догадаться, что удар готовится на южном крыле фронта. Это подозрение перешло в уверенность, когда 19 июня 1942 года в немецком военном самолёте, сбитом над территорией Юго-Западного фронта, была найдена директива командира 40-го танкового корпуса противника. Из неё стало ясно, что это танковое соединение должно было наступать в направлении Волчанска – Новый Оскол в соответствии с планом операции «Блау».

Таким образом, Ставка Верховного Главнокомандования узнала о намерениях противника с запозданием. Но, узнав, тут же приняла экстренные меры. Об этом говорит сам факт сосредоточения в районе Елец – Ливны крупных танковых соединений.

Итак, рано утром 28 июня противник нанёс первый удар, который приняли на себя 15-я, 121-я и 160-я стрелковые дивизии, занимавшие оборону на стыке 13-й и 40-й армий. Известно, что против них действовали семь гитлеровских дивизий – три танковые, одна моторизованная и три пехотные из армейской группы «Вейхс». Преимущество было на стороне противника. Поэтому уже в первый день наступления немцам удалось прорвать главную полосу нашей обороны, вклинившись на 10–12 километров и выйти к реке Тим, южнее города Ливны. Противник решил глубоким клином рассечь войска Брянского фронта и отрезать им пути отхода на восток.

Ставка определила направление главного удара противника и срочно усилила левый фланг Брянского фронта. Генералу Голикову были переданы 4-й и 24-й танковые корпуса из Юго-Западного фронта и 17-й

корпус из резерва Ставки. Кроме того, командующий фронтом решил ввести в бой и свой танковый резерв. Вечером 28 июня мы получили приказ генерала Голикова нанести контрудар во фланг и тыл вклинившимся частям противника с севера, из района Ливны, и во взаимодействии с 16-м танковым корпусом уничтожить его в междуречье Кшень и Тим. К утру 30-го корпус занял исходное положение и атаковал гитлеровцев во фланг.

Сначала все шло так, как было задумано. Мощным ударом из района Жерновка – Овечий Верх – Никольское при поддержке всех огневых средств корпуса танкисты смяли передовые фашистские части и продвинулись вперёд на 4–5 километров. Со своего КП я видел, как отступают цепи фашистской пехоты, как один за другим вспыхивают на поле боя немецкие танки.

Но ко 2 июля обстановка на смежных флангах нашего и 16-го танковых корпусов резко изменилась, причём не в нашу пользу.

Противник подтянул танки и артиллерию и форсировал реку Кшень в районе Казанка, создав угрозу флангам наших корпусов. На горизонте появилась туча фашистских бомбардировщиков – 75 самолётов. Среди них были «юнкеры», «хейнкели» и даже итальянские «капрони». Боевые порядки мотострелков заволокло пылью. Пехота вынуждена была залечь.

Тем временем артиллерия врага прямой наводкой обрушилась на наши танки. Первую атаку мы отбили, но последовала вторая, третья...

В невероятно тяжёлые условия попал 1-й танковый корпус. На нашем участке фронта авиации было мало. Правда, нас прикрывал 3-й истребительный авиакорпус, которым командовал генерал-майор авиации Е. Я. Савицкий (впоследствии маршал авиации, дважды Герой Советского Союза). Но, находясь в бесконечных воздушных боях на разных участках фронта, он не мог оказать нам, танкистам, существенной помощи. Самолётов у Савицкого не хватало. Изредка над полем боя появлялись два-три наших истребителя. Но что они могли сделать со стаями «мессершмиттов», прикрывавших на разных высотах свои бомбардировщики?! Своими зенитными средствами наш корпус также был не в силах отразить массовые налёты фашистской авиации. Поэтому гитлеровские стервятники бомбили, обстреливали нас почти безнаказанно.

И все же, несмотря на тяжелейшую обстановку, корпусные части держали оборону, стояли насмерть на захваченных рубежах. Снова, в который раз за год войны, мы действовали испытаным в обороне методом танковых засад, перемалывая в неравной схватке живую силу и технику врага.

Ожесточённые бои пришлось вести за каждую высоту, за каждое село, зачастую значившиеся только на карте, ибо в действительности село, за которое шёл бой, представляло собой груду битого кирпича и обгоревших брёвен. В эти дни танкисты иногда сутками не вылезали из машин и дрались с невероятным упорством. Многие командиры показали образцы подлинного воинского мастерства.

3 июля мне доложили, что 246-й мотополк противника форсировал реку Кшень и захватил населённые пункты Огрызково и Новая Жизнь. Я приказал командиру 49-й танковой бригады полковнику Д. Х. Черниенко окружить и разгромить противника. Комбриг мастерски выполнил эту задачу. Он нанёс фланговые удары по противнику, отрезал ему пути отхода за реку Кшень и почти полностью уничтожил вражеский мотополк. Только небольшим разрозненным группам врага удалось перебраться вплавь на противоположный берег. Две тысячи немецких солдат остались лежать в травянистой низине реки. Полк противника потерял все своё вооружение, в том числе 26 орудий.

Искусным командиром показал себя майор Земляков. Под селом Ожога 7 танков под его командованием смело вступили в бой с 30 танками противника. В результате двухчасового боя танкистам удалось поджечь 17 машин противника.

Захваченные рубежи корпус удержал, и гитлеровцам не удалось развить прорыв в северном направлении. Но противник тут же перенаполнил свой удар и стал продвигаться прямо на восток. Это не только не ослабило напряжения, но и осложнило общую обстановку. Из штаба фронта пришёл новый приказ.

Первому танковому корпусу предписывалось быстро сдать занимаемые рубежи 109-й стрелковой бригаде, которая с минуты на минуту должна была подойти нам на смену. Частям корпуса было приказано перегруппироваться на правом берегу реки Кшень в районе Огрызково–Юрское и выйти к населённому пункту Волово, с тем чтобы не дать противнику расширить на север образовавшийся прорыв; остановить фашистов в междуречье Кшень и Олым, а затем нанести удар в направлении Турчаново – Замарайка и левым флангом выйти в район железнодорожной станции Тербуны. Наш сосед, 16-й танковый корпус, должен был нанести встречный удар с юга на север, в направлении Воловчик–Замарайка.

Не теряя времени, наша разведка, а за неё передовые части корпуса направились в новый район боевых действий. За передовыми частями, взяв с собой дивизион реактивной артиллерии, выехал и я. Начальнику штаба полковнику Андрею Григорьевичу Кравченко я поручил как можно быстрее закончить смену частей и вести танкистов в район Тербуны.

В пути получаю от разведки первое тревожное донесение. Оказывается, гитлеровцы уже подошли к реке Кшень. На левом берегу обнаружено большое скопление вражеской пехоты, артиллерии, транспортов. Гитлеровцы ждут, когда сапёры наведут pontонный мост.

Надо бы, конечно, улучив удобный момент, атаковать гитлеровцев. Кстати, как донесла разведка, ведут они себя на берегу Кшени довольно беспечно. Но кого бросить в атаку? Части корпуса ещё сменяются или в лучшем случае в пути. Выручил дивизион «катюш». На ходу поставил задачу командиру дивизиона, выделил ему в прикрытие разведчиков. Растроенный капитан Н.Г. Гапич вывел машины вперёд и внезапно дал залп по фашистам.

Удар по вражеским войскам пришёлся точно. Переправа была мгновенно разрушена, и гитлеровское скопище, находившееся на другом берегу Кшени, было разбито вдребезги. Паника среди фашистов поднялась неописуемая. Транспортные машины горят, пушки перевёрнуты вверх колёсами. Бежать удалось немногим. Немало боевого имущества оставил противник на берегу Кшени. Но нам не до трофеев. Не исключено, что через считанные минуты к реке подойдут другие фашистские части. Надо как можно скорее создать оборону в междуречье. К этому, собственно, и сводился приказ командующего войсками фронта.

Теперь ясно, почему нас торопили перейти в междуречье, не дожидаясь полной смены частей. Промедли мы час-другой – и положение на этом участке фронта могло оказаться полностью проигрышным, причём не только для нас, но и для соседних танковых корпусов.

Трофеи мы не собирали, но пленных захватили. Из показаний гитлеровцев, перепуганных и ещё не пришедших в себя после убийственного залпа «катюш», узнали, что на этом направлении действуют немецкие и итальянские части. Воюют здесь войска небезызвестного фашистского генерала Роммеля, спешно переброшенные на советско-германский фронт из Ливии. Стало также ясно, почему против нас в эти дни действовали немецкие танки, окрашенные в жёлтый цвет – цвет песка пустыни. Как видно, фашистам в спешке некогда было их покрашивать. Да и «капрони», появившиеся над полем боя, подтверждали показания пленных о вводе в сражение итальянских частей.

Заняли оборонительный рубеж. Установили связь с соседями. Слева от нас занимала оборону 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Ивана Никитича Руссиянова. На заре командирской деятельности мы служили с ним в 81-м стрелковом полку. Тогда Руссиянов командовал взводом, а я был помощником командира роты.

О дивизии бывшего сослуживца я слышал много хорошего. Летом и осенью сорок первого года она геройски дралась под Минском и Ельней и первая среди частей Красной Армии получила звание гвардейской.

И.Н. Руссиянов был человеком аскетического склада. Ходил в простой солдатской шинели, ел из котелка. Он постоянно находился в окопах рядом с солдатами. Невысокого роста, светловолосый, он был требовательным к подчинённым. Но так же требователен был и к себе.

Справа от меня оборонялась 15-я стрелковая дивизия полковника Афанасия Никитовича Слышкина. С ним я тоже был хорошо знаком. Перед самой войной, когда в Бердичеве я командовал танковой бригадой, А.Н. Слушки был начальником военно-строительного участка. Выходец из донских казаков, комдив 15-й отличался незаурядной личной храбростью.

Хорошо бы, конечно, встретиться за дружеским столом, вспомнить былое! Но в июне сорок второго было не до этого. Теперь мы плечом к плечу отражаем непрестанные атаки врага, пресекаем настойчивые его попытки расширить прорыв нашей обороны в северном направлении – на Москву.

В землю на полях и в перелесках мы, что называется, вгрызлись, вросли. В пойме реки чувствуем себя уверенно. По-прежнему не дают покоя и сковывают манёвр наших частей массированные налёты немецкой авиации. Были моменты, когда по ходу событий мы могли перейти в контратаку, нанести ответный удар гитлеровцам, потеснить их, но тут же появлялся над нашими боевыми порядками зловещий рой фашистских самолётов. Немцы бомбили нас так жестоко, что о каком-либо продвижении вперёд и думать не приходилось. Щели, окопы – одно спасение и защита.

Острое положение на нашем участке, судя по всему, волновало не только штаб фронта, но и Ставку Верховного Главнокомандования. Из штаба фронта чуть ли не каждые пятнадцать минут спрашивали: «Доложите обстановку... Держитесь во что бы то ни стало... Не пропустите противника!..»

Это говорило о том, что оборонительным рубежам в междуречье придавалось особое значение. К тому же в первый день, едва мы обосновались на междуреченских рубежах, звонок из Ставки:

– Как дела? Где проходит ваш передний край?

Коротко докладываю обстановку, называю местные предметы, обозначенные на карте, поясняю:

– Рубежи удерживаем, а для контрудара сил не хватает. Немцы несут большие потери, но их атаки не ослабеваются... Атакуют с земли и с воздуха...

Взываю в надежде, пожалуй и беспочвенной, но все-таки взываю – может, войдут в наше положение и выручат:

– Бомбёжки страшные, голову от земли не оторвёшь. Было бы здорово, если бы на наш участок сегодня же подбросили истребителей.

Из Ставки переспрашивают:

– Говорите, бомбёжки? Сколько самолёто-вылетов предпринял противник на ваши позиции?

Отвечаю. Жду, что услышу: «Подкинем вам самолёты». Но об истребителях в Москве молчат.

Тогда казалось, что нас не понимают, что Ставка и Генштаб не хотят войти в наше положение. Только потом мы поняли, что у Верховного Главнокомандования были участки, где положение было ещё более критическое. Например, под Воронежем. Совершенно очевидно: все внимание Ставки и Генштаба было приковано к этому направлению. Но и за боями на нашем участке фронта Ставка и Верховный Главнокомандующий следили довольно пристально. Об этом, в частности, свидетельствуют документы, которые приводит в своих воспоминаниях генерал армии М.И. Казаков, бывший в то время начальником штаба Брянского фронта:

«В ночь на 30 июня командующего фронтом тов. Голикова вызвал к прямому проводу Stalin.

– Нас беспокоят две вещи, – сказал он. – Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-восточнее

Тим. Мы считаемся с этой опасностью потому, что противник может при случае ударить по тылам 40-й армии и окружить наши части. Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам 13-й армии. В этом районе у вас будет действовать Катуков (1-й тк), но во втором эшелоне у Катукова нет сколько-нибудь серьёзных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными, и как вы думаете рас-считаться с ними?».

Угроза прорыва на север действительно была реальной, но все же 1-му танковому корпусу совместно с другими соединениями и частями удавалось сдерживать противника.

Командование фронта чувствовало, что разрозненные действия корпусов не дают должного эффекта. Вероятно, поэтому 3 июля мы получили приказ. В нем говорилось, что создаётся сводная танковая группа из частей 1-го и 16-го танковых корпусов под командованием Катуко-ва. Командование фронта поставило перед группой задачу окружить и уничтожить противостоящие части врага.

16-й танковый корпус без промедления прибыл на наш рубеж. Но танков у генерала Павелкина было совсем мало – не более 50. В течение минувшей недели на стыке 13-й и 40-й армий корпус понёс большие потери в людях и боевой технике, поскольку противнику удалось обойти его с юга и отрезать от переправ через реку Оlyм. Выйти из этого слож-нейшего положения было нелегко. Но все же приход даже изрядно по-редевшего танкового соединения был для нас желанной поддержкой. Тем более что обороняться нам приходилось совместно с частями 15-й стрелковой дивизии и 8-го кавалерийского корпуса на широком фронте и неприкрытых промежутков в боевых порядках было предостаточно. С приходом танков Павелкина мы расположились плотнее, однако в нашей обороне оставались ещё слабо прикрытыестыки.

Между тем гитлеровцы, ведя непрерывные атаки, стремились нащупать наиболее уязвимые места в боевых порядках групп. Наконец им удалось это сделать. На участке, где у нас было мало огневых средств, фашистская пехота прорвалась через передний край и вклини-лась в нашу оборону. Положение создалось угрожающее. Пробив брешь, гитлеровцы продолжали углублять прорыв, с тем чтобы разоб-щить войска группы и выйти им в тыл.

Нужно также учесть, что в этот момент враг наседал по всей линии фронта, а значит, и все наличные силы нашей группы – танки и пехота – были полностью задействованы. В моем резерве находились два лёгких танка Т-60. Но эти боевые машины «малютки» и танками-то можно было назвать лишь условно. Вооружены они были 20-мм пушками «швак».

Читатель, вероятно, представляет себе, что такое двенадцатый калибр охотниччьего дробового ружья. Так вот, у пушек, состоящих на вооружении Т-60, калибр тот же самый. Для борьбы против немецких танков Т-60 не го-дились. Но против живой силы врага «малютки» действовали превосходно и

не раз своим автоматическим огнём наносили громадный урон фашистской пехоте. Так было и под Мценском, и под Москвой.

И теперь в роковой час немецкого прорыва выручили нас танки-«малютки». Когда фашистская пехота вклинилась в нашу оборону на полкилометра, если не больше, я бросил в бой последний резерв.

К счастью, рожь в ту пору поднялась чуть ли не в рост человека, и это помогло «малюткам», укрываясь во ржи, выйти в тыл гитлеровцам, просочившимся в наши боевые порядки. Т-60 с короткого расстояния шквальным огнём обрушились на немецкую пехоту. Прошло несколько минут, и цепи наступающих фашистов были отброшены.

Но окружить противника нам не удалось. Да это и естественно. Для подобной операции у нас не хватало ни своих сил, ни необходимых артиллерийских и авиационных средств поддержки.

Теперь, когда просматриваешь документы, ясно, что

Ставка была недовольна тем, как командование Брянского фронта использовало танковые корпуса. По поручению И.В. Сталина начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский передал командующему фронтом: «Некоторые из танковых корпусов перестали быть танковыми и перешли на методы боевых действий пехоты. Примеры: Катуков (1-й тк) вместо быстрого уничтожения пехоты противника в течение суток занимался окружением двух полков, и вы, по-видимому, это поощряете...»

Этот документ объясняет многое из ситуации тех дней. Разумеется, 1-й танковый корпус окружал два полка пехоты не по собственной инициативе, а по приказу сверху. Но дело не только в этом. Из этого документа следует более важный вывод: танковые корпуса вводились в бой разрозненно, каждому из них ставились узкие, ограниченные задачи. А ведь можно было сосредоточить их в мощный кулак и, усилив средствами воздушной и наземной поддержки, нанести гитлеровцам действительно решающий удар во фланг.

Но, как всякий опыт, боевой тоже не даётся сразу. Все эти мысли уже приходят к нам, участникам тех событий, как следствие опыта, накопленного в последующих боях. Уже через несколько месяцев мы научились применять для решения крупных наступательных операций не только танковые корпуса, но и по нескольку танковых армий одновременно.

Однако вернусь к боям тех июльских дней. До середины месяца наша сводная танковая группа совместно с пехотинцами и кавалеристами вела тяжёлые оборонительные бои на рубеже Ломигоры – Большая Вершина – Большая Ивановка. Затем корпус получил приказ занять новый рубеж, оставив на прежнем 16-й танковый корпус и 15-ю стрелковую дивизию. Наша новая линия обороны проходила северо-западнее Воронежа от села Сухая Верейка до правого берега Дона. Корпус был усилен 4-й отдельной стрелковой бригадой полковника К.В. Гаранина. По тылам 13-й армии мы переместились на восток. Командование фронта поста-

вило перед нами задачу любой ценой воспрепятствовать прорыву противника на север.

Как всегда, мы увязали взаимодействие с правым соседом. Находившаяся на нашем фланге стрелковая дивизия была сильно потрёпана в кровопролитных боях с гитлеровцами и с большим трудом удерживала рубеж обороны. Нам не только не приходилось рассчитывать на какую-либо помошь с её стороны, а наоборот, надо было быть готовыми в любую минуту прийти стрелкам на выручку.

В этом мы убедились в первый день совместных действий, когда нам пришлось пережить весьма неприятные минуты. Гитлеровцы в который раз превосходящими силами атаковали стрелковую дивизию, и один из её полков, не выдержав натиска, стал отходить. Возможно, фашисты не знали, что в этот район подошли наши танковые части, и вели себя нахально.

Только-только обосновались мы на новом командном пункте, как наши разведчики сообщили о прорыве гитлеровцами в полосе обороны правого соседа. Да, собственно, и без донесений разведчиков все было ясно. Выдвинулись мы с Матвеем Тимофеевичем Никитиным на две-три сотни метров вперёд – и перед нами открылась такая картина.

Большое поле – хлеба без края. То самое место, где полчаса назад занимал позиции отошедший стрелковый полк. Теперь на этом поле стоит несколько десятков немецких транспортных машин, и гитлеровцы спокойно, не торопясь, не соблюдая требования маскировки, разгружаются. Как будто по соседству нет никого и ничто им не угрожает. Словом, как на плохом тактическом учении, когда руководитель не думает о приближении обстановки к боевой и люди ведут себя, как на прогулке. Это и навело нас на мысль, что немцы ещё не знают о приходе в этот район советских танков.

Итак, когда гитлеровцы потеснили нашего правого соседа, в резерве у меня находился танковый батальон и дивизион «катюш». Танковым батальоном командовал герой сражений на мценских и подмосковных рубежах Александр Фёдорович Бурда, к этому времени ставший уже капитаном. В новой должности он показал себя находчивым, волевым командиром, прекрасным организатором боя.

Всех нас поражала исключительная командирская смекалка Александра Фёдоровича, его способность в самой сложной обстановке, а иногда, казалось, и в совершенно безвыходном положении молниеносно принимать решения, причём единственno правильные в сложившихся условиях. Поэтому у подчинённых Бурды – и в то время, когда он командовал ротой и батальоном, и позднее, когда он возглавлял танковую бригаду, – всегда жила непоколебимая вера в своего командира. Они, невзирая ни на что, готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Против фашистов, выехавших на широкое поле на транспортных машинах, я и обрушил свой корпусной резерв. Дивизион «катюш» получил задачу и, с ходу заняв позицию, прямой наводкой дал залп по гитле-

ровцам. Все, что находилось на бескрайнем ржаном поле, было повергнуто в прах.

Батальон Бурды ринулся в атаку, нанося удар по прорвавшимся немецким подразделениям. Наши танкисты уничтожили, рассеяли гитлеровцев и восстановили положение. Затем отошедший было стрелковый полк при активной поддержке батальона Александра Бурды занял прежние позиции.

Пока мы в летние жаркие дни сражались с гитлеровцами на придонском рубеже, события на нашем фронте развивались стремительно.

К 3 июля положение войск под Воронежем резко ухудшилось. Противник прорвал нашу оборону на стыке между Брянским и Юго-Западным фронтами на глубину до 80 километров и устремился к Дону и Воронежу. На помощь войскам, сражающимся на воронежском направлении, Ставка из своего резерва выдвинула общевойсковые и танковые соединения. Командующему фронтом было дано указание вместе с оперативной группой немедленно перебраться в Воронеж, чтобы на месте организовать отпор врагу. На основном КП командующего фронтом временно заменил генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов.

На рассвете 4 июля на КП Брянского фронта прилетел представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник А.М. Василевский. Как мы узнали впоследствии, Ставка поручила ему организовать контрудар 5-й танковой армии Лизюкова.

Только теперь, когда изучаешь архивные документы, понимаешь, насколько верно и точно была задумана эта операция, которая даже не получила в нашей исторической литературе своего наименования. А смысл этого замысла Ставки заключался в том, что 5-я армия,

Часа через два-три начальник оперативного отдела Никитин передал донесение с левого фланга:

– Танковая бригада, понеся большие потери, вышла из боя. Командир отправлен в тыл. У него тяжёлое нервное потрясение.

Что же произошло?

Бригада, как потом выяснилось, была совсем недавно сформирована. Большинство экипажей, командиры подразделений, частей, входивших в её состав, чуть ли не впервые попали на фронт. Люди необстрелянные, неопытные. Надо бы мне получше проинструктировать командира бригады, но, каюсь, в спешке, занятый боем, я не успел этого сделать.

Ведь обычно как действовали видавшие виды танкисты при выполнении такой задачи? Готовясь к атаке, они прежде всего высыпали вперёд боевую разведку, с тем чтобы она вызвала огонь на себя. Командиры танковых экипажей и подразделений в это время располагались в укрытиях, наблюдательных пунктах и засекали обнаружившие себя огневые средства врага. А потом подавалась команда «По машинам», и танковые экипажи устремлялись вперёд, зная точно, какие цели им предстоит подавить огнём, уничтожить, смять гусеницами. Понятно, предварительная разведка не обеспечи-

вала обнаружения всех целей, но все же значительно облегчала борьбу с огневыми средствами противника.

А в тот день в Придонье командир бригады без всякой разведки вывел танковые батальоны на большой голый бугор и открыл огонь по предполагаемым позициям гитлеровцев. Бессспорно, он надеялся сокрушить вражескую оборону, открыть дорогу танкам и пехоте. Но получилось все иначе. Немецкая артиллерия, хорошо замаскированная в рожных хлебах и других укрытиях, осталась неуязвимой, а танки на голом бугре стали хорошей мишенью для вражеских разведчиков.

Танковая бригада вышла из боя. Развить наступление в Придонье не удалось. Но бойцы отдельной 4-й стрелковой бригады закрепились на острие вбитого ими 4-километрового клина и стойко отражали яростные атаки врага.

В боях у реки Сухая Верейка в тяжёлую ситуацию попал Александр Бурда. Я поручил ему возглавить группу из 27 машин, поставил задачу выбить гитлеровцев из села Каверья, которое они превратили в опорный пункт, и оттеснить их к реке.

Бурда с трёх сторон окружил село. Гитлеровцы сопротивлялись ожесточённо. Их приходилось выбивать из каждого двора, из каждого подвала. Будь, конечно, у Бурды рота-другая автоматчиков – ему было бы легче. Но взять их было неоткуда: в горячих непрерывных боях ряды мотострелков таяли с каждым днём. И комбату пришлось маневрировать танками.

В разгар боя машина Бурды выскоцила на задворки села, и вдруг в триплекс командир увидел замаскированную в огородах и садах батарею противотанковых орудий. Немецкие артиллеристы тоже заметили танк Бурды. Снаряды загрохотали по броне тридцать четвёрки. И тут случилось почти невероятное: вражеский снаряд влетел прямо в канал ствола танковой пушки и разорвался внутри машины.

Осколки триплекса и раскалённой окалины ударили в лицо Бурде. Кровь залила глаза. Но даже в этот момент комбат не растерялся: он приказал по радио своему заместителю старшему лейтенанту Заскалько принять командование группой, а водителю, старшему сержанту Матняку, развернуть танк вправо, чтобы стать к батарее противника наиболее мощной, лобовой броней.

Но машина оставалась неподвижной. В чем дело? Может, обычно проворный и хладнокровный водитель растерялся? Взглянув вниз, Бурда увидел, что Матняку оторвало кисть руки. Бурда быстро перетянул ремнём раненую руку механика-водителя и сам сел за рычаги управления. Но тут выяснилось, что танк плохо повинуется рулям: его все время заносит влево. Нетрудно было догадаться, что одна из гусениц повреждена. С большим трудом Бурде удалось вывести машину из зоны обстрела и доставить раненого водителя на КП группы. Медики тут же отправили обоих в госпиталь.

Итак, в тяжёлых оборонительных боях подходила к концу вторая летняя страда Великой Отечественной войны. Мы, танкисты, продолжа-

ли сражаться на рубежах севернее Воронежа, сдерживая натиск врага, стремившегося прорваться на север. А фашисты к этому времени уже продвинулись на Северный Кавказ. Ожесточённые сражения развернулись на близких подступах к Сталинграду.

Василий Архипов *

Из книги «Время танковых атак»

В первых числах апреля (1942 г.-автор сборника) я получил приказ

явиться в штаб Юго-Западного направления в Воронеж. Меня принял главком Маршал С.К. Тимошенко. Во время беседы он сказал, что я назначен командиром 109-й танковой бригады, что она будет формироваться здесь же, в Воронеже, и к середине июня должна быть готова к выступлению на фронт. Семён Константинович в конце беседы спросил, есть ли у меня вопросы. Отвечаю, что есть одна просьба: взять из 10-й танковой бригады некоторых командиров и политработников, которых хорошо знаю. Это ускорит формирование новой бригады. Маршал согласился. Дня два спустя мои старые фронтовые друзья – Пётр Лукич Власенко, Евгений Павлович Хмельковский, Илларион Семёнович Ломако,

Билял Гельманович Гизатуллин и другие товарищи прибыли в Воронеж и получили назначение в 109-ю танковую бригаду.

109-я танковая...

Место для формирования нам отвели неподалёку от штаба Юго-Западного направления. Поскольку бригада формировалась этим штабом из его резервов, люди и техника прибыли к нам очень быстро, буквально в считанные дни. Большинство командиров, политработников и бойцов имели уже боевой опыт, однако не все они владели танковыми специальностями, так что в этом отношении работы было много. В штат 109-й бригады, если сравнивать его со штатом 10-й танковой бригады, вошли новые подразделения – отдельная танко-десантная рота и рота бронетранспортёров с сильным вооружением – счетверённой установкой крупнокалиберных пулемётов.

С этими подразделениями бригада стала более мобильной и манёвренной. Ведь раньше наши мотострелки передвигались в походе на

* **Василий Сергеевич Архипов** (16 (29) декабря 1906 года — 13 июня 1985 года) — командир танковой роты в период советско-финской войны 1939—1940 годов, командир 53-й гвардейской танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта в годы Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза. Генерал-полковник танковых войск.

обычных грузовиках, в бою – либо десантом на танках, либо атаковали противника, следя за танками в пешем строю. Это создавало целый ряд трудностей. Например, вы решили провести быструю контратаку своим резервом – взводом танков и ротой мотострелков. Как разместить на броне трёх танков сотню стрелков? Ничего не получится. Значит, надо искусственно снижать скорость танковой атаки, чтобы машины с десантом не оторвались от основной массы стрелков. Или же проводить атаку с хорошей скоростью, но малыми силами танкового десанта. Эти тактические проблемы остро стояли перед нами почти в каждом бою, поэтому введение в штат бригады роты бронетранспортёров, хорошо вооружённых, способных в совокупности разместить под защитой своей брони 200–250 мотострелков, мы могли только приветствовать. Как и роту специально обученных десантников.

Внимание, которое штаб Юго-Западного направления уделял формированию 109-й танковой бригады, выражалось в том, что наши еженедельные отчёты заслушивал главкомом маршал С.К. Тимошенко, в том, что нас контролировали другие руководящие товарищи, и, наконец, в том, что нам с первого же дня сказали так: *«109-я бригада предназначена для действия в полосе 40-й армии, поэтому установите связь со штабом армии и поддерживайте её постоянно»*. Мало того. Пока мы формировалась в Воронеже, то есть почти три месяца, нас ежедневно информировали об обстановке в полосе 40-й армии, а мы, совершая два-три раза в месяц групповые поездки в эту армию, в том числе для рекогносцировки направления Воронеж, Ливны, Советское, в свою очередь каждый раз докладывали о наших делах командованию. Вот почему период формирования 109-й бригады запомнился мне как насыщенный очень интересной и нужной работой, как пример чёткой деятельности высших штабов, той деятельности, которая неотрывна от высокой штабной культуры.

В середине июня формирование бригады было закончено, и она в составе 309-го и 310-го танковых батальонов, 109-го мотострелкового батальона и других подразделений двинулась к линии фронта, в полосу 40-й армии, где по приказу главнокомандующего Юго-Западным направлением в состав 16-го танкового корпуса. Около двух недель корпус (107, 109, 164-я танковые и 15-я мотострелковая бригады) готовил оборону в междуречье Ольма и Кшени, в глубине стыка флангов 13-й и 40-й армий Брянского фронта. Передний край проходил примерно в 40 км к западу, от нас, по берегам реки – Тим, Кшень, Олым текут здесь параллельно, с юга на север, по холмистой равнине, простирающейся между Курском и Воронежем. А железная дорога Курск–Воронеж пересекает реки с запада на восток. Это направление и выбрали вражеское командование для удара на Воронеж – одного из главных ударов планируемой гитлеровцами летней кампании 1942 года.

21 июня наш корпус был выдвинут с рубежа реки Олым ближе к фронту, на рубеж реки Кшень. А 28 июня командир корпуса генерал-

майор М.И. Павелкин вызывал к себе командиров бригад, сообщил, что противник прорвался в стыке флангов 13-й и 40-й армии и продвигается к реке Кшень. Мы получили боевую задачу и двинулись навстречу немецким танковым и моторизованным дивизиям.

До 30 июня бой вели 107-я и 164-я танковые бригады, а наша 109-я находилась во втором эшелоне корпуса. Но в этот день обстановка резко осложнилась. Противник форсировал реку Кшень и овладел Новым Посёлком. Командир корпуса приказал мне выделить танковую роту, чтобы поддержать контратаку стрелков 15-й мотобригады. Танки лейтенанта Бегунского ворвались в посёлок, но были вынуждены с потерями отойти. Это случилось вечером, а утром 1 июля не помогла уже и атака Нового Посёлка всем 310-м батальоном. Комбат майор И.В. Смирнов докладывал по радио:

– Зацепился за окраину, веду огонь с места...

– Почему не прорвался к мосту?

– Четыре машины потерял. Лейтенант Садыков со своими орлами прорвался было к мосту, да его оттеснили. Там немецких танков – за каждым плетнём по две башни торчат. Как грибы после дождика.

Иван Васильевич не преувеличивал. И разведка наблюдением, и опросы пленных подтверждали, что на плацдарме сосредоточилось много немецких танков – до полка. И когда на следующий день, 2 июля, командир корпуса приказал, наконец, ввести в бой и 309-й танковый батальон майора Василия Ивановича Землякова, было уже поздно – противник, овладевший плацдармом у Нового Посёлка, имел двукратное превосходство в танках и ещё большее в пехоте и артиллерии. Нашу атаку гитлеровцы встретили контратакой, в которой участвовало 80 танков и множество бронетранспортёров.

Этот эпизод запомнился мне особенно крепко из-за многочисленных неиспользованных нами возможностей. Касаясь контрудара танковых соединений Брянского фронта в июне–июле 1942 года, военно-исторический труд «Советские танковые войска. 1941–1945» отмечал, что «Брянский фронт располагал достаточными силами для того, чтобы не только остановить группу «Вейхс», но и разгромить её основные силы, прорвавшиеся в глубину нашей обороны. Однако этого не произошло... Танковые корпуса вступили в сражение разновременно и по частям, притом не столько для решения активных задач по уничтожению противника, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне общевойсковых армий». Вопрос, который это исследование ставит в масштабе Брянского фронта, то есть в масштабе оперативном, имел место и у нас на реке Кшень в масштабе тактическом. Вместо того чтобы сбить противника с плацдарма ударом танкового кулака, мы пытались столкнуть его пальцем. В первый день бросили против 20 немецких танков и двух батальонов автоматчиков, овладевших Новым Посёлком, примерно столько же стрелков, но вдвое меньше танков. На второй день – 20 наших танков против 40–50 фашистских и так далее. Противник,

наращивая свои силы, опережал нас, и если в первый день боя за плацдарм мы имели общее превосходство в танках, но не использовали его в атаках, то к четвёртому дню, к 3 июля, это превосходство перешло уже к противнику. Вот что значит потеря драгоценного времени, вот что значит применение танков с оглядкой, с дроблением танковых бригад и батальонов для «закрытия брешей».

И хотя к исходу 3 июля, как сказано в архивных документах, «109-я танковая бригада, отразив все атаки, уничтожила 20 фашистских танков» и, «несмотря на угрозу окружения, бригада удержала рубеж Мал. Липовчик, зап. окраина Липовчик, Самарино» положение наше стало очень трудным. Последняя радиограмма из штаба корпуса предупреждала о том, что противник – до двух пехотных полков с танками, – прорвавшись за правым нашим флангом, вышел к селу Спасское. После этого связь с корпусом прервалась. И вот сидим мы на чердаке дома, что на окраине Липовчика, смотрим в бинокли, коротко переговариваемся, стараемся не показать друг другу своего беспокойства. Старший батальонный комиссар Леонид Ефимович Тихомиров и мой заместитель полковник Пётр Лукич Власенко только что вернулись с флангов бригад. Ничего утешительного сообщить они не смогли. Ни с соседом справа, ни с соседом слева связь восстановить не удалось. Канонада гремела уже где-то за спиной – в районе Спасского, Федоровки, Васильевки, Урицкого. А у нас даже ружейно-пулемётная стрельба стихла, и стало слышно, как в ближней роще робко и чисто пропел дрозд. С чердака мы видели облака пыли, плывущие по дорогам. Там, справа и слева, движение колонн, гул канонады. А у нас – тишина и дрозды.

– Как в вакууме, – горько усмехнувшись, сказал Тихомиров.

– В бензобаках танков половина заправки, – глядя в бинокль, отреагировал на реплику комиссара практичный Власенко.

– А начальник штаба майор Николай Ксенофонтович Ватулин, человек простой и прямой, сказал то, о чем думал каждый из нас:

– Окружены. Что будем делать, командир?

– Воевать, – ответил я, чтобы что-нибудь ответить.

Никакого нового плана у меня не было, да пока что и быть не могло. Приказа отойти для соединения с корпусом мы не получили. Впереди, на пшеничном, с выгоревшими проплешинами, поле, стояли, свесив пушки и размотав гусеницы, немецкие мёртвые танки. Атаки гитлеровцев мы все отбили, связь с соседями восстановить не смогли, надо ждать до вечера. Если и получим радиоприказ прорываться, лучше это сделать ночью. Опыт у нас в этом вопросе есть.

Во второй половине дня фашисты небольшими группами автоматчиков с танками попытались прощупать нашу оборону, но после первых же метких залпов отошла. Радисты бригады настойчиво искали в эфире позывные штаба 16-го корпуса, пытались связаться со штабом Брянского фронта – ничего не вышло. Оставалось последнее средство – войти в радиосвязь с Москвой. К нашей великой радости радисты Генерального

штаба приняли наши позывные мгновенно, помогли установить связь со штабом фронта, и минут пять спустя я уже разговаривал с подполковником Гусевым из штаба Брянского фронта. Он сообщил, что положение тяжёлое, особенно в 40-й армии, поэтому нам необходимо самим принимать решение, сообразуясь с обстановкой.

Мы обсудили эту обстановку. Будем прорываться из окружения – это ясно. Вопрос в направлении прорыва: куда идти? Конечно, мы не знали ещё, что за последние дни, пока мы оборонялись и контратаковали фашистов между Кшенью и Олымом, фронт ушёл на восток километров на 60 и приближался к Дону, к Воронежу. В этом направлении канонада уже не была слышна. Так же, как и на юге. А вот на севере по ночам явственно погромыхивало. Решили прорываться на север.

В ночь на 4 июля 109-я бригада двинулась на прорыв.

Шли вдоль берега Ольмы – на село Спасское. Перед рассветом встретили группу бойцов штабных подразделений 16-го танкового корпуса. Они рассказали, что часть их автомашин, в том числе и с радиостанцией, попала под удар немецких танков. Вот почему не отвечал нам штаб корпуса по радио.

Когда рассвело, встретили мы и противника. Наблюдатели доложили, что к перекрёстку дорог одновременно с нашей колонной приближается вражеская – более десяти средних танков, бронетранспортёры и автомашины с грузами. Мы пропустили фашистскую колонну через перекрёсток, 309-й батальон майора Землякова атаковал её голову, 310-й батальон майора Смирнова ударил по хвосту. Противник не сопротивлялся, и скоро стала ясна причина этого. Взятые пленные – около 40 человек – оказались водителями и механиками-водителями. С ними был только один офицер. Он показал на допросе, что колонка была маршевой. Танки и бронетранспортёры без экипажей, а также автомашины с боеприпасами и горючим предназначались для пополнения танковой дивизии. Ну а мы посадили в немецкие танки свои «безплощадные» экипажи, создали на скорую руку роту, которую назвали «трофейной», за правили машины захваченным горючим, двинулись к Спасскому.

В нескольких километрах от села, на опушке рощи, три танка, ведомые комиссаром 309-го батальона В.В. Скворцовым, атаковали и разгромили батарею тяжёлых немецких гаубиц на огневой позиции. Было и ещё несколько стычек, бригада вышла в тылы какой-то немецкой части, везде и всюду наше продвижение встречалось сильным артиллерийско-миномётным огнём, появились вскоре и вражеские танки.

Наступал решительный час, все мы это чувствовали и принимали меры для того, чтобы прорыв был завершён успешно. Старший батальонный комиссар Л.Е. Тихомиров, батальонный комиссар В.В. Скворцов, политрук Б.Г. Гизатулин, младшие политруки П.Ф. Косодуров и В.В. Егоров провели в ротах короткие митинги, разъяснили бойцам нашу боевую задачу. Во второй роте 309-го батальона среди других товарищей подал Скворцову заявление о приёме в партию и лейтенант

А.П. Синица. Харьковчанин, рабочий-металлист, он писал в заявлении: «Иду в бой, хочу быть коммунистом...»¹ Василий Васильевич Скворцов, человек исключительной храбрости (в боевых документах его фамилия часто сопровождалась таким комментарием: «Комиссар опять был впереди») предложил свою рекомендацию Андрею Синице, про которого сказал мне: «Фамилия у него птичья, а сердце льва». Скоро лейтенант Синица и члены его экипажа доказали в бою, что эта комиссарская характеристика верна и справедлива.

Бой за Спасское, а следовательно, и прорыв 109-й бригады на воссоединение с корпусом продолжались более суток. Раза три-четыре врывались мы в село и были вынуждены его оставлять. Уже под вечер 4 июля танки, возглавляемые командиром роты лейтенантом Синицей, ведя бой в Спасском, уничтожили шесть противотанковых орудий и много пехоты. Противник предпринял сильную танковую контратаку, Синица прикрывал огнём отход своей роты, но сам отойти не смог. На каком-то огороде его машина провалилась лобовой частью в старый погреб, пушка стволом уткнулась в землю. Гитлеровцы окружили беспомощную машину и стали кричать: «Рус, сдавайся!» «Русские в плен не сдаются!» – ответил им лейтенант. Тогда они обложили башню толом и взорвали. От взрыва детонировал и боезапас в танке. Погибли лейтенант Андрей Павлович Синица, старшина Андрей Павлович Самошкин, старший сержант Григорий Николаевич Григорьев. Чудом уцелел механик-водитель старший сержант Николай Никифорович Летаков. Он был тяжело контужен, весь обгорел, но в ночь на 5 июля, очнувшись, вылез в погреб через десантный люк, приполз к нам в расположение и рассказал о геройской гибели товарищей.

Утром мы взяли Спасское и торжественно похоронили героев. А потом опять успешно отбивали одну за другой танковые контратаки пре-восходящих сил противника. Боеприпасы в бригаде были на исходе, пришлось оставить Спасское и, переправившись на противоположный берег Ольмы, идти дальше, к селу Большая Ивановка. В районе этого населённого пункта мы завершили прорыв и воссоединились с частями 16-го танкового корпуса.

13 июля бригаду вывели в тыловой район, в село Петровское, для пополнения личным составом и техникой. Здесь мыостояли до середины августа. В ночь на 19 августа бригаду подняли по тревоге, погрузили в эшелоны, и отправились мы железной дорогой с Брянского фронта на юго-восток, к Сталинграду. На рассвете 24 августа наши эшелоны остановились на перегонах между станциями Липки, Вишнёвый и Лог, примерно в 120 км от Сталинграда.

¹ Советские танковые войска. 1941—1945: Военно-исторический очерк. М., 1973, с. 62.

Владимир Джанджава*

Из книги «Немеренные версты»**НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ**

Первые дни марта сорок второго года были очень холодными. Потом немного потеплело, пошёл жёсткий, словно рисовая крупа, снег. По ночам дул сильный степной ветер Контрнаступление Красной Армии под Москвой и Ростовом принудило фашистское командование несколько ослабить свой натиск на юге. Воспользовавшись этим, командование фронта вывело Сивашскую дивизию во второй эшелон в район Лисичанска. Полки приступили к оборудованию участка второй полосы обороны. Вражеская авиация в ясную погоду периодически бомбила Лисичанск и его окрестности но для измотанных в осенне-зимних боях воинов это был все же отдых.

Во втором эшелоне снабжение продовольствием было значительно хуже, чем на передовой. Хозяйственники не привозили в дивизию половины потребного количества продуктов

При отступлении многие предпримчивые старшины подразделений находили возможность пополнять запасы продовольствия за счёт «самозаготовок». Теперь же, когда фронт несколько стабилизировался, «самозаготовкам» пришёл конец.

Да и много ли можно было заготовить в шахтёрских посёлках и расположенных вблизи угольных шахт деревнях?

В этих условиях мне пришлось часто приходить к командиру дивизии полковнику Слышкину и подробно докладывать о положении дел. Афанасий Никитич молча выслушивал мои нужды, но тут же ставил не менее трудные задачи.

В принципе мне нравилась служба в должности начальника отделения штаба дивизии. Свои обязанности, по мнению комдива, выполнял не плохо. Но не только по образованию, и душой я все же был строевым командиром и постоянно думал о том, что мог бы быть более полезным на строевой службе. Не раз обращался к полков-

Командир 15-й
стрелковой дивизии
генерал-майор
А.Н. Слышкин

* Владимир Николаевич Джанджава (19 мая (1 июня) 1907 — 10 апреля 1982) — советский военачальник и государственный деятель, генерал-лейтенант (1953), Герой Советского Союза (1945), Министр внутренних дел Грузинской ССР (1954—1958).

нику Слышику с просьбой о переводе в полк на любую командную должность.

Старый кадровый командир, умный и проницательный человек, Афанасий Никитич прекрасно понимал обоснованность моей просьбы, считал её вполне справедливой, но удовлетворить не торопился. Его тоже можно было понять: не так-то легко подыскать опытного команда-ра, способного возглавить службу тыла в столь трудную пору.

— В полк я тебя пошлю, Владимир Николаевич,— всякий раз говорил комдив.— Только не торопи меня ради бога. Сам понимаешь, лишь бы кого на твою теперешнюю должность не назначишь.

Назначения ждал терпеливо. И однажды мне было приказано срочно прибыть на дивизионный КП. В блиндаже вместе с полковником Слышикиным находились начальник политотдела Николай Иванович Романов и комиссар дивизии полковой комиссар Николай Григорьевич Ковалёв.

— Присаживайтесь, майор, поговорим,— кивнул Афанасий Никитич на единственный незанятый табурет у стола.

Комдив обратился на этот раз не как обычно по имени и отчеству, а по званию — майор, которое мне было присвоено в конце 1941 года. Такое обращение настораживало: уж не допустил ли какого просчёта в работе?

— Так вот какие дела,— вновь заговорил комдив.— Просьба ваша удовлетворена. Сегодня получен приказ Военного совета армии. Вы назначены командиром шестьсот семьдесят шестого стрелкового полка. Принимайте своё «хозяйство» у полковника Жданова.

Командир полка! Наконец-то сбылось самое заветное желание.

Командир дивизии, начальник политотдела и комиссар долго говорили о дисциплине в полку, о необходимости подтянуть людей и навести в подразделениях порядок, о том, как опираться в работе на партийную организацию.

Слушая их наставления, думал: «Справлюсь ли? Все-таки полк — хозяйство сложное. Однако быть начальником отделения штаба дивизии и фактически исполнять обязанности заместителя комдива по тылу — дело тоже далеко не из лёгких, тем более в условиях боевой деятельности, в обстановке вынужденного отхода войск...»

— Мы считаем, что с новой должностью вы справитесь,— сказал в заключение полковник Слышикин.— Командирские навыки у вас есть. Вы уже командовали взводом, ротой, батальоном. И, как нам известно, не плохо. К тому же у вас есть ещё один плюс — хорошее знание службы тыла. В общем, желаем успеха! Слава шестьсот семьдесят шестого должна быть восстановлена.

676-й

Полк, в который я получил назначение, был для Сивашской дивизии, как говорится, «инородным». Сформированный в 1939 году, он входил в состав 192-й горнострелковой дивизии, которой командовал тогда участник боев у озера Хасан К.И. Привалов. В составе той же дивизии

полк участвовал в освобождении Северной Буковины. Великая Отечественная война застала его в Карпатах, в местечке Турка. Оттуда полк, отражая яростные атаки врага, отходил через Борислав, Дрогобыч, Станислав, Винницу на восток. В боях за Умань потерял значительную часть личного состава и боевой техники. Оставшиеся в живых воины прорвались сквозь вражеское кольцо, вышли в район Днепропетровска и сумели спасти святыню части – полковое Знамя. Из остатков 192-й дивизии 676-й полк был доукомплектован и включён в состав 15-й Сивашской сд.

В оборонительных боях за Донбасс полк сражался героически. Зачастую даже небольшие группы смельчаков обращали в бегство целые вражеские подразделения.

Немало героизма проявили воины полка в осенне-зимних боях 1941 – 1942 годов. В декабре 1941 года решением Военного совета Южного фронта более 20 участников этих боев – воинов 676-го стрелкового полка были награждены орденами и медалями Советского Союза. Один из них – капитан Пётр Будаговский удостоился самой высокой награды – ордена Ленина. Тогда же за мужество и отвагу, проявленные при спасении раненых, была награждена орденом Красной Звезды первая из девушек полка – санинструктор Зина Остапенко.

С приходом в полк командира полковника Жданова, недооценивавшего политработу, многие хорошие традиции были растеряны. Теперь предстояло вернуть полку прошлую боевую славу.

И вот 676-й полк. Первым меня встретил заместитель по политчасти батальонный комиссар Мазниченко. До этого мы знали друг друга, но теперь знакомились будто заново.

Иван Иванович Мазниченко был несколько старше меня. До войны он работал парторгом ЦК ВКП(б) на одном из крупных донбасских заводов. В боях зарекомендовал себя смелым, деловым командиром, умеющим создать вокруг себя атмосферу спокойствия и уверенности. Когда требовалось, первым поднимался в атаку. В полку его любили, как отца и наставника, и шли за ним смело в пекло сражения. Своим присутствием, краткой репликой или вовремя сделанным замечанием этот суровый на вид человек оказывал на бойцов и командиров огромное воздействие.

В первый же день Мазниченко довольно подробно ознакомил меня с настроением бойцов и командиров. Начальника штаба полка капитана В.А. Фомина охарактеризовал как командира зрелого, наблюдательного, знающего своё дело. Василий Александрович до войны работал учителем в одной из средних школ Новгорода.

Комиссар 15-й стрелковой дивизии полковник
Н.Г. Ковалев

— Почему полк сдал прежние рубежи славы? — спросил я у Мазниченко.

— Вся причина в том, что бывший командир, несмотря на неоднократные мои предостережения, отодвинул политработу на второй план, не опирался в работе на партийную, комсомольскую организации, а пытался делать все сам. Отсюда и последствия. После беседы с заместителем по политчасти начал знакомство с командирами и политработниками подразделений. Всматриваясь в лица командиров, слушая их рассказы о людях, их героизме в бою, мысленно прикидывал, на что особо налечь. У одного не ладилось дело со сбережением оружия, у другого была низкая бдительность.

Как выяснилось из бесед, многие воины, особенно прибывшие из запаса, не умели метать гранаты, плохо знали оружие, не могли сноровисто произвести перебежку, переползание, вести огонь на ходу, атаковать противника. Научить их всему этому составляло тоже одну из важных задач.

Одновременно командирам и политработникам было указано на необходимость проявлять больше заботы о питании бойцов, об их медицинском обслуживании...

— Заботу-то мы проявляем, — сказал один из командиров. — Но нам её нечем материально подкреплять. Питание, к примеру, мы получаем из полковых и батальонных кухонь! Но как? Горячего супу поешь не всегда. Везут частенько остывший.

Вызываю помощника по тылу капитана И.М. Чернобабу и требую от него доставлять горячую пищу в любой обстановке.

Особую тревогу вызывало положение с полковой артиллерией. В прошлых боях артиллеристы понесли большие потери в людях и боевой технике. Начальнику артиллерии старшему лейтенанту Н.А. Ковригину предстояло почти заново создавать артиллерийские подразделения, а новой техники поступало на фронт, к сожалению, ещё мало.

Через несколько дней я выступил с докладом на полковом партийном собрании. После заслуженной похвалы некоторых подразделений подверг резкой критике все то, что мешало полку хорошо воевать. Основанный на конкретных примерах и фактах, доклад расшевелил людей. Началось деловое, смелое обсуждение.

И СНОВА ФРОНТ

В первых числах апреля сорок второго года 15-я стрелковая Сивашская дивизия по приказанию Ставки перебазировалась из-под Лисичанска в район небольшого городка Боброва, что юго-восточнее Воронежа. Наш 676-й полк расположился близ станции Икорец, на восточном берегу одноименной реки. Там дивизия доукомплектовалась до штата военного времени и развернула боевую учёбу. Обстановка к этому времени на фронте резко осложнилась. Стремясь взять реванш за поражение

под Москвой, противник готовился к новому наступлению. Свой главный удар он нацеливал теперь в южном направлении. Предвидя это, Советское Верховное Главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы сорвать этот замысел врага. На направление главного удара противника стягивались советские войска.

Ни командование, ни штаб дивизии поначалу не были ориентированы о предстоящей задаче дивизии. Распоряжение «сосредоточиться в районе станции Студёной и поступить в подчинение командующего 13-й армией Брянского фронта» дивизия получила уже в пути. На конечном пункте полк ждал ещё один приказ – перейти к обороне рубежа Красный, Березовый, Лески, Крутец, Греково, устье реки Фошни.

В ночь на 27 мая сивашцы сменили 143-ю стрелковую дивизию на рубеже Луговой, Вышне-Долгое. Подразделения 676-го стрелкового полка заняли 14-километровый участок обороны на восточном берегу реки Тим.

Полк был хорошо укомплектован, но растянутость оборонительного участка более чем вдвое сильно беспокоила. Надо было ещё и удерживать небольшой плацдарм на западном берегу реки. Там приречная окраина села Шолохова была в наших руках. Пришлось строить оборону в одну линию, без второго эшелона. В резерве находилась лишь рота автоматчиков. Удручала и связь. Не хватало телефонного кабеля. Его приходилось заменять обыкновенной колючей проволокой, подвешивая её на шесты. Все понимали, что при первом же артналёте все эти примитивные сооружения на шестах полетят вверх тормашками. В резерве, правда, имелось несколько радио, но они не могли удовлетворить потребности.

Много хлопот доставлял плацдарм на западном берегу реки Тим. Был он совсем небольшим, однако для его обороны требовалось держать за рекой стрелковую роту и некоторые приданые ей подразделения, ежедневно обеспечивать личный состав питанием, медикаментами и боеприпасами, а переправы были видны противнику, и он держал их днём и ночью под огнём. Несколько раз гитлеровцы пытались ликвидировать плацдарм, но полк стойко удерживал небольшой клочок земли. В случае перехода войск в наступление на плацдарме можно было развернуть до двух стрелковых батальонов.

Дни и ночи, совершенствуя оборону, отрывая новые окопы, углубляя траншеи и ходы сообщения, оборудуя блиндажи и укрытия, все надеялись, что дальнейшему отступлению Красной Армии теперь положен конец. Но в первой декаде июня эти радужные мечты несколько рассеялись. Из материалов воздушной разведки стало известно о сосредоточении вражеских войск в 20–30 километрах от переднего края, как раз перед оборонительным рубежом 15-й Сивашской дивизии.

Командиров полков вызывал комдив.

– Как с разведкой? Почему нет «языков»? – сердито спросил Афанасий Никитич.

Командиры полков отвечали по-разному, но смысл ответов был один: противник все время настороже, полковым разведгруппам никак не удаётся скрытно проникнуть в его расположение.

— Выходит, так и будем «играть втёмную»? — с нескрываемым укором сказал полковник Слышкин.— На войне это верный проигрыш.

Да. «Язык» необходим. Воздушная разведка лишь определила со-средоточение вражеских войск. Пленный же мог рассказать при допросе о цели сосредоточения.

Ещё за несколько дней до вызова к комдиву довелось мне не раз советоваться с начальником штаба В. Фоминым и начальником разведки старшим лейтенантом Г. Пилипенко. Мнение было, одно: если не удастся захватить «языка» тихо, следует попытаться сделать это в бою, провести разведку боем. Эту мысль собирался высказать комдиву. Но тот опередил меня.

— Командарм приказал провести разведку боем,— объявил Слышкин.— Полагаю, наиболее подходящим местом для этого является участок шестьсот семьдесят шестого полка.

Продумайте план: где, когда, какими силами. Седьмого июня в шестнадцать ноль-ноль доложите замысел и порядок исполнения.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Участок обороны, занимаемый полком, я знал хорошо и поэтому сразу же решил провести разведку боем севернее села Шолохово. Тем не менее, чтобы проверить правильность решения, вместе с начальником штаба, начальником разведки, начальником артиллерии и своим адъютантом Иваном Евзановым с наступлением темноты отправились на рекогносцировку местности. Незаметно для противника вышли на берег реки. Залегли в кустах и почти час наблюдали за передним краем вражеской обороны. При вспышках ракет нейтральная полоса и передний край были видны отсюда как на ладони. Никаких значительных сооружений противник на этом направлении не имел. Основным узлом его обороны было село Шолохово, расположенное южнее. Глубина реки позволяла переправиться без лодок. Окопы гитлеровцев шли по самому берегу.

— Хорошее место для разведки боем,— высказал своё мнение начальник штаба.

— Пожалуй, лучше не найти,— соглашаюсь.

В условленное время прибыл с готовым планом боя к комдиву. Выслушать мой доклад комдив пригласил начальника штаба подполковника Д.Л. Казаринова, начальника политотдела Н.И. Романова, начальника разведки капитана Ерофеева и начальника артиллерии полковника С.Г. Колесникова.

— Ну, теперь докладывай, майор, что вы там запланировали,— сказал комдив, когда все собрались.

Доложил быстро, без лишних слов, поскольку план боя тщательно и всесторонне продумывался. Начало разведки боем планировалось на 2 часа 30 минут пополуночи. Для участия в разведке привлекались две роты первого батальона, артиллерийский дивизион, миномётная рота, группа разведчиков, сапёрный взвод и отделение химиков.

— Было бы неплохо, товарищ полковник, подключить иочные бомбардировщики.

— Да, неплохо бы и иочные бомбардировщики,— поддержал меня Афанасий Никитич.— Поговорю с командармом, возможно, согласится, пришлёт пару «кукурузников». А наземных сил, думаете, хватит?

— По-моему, достаточно,— ответил комдив.— Ведь не наступать же мы собираемся, а всего лишь провести разведку боем.

После обмена мнениями комдив утвердил представленный план, при этом посоветовал провести с личным составом боевых групп тренировку на схожей местности.

— И ещё вот что, майор, — добавил комдив в заключение, — на время боя надо послать в батальон кого-нибудь из штабных командиров, который мог бы в случае необходимости помочь комбату в управлении подразделениями. Нужен не только хороший тактик, но вместе с тем смелый, решительный человек. Полагаю, найдётся такой?

— Найдётся, — ответил и подумал о своём адъютанте Иване Иванович Евзанове.

Старший лейтенант Евзанов понимал свои скромные служебные обязанности значительно шире. Человек мыслящий, наблюдательный, до дерзости смелый, он прекрасно разбирался в боевой обстановке и быстро стал надёжным, толковым помощником командира полка. Приказание принять непосредственное участие в разведке боем воспринял с полным пониманием.

До начала разведывательного боя, как и рекомендовал комдив, было проведено показное занятие на местности, командирам рот и взводов подробно разъяснена боевая задача и план действий.

Поздно вечером 8 июня две роты первого стрелкового батальона, разделённые на три боевые группы, заняли исходное положение. Сапёры старшего лейтенанта В. И. Корнева проделали в минных полях и заграждениях проходы. Вместе с начальником штаба и начальником артиллерии мы переместились на временный командный пункт, расположенный метрах в ста от реки Тим.

Ночь выдалась тёплой и тихой. Мирно квакали у берега лягушки, беззаботно стрекотали кузнечики. Диск луны, сначала красновато-медный, с каждой минутой становился ярче. К полуночи стало так светло, что на противоположном берегу отчётливо просматривался каждый бугорок. Несмотря на светлую ночь, гитлеровцы то и дело освещали передний край ракетами. Время от времени пускались в ход пулемёты. Трассирующие пули неслись через реку.

В 22.05 позвонил комдив Слышкин.

- Ну как там у тебя?
- Светит, проклятая,— отвечаю.
- Кто? — не понял Афанасий Никитич.
- Луна.
- А ты её буркой прикрой,— пошутил комдив.
- Мне было не до шуток, но все же ответил комдиву в шутливом тоне:
- Была бы — прикрыл.
- Не обнаружил немец ваши приготовления?
- Пока вроде нет.
- Ну ладно, действуй. Удачи вам!

Откуда-то издалека послышался рокот моторов. Постепенно нарастающая, он становился все громче. И вот над самой рекой неторопливо развернулись для нанесения боевого удара по окопам и траншеям противникаочные бомбардировщики По-2, прозванные на фронте «кукурузниками». Легкие и неприхотливые, они, наверно, и впрямь при необходимости могли укрыться в зарослях кукурузы. И все же гитлеровцы страшно боялись их, потому что по меткости бомбометания в ночное время не было им равных. При свете луны «кукурузники» один за другим выходили точно на цель и с небольшой высоты сбрасывали свой бомбовый груз на окопы врага.

Почти одновременно с воздушной бомбардировкой массированный огонь по вражеским окопам и траншеям открыли артиллеристы. Внезапный огневой налёт ошеломил гитлеровцев, на какое-то время лишил их возможности организовать активное сопротивление.

Все три боевые группы под прикрытием огня ворвались в Шолохово. Однако успех их был не одинаковым. Правофланговая группа, продвинувшись метров на 400, попала под кинжалный огонь противника, понесла потери и вынуждена была залечь у проволочного заграждения. Центральная группа, в которой в первую же минуту боя погиб командир, поначалу отошла на исходные позиции и лишь позже включилась в бой. Удача сопутствовала левофланговой группе, наступавшей на юго-восточную окраину Шолохова. Она захватила сначала двух, а затем ещё одного пленного.

Находясь на КП, с нетерпением ждал сообщений с противоположного берега. Бесцкоило молчание комбата. Где он? Почему группы действуют вразнобой? Батальонный связист, находившийся за рекой, на требование позвать к аппарату комбата или его заместителя растерянно отвечал:

- Нет их тут. Где они, не могу знать.

Фомин несколько раз порывался отправиться на западный берег, но мы удерживали его, ждали звонка комбата. И вот звонок. Докладывал старший лейтенант Евзанов:

– Только что захватили пленных. Продолжается бой за овладение траншеями противника. Фашисты огрызаются, но вынуждены отходить. Почти все Шолохово наше.

– Где комбат? Что с ним?

– Видел его перед началом боя на восточном берегу. Вероятно, в соседней боевой группе.

Бой продолжался. Вовсю грохотала артиллерийская канонада. Теперь с нашего берега вели огонь два дивизиона. Противник отвечал на него силами нескольких артиллерийских и миномётных батарей.

В 8.30 поступил приказ комдива полковника Слышкина о прекращении боя и отводе участвовавших в нем подразделений.

– Пленных немедленно ко мне, – приказал комдив. Группы отводить.

Не так-то просто остановить людей, когда они достигли в бою успеха, пусть небольшого, но все-таки успеха: выбили противника из траншей, вытеснили из села. Но быстрый отход необходим, иначе может случиться беда. Для удержания Шолохова в полку нет достаточных сил. Стоит гитлеровцам подтянуть подкрепления, как батальон может оказаться отрезанным от реки, А враг уже готовился к удару. На левом фланге в стереотрубу были отчётливо видны спешащие к месту боя пехотные подразделения. Вот-вот могут появиться и танки.

Связист усердно крутит ручку телефонного аппарата. Нужен комбат, но его по-прежнему нет. Телефонную трубку на противоположном конце провода вновь берет старший лейтенант Евзанов. Приказываю:

– Разыщите комбата и как можно быстрее отводите все боевые группы на исходный рубеж.

– Почему? – спрашивает с недоумением Евзанов.

Приходится повторить:

– Отводите людей на исходные. Сейчас же, немедленно. Если нет комбата, прикажите от моего имени отходить, забрать раненых. Отход прикроет артиллерия.

– Есть, на исходные! – раздаётся в трубке недовольный голос адъютанта.

Артиллеристы обрушаивают на противоположный берег реки заградительный огонь. Химики ставят дымовую завесу Густой чёрный дым почти на километр непроницаемой стеной зависает над селом и рекою.

Начальник артиллерии полка Н. А. Ковригин не отходит от стереотрубы, недовольно ворчит:

– Все в дыму, ни зги не видно.

Росла тревога: сумеют ли разведчики довести пленных ради захвата которых вёлся бой? Чего доброго, ещё вырвутся, сбегут в кутерьме.

Первой вернулась на восточный берег поисковая группа младшего лейтенанта Н.К. Ясака. Насквозь промокшие, с ног до головы перепачканные грязью, разведчики сваливают в окоп трёх связанных по рукам и ногам пленных.

– Как остальные группы? Возвращаются? – спросил у рослого, широкоплечего разведчика.

– Порядок, товарищ майор, – ответил разведчик густым басом. - Все роты на реке. Под прикрытием дыма переправляют раненых.

Опять позвонил комдив и поинтересовался, доставлены ли пленные.

— Да, доставили. Трёх солдат.

— Всех сейчас же ко мне. Отличившихся в бою разведчиков и бойцов подразделений представить к награждению.

Собравшиеся возле окопа бойцы комендантского взвода, штабные командиры рассматривают пленных. Разведчики успели освободить их от верёвочных пут. На гитлеровцах новое, выпачканное глиной обмундирование. Судя по обмундированию, на фронте они совсем недавно. Хотелось хотя бы наскоро допросить их, но приказ есть приказ. В сопровождении нескольких бойцов гитлеровцы отправляются на КП дивизии.

Пленные оказались солдатами 279-го и 385-го немецких пехотных полков. При допросе они показали, что в район Шолохова их части прибыли пока ещё в неполном составе несколько дней назад. В ближайшее время ожидается, что прибудут остальные полки 279-й и других пехотных дивизий, находившиеся до того в тылу, на отдыхе. Дивизии значительно пополнены. В конце июня, по словам пленных, готовятся перейти в наступление. Для этого стягиваются и другие части, в том числе танковые и артиллерийские.

Достоверность этих показаний предстояло перепроверить, сопоставить с данными воздушной разведки. Но, так или иначе, от пленных были получены весьма важные сведения. Не оставалось никаких сомнений в том, что противник готовится нанести мощный удар по левому флангу армии. Значит, дивизия в любую минуту должна быть готовой к ожесточённому сражению.

Разведывательный бой показал, что личный состав полка в целом готов к такому испытанию. Храбро, самоотверженно действовали в разведке не только его ветераны, но и большинство новичков из пополнения, за которых мы больше всего опасались. Успех заставил молодых воинов поверить в свои силы, поверить в то, что не такие уж фашисты грозные вояки: их можно одолеть, если не теряться в бою.

Мужество и отвагу проявили многие, и, конечно же, прежде всего коммунисты и комсомольцы. Парторг первой стрелковой роты Березов, например, первым ворвался на южной окраине Шолохова во вражеские траншеи, лично уничтожил пять гитлеровцев и своим примером бесстрашния увлёк за собой воинов.

Заместитель командира сапёрного батальона 15-й стрелковой дивизии
В.И. Корнев

Когда один из взводов второй стрелковой роты залёг у проволочно-го заграждения и фашисты открыли миномётный огонь, политрук роты

Лымарь, презирая смерть, поднялся во весь рост и с возгласом «Замной!» ринулся вперёд, забрасывая окопы врага гранатами.

Смелым воином показал себя комсорг третьей роты кандидат в члены партии Распошенко. Действуя в составе стрелкового отделения, он уничтожил трёх гитлеровцев. Несмотря на ранение, не покинул поля боя, остался в строю.

Во время уличного боя гитлеровцы окружили группу бойцов полка, среди которых был красноармеец первой стрелковой роты Крицкий, вооружённый ручным пулемётом. «Сдавайтесь, вы окружены!» – кричали фашисты в рупор. Ответ окружённых был один – биться до конца. Они уничтожили более двух десятков фашистских солдат и вырвались из окружения.

Бесстрашие, отличную выучку и ловкость показали воины разведывательного взвода, возглавляемого младшим лейтенантом Ясаком и младшим политруком Некрасовым. Взводу была поставлена важнейшая задача – захватить пленных. Вступив в рукопашную схватку, разведчики несколько фашистов истребили, а троих взяли в плен. В бою младший политрук Некрасов был ранен, но продолжал выполнять задачу.

По подсчётом штаба полка, в ходе разведки боем было уничтожено до двухсот солдат и офицеров противника, выведены из строя четыре пулемётных расчёта, разбито несколько миномётов и артиллерийских орудий.

Понесли, конечно, потери и подразделения полка. Вероятно, потери были бы меньшими, если бы комбат и его заместитель по-настоящему оперативно руководили боем. Но они, к сожалению, были отрезаны артогнём противника и потеряли управление подразделениями.

По случаю удачно проведённой операции командующий 13-й армией генерал-майор Николай Павлович Пухов и член Военного совета бригадный комиссар Марк Александрович Козлов прислали в полк поздравительную телеграмму, в которой, между прочим, говорилось: «Очень важно, чтобы разведработка в дивизии не ослабевала, а наоборот, после первой удачи активизировалась во всех звеньях».

Н.П. Пухов и М.А. Козлов часто приезжали в нашу дивизию. Они знали, что дивизия, и в частности наш 676-й стрелковый полк, находятся на уязвимом направлении и потому тщательно осматривали инженерные сооружения, давали конкретные советы по укреплению обороны. Но особый интерес они проявляли к данным об изменениях в группировке противника, его режиме, до мельчайших подробностей анализировали показания пленных.

Командир 3-го стрелкового батальона 676-го стрелкового полка И.Л. Шведок

В предвидении предстоящих оборонительных боев командование 13-й армии приказом от 20 июня почти на треть сократило участок обороны 15-й стрелковой дивизии. Это дало возможность уплотнить боевые порядки, увеличить их глубину, иметь во втором эшелоне сильный резерв.

В результате проведённой в ночь на 21-е перегруппировки войск 676-й стрелковый полк оказался правофланговым, его оборонительный участок примыкал к участку 635-го стрелкового полка 143-й дивизии, вновь возвращённой на передний край: Стык между полками был не совсем удачным: правофланговый батальон оказался отрезанным от основных сил полка глубоким оврагом.

До начала вражеского наступления я не пропускал ни одного дня, чтобы не побывать в «заовражном» батальоне. На вопрос: «Как идут дела?» капитан И.Л. Швендик, перемежая русские и украинские слова, неизменно отвечал:

— Помалэньку, товарищ комполка. За наш батальон не беспокойтесь. Встретим фрицев, як подобає.

Эти слова комбат произносил с такой непоколебимой уверенностью, что они звучали, как нерушимая клятва. Коренастый, широкоплечий, чуть-чуть застенчивый, немногословный, Иван Швендик был одним из тех командиров, которые не любят бросать слов на ветер. Он действовал всегда обдуманно, даже в самой тяжёлой обстановке не принимал сгоряча решений. Иногда казалось, что Иван Лазаревич даже щеголял своей невозмутимой сдержанностью, чтобы казаться посолиднее, постарше. Было ему тогда всего двадцать лет, и он, командуя людьми во многих случаях гораздо старше себя по возрасту, стеснялся своей молодости.

Командир 2-го стрелкового батальона 676-го стрелкового полка И.В. Белоус

В мирные дни двадцатилетние кажутся порой чуть ли не детьми. Имстаются когда нужно и не нужно подсказать пути к достижению цели, зачастую боятся оставить их наедине с жизнью, оберегая до поры до времени от всяческих невзгод. А в войну тысячи и тысячи двадцатилетних командовали взводами, ротами, батальонами, а бывало и полками. Им давались ответственные задания. Они самостоятельно принимали в боях серьёзные решения. Подчинённые беззаветно верили им и с этой верой шли в смертельные бои.

В дни предгрозового затишья в подразделениях полка наряду с учебными занятиями и работой по совершенствованию обороны проводились политзанятия, беседы, активно велась подготовка к 24-й годовщине со дня со-здания дивизии. Многие бойцы и командиры в связи с этим подали за-

явления о вступлении в партию и комсомол. Тогда, в частности, был принят в члены ВЛКСМ сержант Григорий Кагамлык – впоследствии прославленный Герой Советского Союза.

ОТ ТИМА ДО КШЕНИ

Пока продолжалась артиллерийская подготовка, а она длилась с неспадающим ожесточением ровно час, короткая июньская ночь подошла к концу, начался рассвет. Туман на реке быстро рассеивался. Из батальонов один за другим следовали телефонные вызовы. Первым позвонил Швендик. Он в нескольких словах доложил обстановку: на противоположном берегу реки крупное скопление танков и пехоты противника, вражеские войска готовятся к форсированию Тима в районе Зиброво и Пятино. В свою очередь командиры первого и второго батальонов с тревогой сообщили, что против их подразделений противник тоже сосредоточил значительные силы танков и пехоты.

Позже станет известно, что только на участке обороны Сивашской дивизии немецко-фашистское командование сконцентрировало три пехотные и одну танковую дивизии, обеспечив тем самым тройное превосходство в пехоте и артиллерией, шестикратное – в танках. Главный удар наносился на стыке 13-й армии с её левым соседом 40-й армией. А как раз на этом стыке и занимала оборону Сивашская дивизия. На левом фланге – 321-й полк, в центре – 47-й, правее – 676-й. Ещё позже выяснится и главная цель вражеского прорыва – наступление на Воронеж. Вместе с начальником артиллерии полка Ковригиным перебрались на КП полка у села Кубаново.

С КП было хорошо видно, как сразу же за переносом артогня в глубь обороны на позиции батальонов двинулись вражеские танки, а за ними – пехота и мотопехота. Начался неравный, трудный бой с превосходящими силами врага. Первой подверглась атаке стрелковая рота, оборонявшая плацдарм. В последние дни она была усиlena пулемётчиками. Однако при всей самоотверженности её личного состава, проявленной при отражении первой атаки, она не в состоянии была оказать длительное сопротивление и в соответствии с планом обороны под прикрытием артогня организованно отошла на восточный берег Тима.

Немецко-фашистские пехотные подразделения незамедлительно приступили к форсированию Тима сначала в районе Шолохово, Урынок, Быстра, Красная Косорка, затем перед населёнными пунктами Нижнее Долгое, Русаново, Озерки.

Начальник разведки 1-го танкового корпуса
Б.Г. Стуруа

В шестом часу утра поступило сообщение из правофлангового батальона капитана Швендика о том, что гитлеровцы переправились через Тим в районе Зиброво, Пятино и атаковали позиции восьмой роты, которой командовал старший лейтенант С.И. Шкирко. Примерно в это же время в воздухе появилась вражеская авиация. Большие группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей на широком фронте сбрасывали бомбы на передовые позиции и тылы войск. Казалось, что после длительной артподготовки и ожесточённой бомбардировки с воздуха все смешалось с землёй, не осталось ничего живого. Так, вероятно, полагали гитлеровцы.

Преодолев реку, фашистская пехота поначалу попыталась действовать напролом, пренебрегая элементарной осторожностью. Ведя беспорядочный огонь из автоматов, пьяные гитлеровцы, как на учебных занятиях, бежали от реки к позициям полка во весь рост, предполагая, что не встретят организованного сопротивления. Однако попытки вражеской пехоты атаковать оборонительные позиции с ходу оказались безуспешными.

Вполне понятно, части дивизии, занимавшие оборону в полосе вражеского прорыва, понесли во время часовой артподготовки и бомбардировки с воздуха немалые потери, но тем не менее это не сломило решимость советских воинов держать свои позиции.

Замечательный пример смелости и отваги показали бойцы и командиры восьмой роты. Выдвинутая вперёд, эта рота первой вступила в бой с гитлеровцами, переправившимися через Тим. Фашисты бросили на её позиции не меньше батальона. Однако встреченные дружным винтовочно-пулемётным шквалом, вынуждены были залечь. Когда комбат Швендик в соответствии с планом обороны решил отвести батальон на второй оборонительный рубеж, оставленный для прикрытия отхода пулемётчик сержант В.С. Чумак один в течение двух часов сдерживал натиск вражеской пехоты. Сначала он находился в дзоте. Фашисты открыли по дзоту массированный миномётный огонь. Пулемёт Чумака на какое-то время замолк. Но едва гитлеровцы поднялись, чтобы вновь ринуться вперёд, пулемётная точка ожила. Метким огнём сержант Чумак опять заставил вражескую пехоту залечь.

Почти непрерывно атаковали гитлеровцы второй батальон капитана И.В. Белоуса. Однако батальон держался и продолжал отбивать вражеские атаки. Мужественно и отчаянно дрались воины этого подразделения. Несколько раз роты вступали с фашистами в рукопашные схватки. На подступах к оборонительному рубежу батальона чадили черным дымом два подожжённых танка. Батальон держался из последних сил, но Иван Владимирович докладывал: «Пока все нормально».

В отличие от медлительного и невозмутимого Швендика комбат Белоус был человеком горячим. Но даже в самые трудные минуты боя он оставался верен себе: держаться до последней возможности и лишь только в крайнем случае, взвесив все обстоятельства, обращался за

разрешением об отходе, на новый рубеж. В батальоне его любили за смелость, живой, весёлый характер и твёрдую волю к достижению цели. От подчинённых он порой требовал необыкновенной стойкости. Однако никто на это не роптал. Каждое его приказание выполнялось до конца. Свой оборонительный рубеж воины второго батальона стойко удерживали даже после того, как была утрачена связь с полком, дивизией и соседним батальоном.

Первые несколько часов боя упорно оборонял свой рубеж батальон под командованием капитана Я.П. Концедалова на стыке с 47-м полком дивизии. Но когда враг предпринял новую, наиболее мощную атаку, отразить её собственными силами батальон уже был не в состоянии. Командир полка ничем помочь батальону не мог. В его распоряжении уже не было никакого резерва. Не имел резерва и комдив. Единственно, чем располагал – дивизионом артиллерии, огонь которого он поочерёдно нацеливал на помощь наиболее нуждавшимся батальонам.

В результате прорыва вражеских танков в Никольское сосед справа – 47-й стрелковый полк, чтобы не оказаться в окружении, стал отходить на юго-восток. Воспользовавшись этим, неприятельские танки двинулись на северо-запад и предприняли попытку окружить батальон Концедалова.

Единственная возможность спасти батальон заключалась в том, чтобы немедленно отвести его на вторую линию обороны. Но нет связи. В этот момент только что вернулся из батальона Белоуса начальник разведки полка лейтенант Григорий Пилипенко. Приказывает ему:

– Срочно к Концедалову! Пусть отводит батальон на вторую линию.

Отдавая это приказание, прекрасно понимал, что выполнить его в сложившейся обстановке не просто трудно, но почти невозможно. Чтобы добраться до батальона, лейтенанту Пилипенко, образно говоря, требовалось преодолеть тысячу смертей. Но он все же выполнил приказание, разыскал капитана Концедалова и предупредил об опасности. В самый последний момент батальон, забрав с собой раненых, вышел из вражеского полукольца, занял оборону на рубеже Кудиново, большак на Малиновку.

Во второй половине дня обстановка ещё более осложнилась. Стремясь расширить прорыв в направлении Урынок, Никольское, Быстра, станция Долгая, три группы вражеских танков, каждая по 50–60 машин, ворвались в образовавшуюся брешь между 40-й армией и Сивашской дивизией. Их рейд немецко-фашистская авиация поддерживала с воздуха, подвергая бомбардировке советскую оборону. Для наблюдения и корректирования огня противник использовал аэростаты.

Смятые танковой волной, остатки 47-го и 321-го стрелковых полков отходили на юго-восток. Штаб дивизии потерял с ними связь. Продолжали отходить на восток и части правового крыла 40-й армии.

К этому времени 676-й стрелковый полк сравнительно организованно отшёл на рубеж Зиброво, Красный Донец, Никольское. Это была вторая

линия обороны. В полку почти не оставалось артиллерии. Связь со штабом дивизии и соседями прекратилась. Полк занял круговую оборону.

Особенно смело и решительно действовали подразделения капитана Швендика. В течение нескольких часов они отразили двенадцать вражеских атак, уничтожив из ПТР, связками гранат, бутылками с горючей смесью несколько вражеских танков и бронемашин, истребив по меньшей мере триста солдат и офицеров противника.

Незадолго до захода солнца около батальона немецко-фашистских пехотинцев, используя рельеф местности, просочились в тыл полка. На защиту штаба, полкового КП и тыловых подразделений пришлось поднять всех, кого только было можно: штабных командиров, писарей... Возглавил оборону командир роты автоматчиков лейтенант Горбушин. Бой продолжался почти два часа. Противник потерял в нем более двухсот солдат и офицеров, после чего вынужден был прекратить атаки.

В отражении натиска фашистской пехоты на рубеже реки Тим, а позднее у железной дороги вместе со стрелковыми и артиллерийскими подразделениями активное участие принимали воины 75-го отдельного сапёрного батальона под командованием капитана И.А. Педь. Действуя на решающих участках, зачастую прикрывая отход стрелковых подразделений, сапёры мужественно и самоотверженно громили врага.

В этом бою смертельную рану получил старшина Константин Ковалёв. Смертью героев пали красноармейцы-сапёры Иван Куян, Прохор Дробченко, Гавриил Дмитриенко.

Большую помощь полку оказывал в первый день боя бронепоезд. Курсируя по сравнительно небольшому отрезку железнодорожного полотна на участке Никольское – Долгое, он огнём из бортовых пушек уничтожал вражеские танки, громил пехоту. Над бронепоездом почти непрерывно кружили «мессеры» и «юнкерсы», сбрасывали на него бомбы, но так и не смогли поразить его. Стальная крепость продолжала жить и действовать. Когда же гитлеровцы разрушили железнодорожное полотно, экипаж взорвал бронепоезд и вместе со штабом Сивашской дивизии отошёл в Нижнее Ольшаное.

Между тем над 676-м стрелковым полком, продолжавшим держать оборону на рубеже Зиброво, Красный Донец, Никольское, все явственное нависала угроза полного окружения. К исходу дня от разведчиков стало известно, что кольцо окружения не замкнуто лишь на небольшом расстоянии в районе железнодорожного разъезда Студёный.

С наступлением темноты разведчики ещё раз побывали на разъезде. Гитлеровцев там действительно не оказалось. Это имело чрезвычайно важное значение: ведь полк не просто должен был отойти, оторваться от противника, но и вынести с собой большое число раненых.

Полк вышел благополучно, без боя и на рассвете установил связь со штабом дивизии. Через день ночью возвратились и два других полка, отброшенных ударом противника в сторону 40-й армии. Ими была занята оборона на рубеже Юрское, Юдино.

НА РЕКЕ КШЕНЬ

Как только дивизия переправилась на восточный берег реки Кшень, полкам была поставлена боевая задача – преградить противнику путь на Ливны с юга, не допустить развития вражеского наступления в северном и северо-восточном направлениях. Такая задача даже для полнокровной стрелковой дивизии была непосильной. А в Сивашской дивизии к тому времени осталось в общей сложности не больше полка. Стрелковые батальоны лишь名义上 считались батальонами. В каждом из них едва ли можно было насчитать до роты. К тому же люди после трёх дней непрерывных боев буквально валились с ног от усталости.

Командованию армии и дивизии все это было хорошо известно. Известно было и то, что противник по-прежнему располагал превосходящими силами. Тем не менее приказ «преградить путь на Ливны» надо было выполнять.

Отдавая приказ на оборону, комдив предупредил командиров:

– Для противника не составит большого труда форсировать Кшень. Речушка небольшая. И все же надо держаться, друзья. Знаю, трудно. Но в армии обещали помочь – на подходе танковый корпус Катукова. Пойдёт танки, легче будет.

Танки! Наши танки!.. Когда-то они подойдут? А пока все внимание – борьбе с фашистскими танками.

Кшень гитлеровцы форсировали под вечер 2 июля в районе населённых пунктов Калиновка, Ломигоры, Богдановка. И сразу – атака. Только против 676-го полка фашисты ввели в бой до полусяотни танков и несколько пехотных батальонов.

Первую атаку полк с трудом отбил незадолго до восьми вечера, примерно через час после её начала. Это был поистине героический подвиг всего полка. С минимальной артиллерийской и миномётной поддержкой бойцы, командиры, политработники смело вступали в неравные поединки с танками и следовавшей за ними пехотой врага. Грохот орудийных выстрелов, взрывы мин и снарядов, пулемётные очереди «Максимов» и «Дегтярёвых», рёв танковых моторов, стрёкот автоматов, винтовочные выстрелы – все слилось в страшный, оглушающий гул.

Артиллерийские снаряды, связки гранат, бутылки с зажигательной смесью то в одном, то в другом месте останавливали вражеские танки. Но гитлеровцы лезли напролом и без танков. Там, где им удавалось вырываться в боевые порядки полка, завязывались рукопашные схватки. Некоторым воинам полка нередко приходилось одновременно драться с пятью-шестью вражескими солдатами.

Десять фашистских вояк окружили рослого красноармейца Никитина. «Рус, капут. Хенде хох!» – кричали они, намереваясь захватить Никитина в плен. «Сейчас», – ответил боец, и, вскинув винтовку, уложил двух гитлеровцев. Остальных прикончили его соседи по окопу.

Небольшую группу красноармейцев во главе с парторгом роты сержантом Михайловым атаковало довольно крупное подразделение гитлеровцев. Чтобы упредить врага, Михайлов поднял бойцов в контратаку и первым вступил в рукопашный бой: одного фашиста застрелил, другого заколол штыком, третьего оглушил прикладом винтовки... Следуя примеру парторга, так же смело дрались и остальные бойцы. Фашисты дважды атаковали группу Михайлова, но так и не смогли сдвинуть её с занимаемого рубежа.

Под утро вместе с капитаном Белоусом я поднялся на чердак одного из уцелевших домов, где был оборудован полковой НП. Стояла ранняя предбоевая тишина. Казалось, было слышно, как колышатся, беззаботно перешёптываясь между собой, тугие колосья на большом ржаном поле. Совсем по-мирному щебетали предвестники ведренного дня ласточки, пели свою извечную песню кузнечики. И как-то совсем не вязались с этим ранним летним утром черные шлейфы дыма, тянувшиеся от не остывших за ночь пожарищ.

Тишина на фронте часто бывала обманчивой, быстро сменялась грохотом боя. Так было и в этот раз. Когда блеснули первые лучи солнца, перед взором всех, кто находился на НП, открылся развёрнутый строй вражеского войска – десятки танков, бронемашин, несколько батальонов пехоты. В небе появилось множество «юнкерсов». Разворачиваясь и переходя в пике, они сбросили на позиции полка не меньше двухсот бомб. Одновременно наземные силы врага двинулись в атаку.

И опять горели танки, бронемашины. Опять вражеская пехота, не считаясь с потерями, наваливалась на позиции батальонов полка. Но вот открыли огонь полковые, дивизионные миномётчики, артиллеристы, пулемётчики, стрелки, и фашисты не выдержали ответного огня, залегли, а некоторое время спустя, оставляя раненых, убитых, стали пятиться назад. Перед позициями батальонов чадили подбитые танки и бронемашины. Первая утренняя атака врага была отражена.

Не прошло, однако, и получаса, как началась вторая. Высоко в небе появился аэростат-корректировщик. Под прикрытием мощного артиллерийского огня, корректируемого с аэростата, вражеским танкам и пехоте удалось ворваться в боевые порядки полка. Наступил критический момент. Полк уже не имел сил для удержания рубежа. К тому же вновь прервалась связь с соседями – 47-м и 321-м полками.

Не прекращая боя, первыми стали отходить к селу Огрызково остатки батальона капитана Концедалова, а затем и остальные подразделения. Отход прикрывали ротные миномётчики и рота ПТР. И вдруг миномётный огонь прекратился.

– Немедленно к миномётчикам! – приказывал инженеру полка старшему лейтенанту Владимиру Мысину. – Огонь по пехоте не прекращать! Ни на минуту!

Владимир Никанорович бросился к миномётчикам. Как выяснилось, в расположение миномётной роты внезапно ворвался вражеский танк с

десантом автоматчиков. Завязалась схватка. Десант разгромили быстро. Однако оставшаяся без прикрытия рота ПТР вынуждена была отойти. Фашистские танки ринулись на правый фланг полка. Это вынудило меня отдать приказ отойти на новые позиции.

Не всем и не сразу удалось оторваться от противника. Группу бойцов третьего батальона, прикрывавшую отход основных сил полка, дважды атаковала вражеская пехота при активной поддержке артиллерии. И дважды пришлось фашистской пехоте пятиться назад, неся большие потери. Комбат Швендик так умело организовал массированный огонь из пулемётов, автоматов и винтовок, что гитлеровцы прорваться к окопам оборонявшихся не смогли.

На усиление полка комдив прислал сапёрную роту старшего лейтенанта А.Т. Германа. Подкрепление пришло вовремя. Утром 2 июля противник атаковал полк втрое превосходящими силами. Роте сапёров было приказано подпустить вражескую пехоту на близкое расстояние и открыть дружный пулемётный, винтовочный огонь. Атака фашистам не удалась.

Во время боя сержант И.И. Хилько увидел, что по лощине во фланг роте двигается большая группа гитлеровцев. Фашистский офицер, не добившись успеха лобовыми атаками, решил внезапно атаковать сапёров с фланга. Иван Хилько, вооружённый ручным пулемётом, бросился к лощине, быстро выбрал удобную позицию и встретил фашистов метким огнём. На помощь сержанту поспешили младший сержант Фёдор Ткаченко и рядовой Семён Барабанов. Трое против целого взвода! И все же победу одержали сапёры. Пулемёт Хилько и два автомата, которыми искусно владели Ткаченко и Барабанов, долго сдерживали взвод фашистов. К тройке отважных присоединились ещё четыре красноармейца – Бородько, Голенко, Городищанов и Дановский. Потеряв половину взвода убитыми, гитлеровцы откатились назад.

В исключительно трудном положении оказался комендантский взвод полка. Он был атакован и полуокружён ротой фашистской пехоты. В завязавшемся неравном бою многие красноармейцы и младшие командиры погибли. Но в конечном итоге вражеская пехота была рассеяна. Командир взвода лейтенант Георгий Чхенкели из автомата и гранатами истребил несколько вражеских солдат.

В числе тех, кто с оружием в руках самоотверженно отражал атаки врага, был уполномоченный Особого отдела полка старший лейтенант Клименко. Хотя по должности ему вовсе не обязательно было находиться в боевых порядках, но он все время был на переднем крае. Неподалёку от населённого пункта Огрызково старший лейтенант пал смертью героя.

А вражеский аэростат-корректировщик все висел и висел, как дамоклов меч как проклятие, и, естественно, раздражал бойцов и командиров:

– Висит злодей, и ничего с ним не сделаешь, – с досадой говорили они. – Эх, парочку истребителей бы сюда. С земли его не возьмёшь.

Зенитный взвод старшего лейтенанта Зубченко предпринимал несколько попыток сбить дирижабль, но безуспешно. Лишь незадолго до исхода дня в небе появился единственный советский истребитель. Сделал круг, другой. Поднялся выше, как бы мимоходом полоснул пулемётной очередью, и аэростат вспыхнул ярким пламенем и рухнул наземь.

Ночью полк снова отходил на северо-восток. В нем были ослабевшие подразделения. Навалилась и ещё одна беда. Вновь прервалась связь с соседними полками, со штабом дивизии, который, как позже выяснилось, перебазировался из населённого пункта Нижнее Олыпаное в Верхнее Олыпаное. Многократные попытки установить хотя бы живую связь через посыльных оставались безрезультатными. Вглубь обороны прорвались вражеские танки. Где теперь наши полки и штаб дивизии?

Отходили с горьким чувством обиды и разочарования. Потерять столько людей, техники – и вдруг отойти? Новый рубеж обороны сначала предполагалось занять на подступах к Огрызково, но пришлось отходить дальше. Кто знает, сколько бы продержались? Может быть, ещё один бой – и от полка ничего бы не осталось.

Но, как говорит пословица, не бывает худа без добра. Полк отходил как раз в том направлении, по которому в сторону фронта двигался танковый корпус генерал-майора М.Е. Катукова.

ТЕПЕРЬ ГЛАВНОЕ – СТОЯТЬ НА СМЕРТЬ!

С командиром танковой бригады майором В. М. Гореловым встретился я уже под вечер 2 июля недалеко от Огрызково. Поздоровавшись, комбриг сразу же приступил к уточнению обстановки.

– Где противник? Его главные силы?

– Противник рядом. Обстановка – хуже некуда. Фашисты прут напролом. Может, выедем посмотрим?

– Вы правы. На месте виднее, – согласился Горелов.

В сопровождении нескольких танков мы двинулись к Огрызково. Почти у самого села встретили немецких автоматчиков. Они, по всей вероятности, не ожидали появления советских танков. Воспользовавшись внезапностью, наши танкисты за каких-нибудь двадцать минут полностью разгромили вражескую роту. Уйти от огня и танковых гусениц удалось лишь немногим.

Когда мы с майором Гореловым вернулись на КП полка, там нас ждал офицер связи из штаба дивизии. Он сообщил, что 3 июля планируется совместный с 1-м танковым корпусом удар. Его задача – ликвидировать противника в районе Захаровки и восстановить положение на восточном берегу Кшени. 676-му полку, в частности, было приказано освободить село Калиновку и совместно с 89-й танковой бригадой отбросить противника за реку.

С прибытием на фронт 1-го танкового корпуса положение 13-й армии в целом и 15-й стрелковой дивизии в частности коренным образом улучшилось. На ряде участков немецко-фашистское командование ещё пыталось предпринимать атаки, но все они терпели неудачи.

Часа в два ночи в мою землянку вошёл моложавый стройный командир. При тусклом свете коптилки я не сразу рассмотрел четыре «шпалы» в петлицах его гимнастерки и не сразу узнал своего давнего наставника, вместе с которым продолжительное время служил в 173-й дивизии, воевал против белофиннов, участвовал в освободительном походе в Бессарабию.

– Ну, здравствуй, Володя! – сказал он, протянув руку.

Знакомый, очень знакомый голос. Неужели полковник Кравченко? Да, это был он – Андрей Григорьевич Кравченко, с которым в последний раз мы виделись осенью сорок первого года под Павлоградом.

– Рассказывай, как идут дела, – присаживаясь к столу, обратился полковник Кравченко. – Вижу, растёшь. Уже подполковник. А когда мы расставались, ты, кажется, был капитаном. Не так ли?

– Да, так.

– Ну а я теперь в первом танковом, начальником штаба у генерала Катукова, – как бы мимоходом заметил Андрей Григорьевич.

– А я, как видите, командую полком. Вы спрашиваете, как дела? Плохи дела, Андрей Григорьевич. От полка едва батальон остался, почти нет артиллерии, а фашист всё прёт.

– Ничего, Володя. Все обойдётся.

О многом хотелось расспросить Андрея Григорьевича, узнать о судьбе бывших сослуживцев, но для воспоминаний и разговора на личные темы времена было неподходящее. Вместо расспросов вызвал начальника штаба полка капитана Фомина, и мы втроём занялись разработкой плана предстоящего боя.

Контратака с целью улучшения позиции была назначена на 19 часов 30 минут 3 июля. В помощь полку комдив выделил один артдивизион. Сразу же после непродолжительной артподготовки пехота и танки двинулись вперёд. Судя по всему, контратака застала гитлеровцев врасплох. Отдельные подразделения врага, неся потери, стали отступать. Тем не менее на улицах села Огрызково развернулся ожесточённый бой. Особенно сильное сопротивление оказали гитлеровцы, засевшие в кирпичных домах. Один из таких домов пришлось с боем брать группе бойцов под командованием сержанта Подгородецкого. Подобравшись к дому, красноармейцы метнули в его окна

Инженер 676-го стрелкового полка лейтенант
В.Н. Мысин

одновременно несколько гранат. Вражеский пулемёт захлебнулся. Гитлеровцы были уничтожены.

В бою за освобождение села Огрызково мужественно и самоотверженно дрались все воины полка и танкисты. Особенно отличились лейтенанты Синельников и Ларченко, парторг стрелковой роты сержант Михайлов, заместитель политрука Наумов, красноармеец Иванов и другие.

Сломив сопротивление врага, полк при активной поддержке танков освободил ещё два населённых пункта, захватил противотанковую пушку, три пулемёта, несколько автомашин. Оборонительные позиции были улучшены.

Ночью и в последующие дни немецко-фашистские части предпринимали неоднократные попытки вновь продвинуться вперёд, но во всех случаях получали отпор.

Бои местного значения продолжались до 8 июля, после чего фронт на участке 15-й стрелковой дивизии, как и всей 13-й армии, стабилизировался. На совещании командно-политического состава были подведены некоторые итоги. Начальник штаба дивизии подполковник Д.Л. Казаринов доложил, что, по предварительным подсчётам, за 10 дней боев силами дивизии было уничтожено свыше 11 тысяч солдат и офицеров противника, 41 танк, 25 автомашин с боеприпасами и продовольствием, 18 артиллерийских орудий, 18 пулемётов, 11 миномётов.

– Наши полки и батальоны делом доказали беззаветную храбрость и мужество, – сказал в конце совещания комдив Слышкин. – Все части и подразделения с исключительной стойкостью защищали оборонительные рубежи, проявили массовый героизм. На своём участке мы остановили врага, не дали ему развить наступление на Ливны. Противнику нанесён большой урон в живой силе и технике, однако и дивизия понесла большие потери.

«Да, комдив прав. Мы потеряли много людей, – с грустью думал я, слушая выступление комдива. – От полка осталось меньше батальона. Такое же положение и в других частях. Теперь, как воздух, нужно пополнение, иначе при первом же новом ударе придётся снова отступать...» И ещё тогда подумалось о том, что, не поддержи дивизию вовремя танки генерала Катукова, противник наверняка смял бы сильно обескровленные стрелковые полки.

После всего того, что пришлось пережить личному составу 676-го полка во время боев на реках Тим и Кшень, переход к обороне был встречен бойцами и командирами, как радостное событие. Непрерывные многодневные бои до предела измотали людей. Требовался отдых. Хотелось просто по-человечески выспаться, привести себя в порядок.

Однако командование не удовлетворяла сложившаяся обстановка. Определённый успех, конечно, налицо: противник понёс большие потери и вынужден перейти к обороне. И все же опасность дальнейшего отхода в случае нового натиска врага ещё существовала. Уж очень непрочна собственная оборона. Рубеж дивизии растянулся в междуречье Кшени и

Ольма на двадцать с лишним километров! В дивизии почти нет артиллерии, нет вторых эшелонов. Со стороны противника вся глубина обороны просматривается визуально. Вражеская артиллерию держит под постоянным обстрелом дороги. Частым огневым налетам также подвергаются населенные пункты, где размещаются штабы и тылы полков.

Вся надежда на поддержку танкистов, расположившихся в глубине обороны дивизии. Но сколько у них осталось боевых машин, было неизвестно.

В первые дни после прекращения активных боевых действий комдив Афанасий Никитич Слышкин вместе с дивизионным инженером Г.Н. Шенгелия (несколько позже его сменил капитан В.П. Егоров) и начальником разведки капитаном И.В. Ерофеевым почти все время находились в полках, проверяли состояние обороны.

– Пока не получим пополнение, одна надежда – земля, – всякий раз напоминал комдив Слышкин. – Чем лучше и быстрее окопаемся, глубже зароемся, тем больше шансов отбить новые атаки врага.

Начальник штаба дивизии подполковник Казаринов при личных встречах и разговоре по телефону непременно подчёркивал:

– Постоянно наблюдайте за противником, своевременно докладывайте о всех, даже самых малейших переменах в его поведении.

В полку и сами прекрасно понимали, что любое промедление с укреплением оборонительного рубежа противник может использовать в своих интересах. Поэтому все воины без устали трудились на строительстве оборонительных сооружений: отрывали и оборудовали окопы для стрелковых отделений, миномётов, противотанковых пушек и ПТР, строили доты, блиндажи. В этой работе огромная роль принадлежала и воинам 75-го отдельного сапёрного батальона.

Несколько дней провёл в нашем полку начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Николай Иванович Романов. Он беседовал с бойцами и командирами, интересовался состоянием партийно-политической работы, практикой рассмотрения заявлений о приёме в партию и комсомол.

Вообще-то политотдельцы не часто жаловали полк своими посещениями. Больше всего они бывали в других частях дивизии. И вовсе не потому, что не уважали 676-й, а скорее всего из-за того, что партийно-политическая работа здесь была организована значительно лучше. В политотделе частенько хвалили военкома полка И.И. Мазниченко, секретаря полкового партбюро Юрия Чаплыгина, агитатора полка А.И. Рыбалко. Хвалили за умелое руководство партполитработой, за её пред-

Дивизионный инженер
15-й Сивашское дивизии
В.П. Егоров
(послевоенный снимок)

метность и целенаправленность. И с этим нельзя было не согласиться. Мазниченко и Чаплыгин в любой боевой обстановке находили возможность оказывать положительное воздействие на личный состав. Они имели и в каждой роте, в каждом взводе много боевых помощников – партторгов, агитаторов, редакторов боевых листков, широко привлекали к работе коммунистов и комсомольцев. Весь день Романов интересовался опытом партполитработы в динамике боя и только поздно вечером ушёл в соседний 321-й полк.

– До встречи в политотделе, – сказал он перед уходом. – Соберёмся, обсудим ваш опыт. Сам выступлю с докладом.

Осуществить задуманное Николаю Ивановичу не пришлось. На другой день по дивизии разнеслась печальная весть: начальник политотдела погиб. Случилось это так. Противник внезапно открыл по расположению 321-го полка артиллерийский огонь. Николай Иванович, беседовавший с бойцами, позабылся прежде всего о том, чтобы все воины, слушавшие его беседу, укрылись в траншее, а сам, не добежав до окопа всего три метра, был сражён осколком. Для всех воинов дивизии это была большая утрата. Они потеряли умного, авторитетного, беззаветно преданного Родине руководителя, вожака солдатских масс.

В тот же день меня и военкома полка срочно вызвали в Гатищенские Выселки, где располагался командный пункт дивизии. Туда же прибыли командиры и комиссары других полков, начальники отделов и служб. По приказанию подполковника Казаринова командиры построились в две шеренги.

Перед строем появился комдив полковник Слышкин. Лицо хмурю, даже кажется черным от чего-то случившегося неимоверно тяжёлого.

– Слушай приказ наркома обороны СССР! – развернув листы, произнёс комдив и начал читать.

Суровые, больно хлещущие строки приказа наркома обороны были обращены прежде всего к бойцам, командирам и политработникам южного крыла советско-германского фронта, к тем армиям и дивизиям, которые под натиском превосходящих сил врага с тяжёлыми боями отходили к Волге, Сталинграду, к предгорьям Кавказа. Но в общих неудачах каждый из сивашцев видел и свою личную вину. Ведь отошли же от Тима и Кшени, не выстояли, оставили врагу десятки сел и деревень.

Ссылки на трудности, на отсутствие резервов, на превосходство противника в силах и средствах – не оправдание. «Стоять насмерть! Ни шагу назад!» – вот что было теперь самым главным и самым важным.

СТО СЕМЬ МЕТРОВ ПОД ЗЕМЛЕЙ

На оперативной карте высота обозначалась цифрой «224». Расположенная неподалёку от деревни Мишино, в нескольких сотнях метров от берега реки Кшень, она господствовала над окружающей местностью.

Имела она и ещё одну особенность: на северных склонах, почти у самой её вершины, чернели стальные коробки двух сгоревших танков.

Гитлеровцы не замедлили воспользоваться сгоревшими танками и устроили в них артиллерийский наблюдательный пункт, с которого хорошо просматривалась вся глубина обороны 676-го полка.

Полковые и дивизионные артиллеристы не раз пытались ликвидировать вражеский НП, но ни бронебойные, ни фугасные снаряды не достигали цели. Не дала никаких результатов и попытка использовать огнемётные средства. Разбомбить танк с воздуха было невозможно, так как траншеи передовой линии проходили от него метрах в ста.

В середине августа на полковой командный пункт прибыли комдив и дивизионный инженер В.П. Егоров.

Ветеран 15-й Сивашской дивизии Василий Павлович Егоров шёл в её рядах с первого часа войны. Немало сил положил он на строительство инженерных сооружений на различных участках фронта, где занимала оборону наша дивизия. Это был не только опытный инженер, но и отважный воин. В боях под Уманью, в топях реки Самары, на Донбассе не раз брал он автомат и дрался с врагом в одном ряду с солдатами.

В саду по соседству с КП состоялся разговор о том, как все-таки ликвидировать вражеский наблюдательный пункт. Пришли к единственному выводу – принять предложение Егорова: сделать под сожжённые на высоте танки подкоп, заложить побольше взрывчатки и подорвать коварный НП. Для этого требовалось проложить под землёй более чем стометровую галерею.

Ответственность за выполнение столь необычного боевого задания была возложена на меня, а непосредственное руководство работами поручалось командиру сапёрного подразделения старшему лейтенанту В. И. Корневу. К выполнению задания привлекались две сапёрные роты, а также некоторые подразделения полка.

Прежде всего требовалось определить, откуда вести подкоп, чтобы противник ничего не заметил. Почти всю ночь мы с Корневым ходили по траншеям, ползали по переднему краю. В конце концов наиболее подходящее место было выбрано – самая близкая от высоты траншея. На следующую ночь сапёры – старший сержант И.И. Хилько и сержант П.Т. Безносенко определили точное расстояние до вражеского НП. Оно равнялось 107 метрам.

Размер галереи выбрали такой: высота 110, ширина 90 сантиметров. Метров пятнадцать сапёры прорыли сравнительно легко, а дальше с каждым метром работать становилось труднее. В «забое» становилось все теснее, не хватало воздуха... А работа адская. Причём все это делалось либо лёжа, либо на коленях. Сапёров пришлось сменять через каждые пять минут.

Работали по двое. Но и тогда воздуха не хватало. Было решено через каждые 2–3 метра пробивать наверх специальные отверстия, своеобразные вентиляционные трубы. Однако вентиляция и после того

оставалась недостаточной. Кислородное голодание и высокая температура в галерее выматывали людей до изнеможения. И так целый месяц.

Наконец к середине сентября отрывка галереи была завершена. Требовалось, однако, окончательно убедиться, действительно ли зарядная камера находится под сожжённым танком, внутри которого располагался вражеский НП. Мы с Корневым проползли туда, прислушались к различным шумам наверху – топоту ног, людским голосам. Сомнений не оставалось – зарядная камера находится непосредственно под сгоревшим танком.

Той же ночью сапёры перетащили в зарядную камеру взрывчатку, сделали подводку от подрывной машинки. Перед полком была поставлена задача – использовать взрыв для захвата высоты 224. Для этого выделялось два сводных отряда, по усиленной роте в каждом.

14 сентября сводные отряды заняли исходные позиции для атаки. На полковой КП прибыл комдив Слышкин. На всем участке обороны полка было тихо. Необычайно тёплый для середины сентября день подходил к концу. До захода солнца оставалось несколько минут. По команде комдива повернул ручку подрывной машинки. Раздался оглушительный взрыв. Чёрные клубы дыма окутали высоту. Секунду спустя загремели новые взрывы. Это взлетело на воздух минное поле, окружавшее уничтоженный наблюдательный пункт врага.

С криком «Ура!» сводные отряды полка ринулись вперёд. После непродолжительной рукопашной схватки высота 224 была взята.

Все последующие месяцы сорок второго года полк, как и вся дивизия, укреплял оборону, совершенствовал боевую выучку воинов, пополнялся людьми. До января 1943 года на участке дивизии было относительно тихо. Немецко-фашистским войскам, увязшим в ожесточённых сражениях под Сталинградом и на Кавказе, в ту пору было не до наступления на ливенском направлении.

Юрий Жуков*

Из книги «Избранные произведения» в 2тт. том 1.

ВРЕМЯ ТРЕВОЖНЫХ ОЖИДАНИЙ

Шло второе военное лето. Его начало было сопряжено для нас с ожиданием драматических событий: долгая оперативная пауза, последовавшая после блестательного разгрома гитлеровцев под Москвой и ряда других наступательных операций Красной Армии, была использо-

* Юрий (Георгий) Александрович Жуков (10 [23] апреля 1908, станция Алмазная, Екатеринославская губерния — 31 мая 1991, Москва) — советский журналист-международник, публицист, переводчик. Герой Социалистического Труда (1978).

вана и нами, и нашим противником для подготовки к новым битвам, и теперь все чаще с переднего края фронта, протянувшегося от Арктики до Чёрного моря, доносился зловещий гул канонады. Вот как складывалось соотношение сил на фронте, по официальным данным, на 1 мая 1942 года:

«Внутреннее положение Советского Союза и состояние его Вооружённых Сил к весне 1942 г. заметно укрепились... Мужали, крепли и сами Вооружённые Силы... Численность действующей армии на 1 мая 1942 г. составляла более 5,5 млн человек. На вооружении армии было свыше 4 тыс. танков, почти 43 тыс. орудий и миномётов, более 1200 установок реактивной артиллерии и более 3 тыс. боевых самолётов. Однако было ещё очень много лёгких танков и самолётов устаревших конструкций. В целом же Советская Армия ещё не достигла технического превосходства над врагом и по-прежнему уступала немецкой армии в подвижности.»

Немецко-фашистская армия вследствие потерь, понесённых ею в зимней кампании 1941/42 г., стала несколько слабее... Однако проведением ряда мероприятий гитлеровскому руководству удалось к весне 1942 г. не только восполнить потери войск на Восточном фронте, но и увеличить общую численность своих вооружённых сил по сравнению с началом 1942 г. более чем на 700 тыс. человек. За период с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. на Восточный фронт было переброшено более 40 дивизий... На 1 мая 1942 г. в составе вооружённых сил фашистского блока, действовавших на советско-германском фронте, в общей сложности имелось 6,2 млн солдат и офицеров, 43 тыс. орудий и миномётов, более 3200 танков и штурмовых орудий, 3400 боевых самолётов, около 300 надводных кораблей различного класса, 44 подводные лодки»

Вот-вот эти две многомиллионные армии должны были снова столкнуться в кровопролитнейшей схватке, от исхода которой зависело всё.

Мы помнили и часто повторяли слова, Сказанные Сталиным 7 ноября 1941 г.– в памятный день парада на Красной площади, поразившего весь мир: «Ещё несколько месяцев, ещё полгода, может быть, годик – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений». Эти слова были произнесены тогда, когда войска Гитлера стояли в одном переходе от Москвы, но всем нам страстно хотелось верить, что так и будет. И мы верили и считали дни – сколько ещё осталось терпеть и страдать, воевать и умирать, стараясь не думать о том, мыслимое ли это дело – уже в 1942 году разгромить и повергнуть в прах гитлеровский рейх.

Неожиданные для многих мощные удары Красной Армии, нанесённые по врагу зимой 1941 года, укрепляли веру в спасительный сталинский «годик»: перейдя в контрнаступление, советские войска освободили более 11 тыс. населённых пунктов, в том числе свыше 60 городов.

План летней кампании, утверждённый в конце марта 1942 года на совещании в Ставке Верховного Главнокомандования, как нам теперь стало известно из опубликованных после войны статей и книг, предусматривал, что действующая армия должна была одновременно с переходом к стратегической обороне провести на некоторых направлениях частные наступательные операции, чтобы улучшить оперативное положение и упредить противника, готовившегося перейти в наступление. Имелись в виду наступательные действия под Ленинградом, в районе Демянска, на Смоленском, Львовском, Курском направлениях, в районе Харькова, в Крыму.

Как же развивались события в действительности?

Люди старшего поколения хорошо помнят, что вторая летняя кампания началась для нас новыми испытаниями, которых до самого смертного часа не забудет каждый, кому довелось пережить ту страшную пору. Это были наши военные неудачи в Крыму и под Харьковом, за которыми последовало широкое наступление гитлеровских войск на юге. По свидетельству Маршала Советского Союза А.М. Василевского, положение осложнилось тем, что Ставка и Генштаб, зная о сосредоточении крупной группировки фашистов (более 70 дивизий) на Московском направлении, ожидали решительного удара противника именно здесь. Причём это мнение разделяло командование большинства фронтов.

«Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены, – писал А.М. Василевский. – На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное. Стратегические резервы соответственно сосредоточивались в основном возле Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова».

И далее А.М. Василевский уточнял:

«Ошибка, как уже говорилось, состояла в том, что мы предполагали главный удар фашистов не на юге, а на центральном участке советско-германского фронта. Поэтому Ставка всемерно, в ущерб югу, укрепляла именно центральный участок, особенно его фланговые направления. Наиболее вероятным, опасным для Москвы мы считали Орловско-Тульское направление, но не исключали и Курского-Воронежского с последующим развитием наступления врага в глубокий обход Москвы с юго-востока. Уделяя основное внимание защите столицы, Ставка значительно усиливала и войска Брянского фронта, прикрывавшие Орловско-Тульское и Курско-Воронежское направления. Ещё в апреле и первой половине мая Брянский фронт дополнительно получил четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать стрелковых и четыре отдельные бригады, а также значительное количество артиллерийских средств усиления. Все эти со-

единения, поступавшие из резерва Ставки, были неплохо укомплектованы личным составом и материальной частью».

Конечно, в то время мы, военные корреспонденты, многое не знали и могли только догадываться о том, что кроется за внезапными перебросками дивизий, корпусов и армий с одного фронта на другой. Ход наших рассуждений был примерно таким: если на Брянский фронт перебрасывают отборные части, значит, именно здесь ожидается что-то важное и серьёзное. И эти, может быть, несколько наивные соображения оказались близкими к истине: много лет спустя, когда военные архивы перестали быть секретными, мы узнали, что к лету 1942 года на Брянском фронте действительно были сосредоточены весьма крупные по тем временам силы.

На участке длиной около 460 км стояли в ожидании больших событий 61-я, 3-я, 42-я, 13-я, 40-я армии, два кавалерийских корпуса и группа танковых корпусов, в том числе танковый корпус Катукова, и несколько отдельных танковых бригад. Кроме того, туда же была направлена, только что созданная, 5-я танковая армия, входившая в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Ею командовал генерал, прославившийся своей храбростью и стойкостью в первые месяцы войны,— Александр Ильич Лизюков. Одним из первых в этой войне 5 августа 1941 года он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Войскам Брянского фронта противостояла сильная группировка гитлеровских войск — до 20 стрелковых и танковых дивизий, 2-я танковая и 2-я полевая армии. Далее к югу были сосредоточены ещё большие силы вермахта, и среди них мощная 6-я армия и 4-я танковая — именно им отводилась роль тарана, который должен был прорвать наш фронт и обеспечить стремительное продвижение фашистов на восток — к берегам Волги и горным хребтам Кавказа.

Как стало известно впоследствии, в совершенно секретной директиве № 41 Гитлер предписывал своим генералам сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее реки Дон и в дальнейшем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет.

Но тогда, повторяю, не только мы, военные корреспонденты, но и генералы, силившиеся проникнуть в замыслы врага, многое не знали и о многом могли лишь строить предположения. Представлялось, что здесь, в центре гигантского фронта, от противника можно было ждать ударов в двух направлениях — на Москву и на Воронеж. И полторы с лишним тысячи танков, поступивших в распоряжение Брянского фронта к июню 1942 года, должны были стать бронированным кулаком, способным (при надлежащей оперативности и манёвренности) сокрушить гитлеровские войска.

Так выглядела расстановка сил на Брянском фронте, куда я отправился 15 июня в поисках старых друзей-гвардейцев. Мы выехали позд-

ним вечером целой компанией на прикрытом пыльным брезентом тряском грузовике, который был предоставлен в распоряжение военного корреспондента «Красной звезды», старого комсомольского работника Васи Коротеева. По тем временам обладание такой машиной считалось среди военных корреспондентов величайшим счастьем, и Вася с гордостью именовал её своей «передвижной штаб-квартирой». Под брезентовым шатром стояла изломанная кровать с ржавой продавленной сеткой, лежала груда соломы, на которой с комфортом разместились фронтовые поэты М. Луконин и Я. Хелемский, а под ногами хрустели— рассыпанные почему-то патроны из коротеевского автомата.

Ехали мы весело, хотя ночной рейс по разбитому военному шоссе был небезопасен. Молодые поэты пели песни из репертуара Литературного института, в котором они учились перед войной, военкоры делились воспоминаниями о весёлых и страшных фронтовых историях. Промелькнула тихая ночная Тула, вся в баррикадах, с силуэтами полуразбитых домов. Где-то в маленьком городке остановились спать на два часа; запомнилась мёртвая улица со звонкими соловьями в заброшенных садах и мягкой травой в щелях между булыжниками, по которым давно никто не ездил. И ещё: из репродуктора, уцелевшего в пустом полуразрушенном доме, доносился голос диктора, читавшего военную сводку Информбюро.

И опять тряска в грузовике, ныряющем по ухабам военной дороги. Мы проехали многие километры по освобождённой минувшей зимой, изувеченной и изуродованной снарядами и бомбами земле, пока добрались до Ельца – города, чудом уцелевшего в этой военной кутерьме с его кинотеатрами, киосками, торговавшими газированной водой и мороженым, с монастырём и тюрьмой, у стен которой зимой

Командный пункт фронта находился не в городе, а в маленькой деревушке среди лесов и садов. Здесь во всем чувствовалось напряжённое ожидание уже близких грозных событий. Но корреспондентам пока делать было нечего, и мы коротали время, расхаживая от хаты оперативного отдела штаба, где нам отпускали скучный паек новостей о боях местного значения за населённый пункт Н. или за безымянную высоту, до хаты военного телеграфа, а оттуда до столовой военторга.

В поисках своих друзей-танкистов я то и дело увязывался за офицерами с изображением маленького танка в петличках, но всякий раз терпел неудачу: все разводили руками и вежливо улыбались, делая вид, что им ничего неизвестно. Можно было подумать, что танковых частей на фронте нет и в помине. И вдруг совершенно случайно в Ельце я напал на след большого танкистского штаба. Нет, это были не катуковцы, а кое-что покрупнее, чем танковый корпус. То была 5-я танковая армия генерала А.И. Лизюкова. Но штаб её быстро свёртывался и куда-то переезжал: интенданты при мне вели разговор о горючем и сухом пайке. К тому же ночью мы слышали, как танки проходили по городу.

Ловлю на ходу генерала. Короткий, вежливый, но откровенно нетерпеливый разговор. Лизюков явно недоволен тем, что его нашёл корреспондент. С ходу прошу его написать статью для нашей газеты.

— Статью «Искусство побеждать»? Для «Комсомольской правды»? Но об этом должны писать полководцы.

— Вероятно, именно поэтому я к вам и обращаюсь...

— Сожалею, но сейчас очень занят.

— Будете ли вы здесь ночью?

— Нет.

— Не скажете ли вы, где Катуков?

— Нет.

— Давно ли вы его видели?..

— Вчера.

— Как же мне узнать, где Катуков?

— У компетентных лиц.

Несколько вежливых фраз в утешение корреспонденту, который так ничего и не добился, и генерал сел в автомашину.

В тот вечер в штабе мне по секрету рассказали, что армию Лизюкова, основную ударную силу которой составляли 2-й и 11-й танковые корпуса, Ставка бережёт для каких-то больших дел. «Идёт большая игра нервов,— сказал мне знакомый офицер.— Тысячи танков с обеих сторон бродят вдоль фронта, концентрируясь то здесь, то там. Кто кого перехитрит и застанет врасплох? Это как в шахматах. Только исход игры совсем другой: гораздо значимее и, если хотите, кровопролитнее...»

Наконец мне повезло: получив разрешение на съёмки, 19 июня к танкистам М.Е. Катукова отправлялась группа фронтовых операторов под руководством кинорежиссёра Гикова. Я присоединился к ним.

Выезжаем на рассвете. Чудесные российские пейзажи: рощи, неторопливые реки, яблоневые сады, высокая рожь, стада коров и овец. Мирные, мирные места, даже не верится, что зимой здесь гремели жестокие бои. Только пепелища сожжённых деревень напоминают об этом. Долго петляем по чернозёмным просёлкам, на которых до сих пор сохранились дорожные указатели, расставленные дотошными немецкими регулировщиками. И вот в большом селе, утопающем в садах, настигаем отлично замаскировавшийся штаб только что прибывшего неуловимого Катукова.

В школе — пункт сбора донесений. Раздаётся богатырский храп: офицеры связи ночью ездили по частям, все были на марше. Сосредоточение 1-го танкового корпуса на новом месте едва закончилось. И Катуков, и Бойко, и даже бесконный адъютант Ястреб спят непробудным сном. Потом генерала все же будят: его срочно вызывают на совещание в штаб фронта. Мы с ним встречаемся на ходу. Короткий, но тёплый разговор. Корреспонденту «Комсомольской правды», как всегда, будет обеспечен радушный приём. Рассказать молодым читателям есть о чём...

Поздно вечером генерал вернулся с совещания. Мы сидим далеко за полночь в его избе – идёт разговор о пути, пройдённом танковой гвардией за эти полгода, об уроках, извлечённых ею из трудных наступательных боев, о перспективах летней кампании.

– Теперь, – говорит Катуков, – когда мы накопили уже немало танков, можно позволить себе то, что делало гитлеровское командование прошлым летом: массированный удар, глубокий прорыв и уход в расположение противника без оглядки на фланги. К сожалению, мы пока ещё не имеем достаточного опыта в таком использовании бронетанковых сил. Все ещё робко применяем танки, зачастую распылённо, с оглядкой на пехоту.

Как покажут себя танки в ближайшие дни здесь, на Брянском фронте? Катуков уверен, что гвардейцы, закалившиеся в боях под Москвой, не подведут. Но есть и другие – те, что ещё не нюхали пороху... С ними будет труднее. Во всяком случае 1-й танковый корпус в грязь лицом не ударит.

В сущности 1-й танковый корпус, как, впрочем, и другие, ещё очень молод: решение о его формировании было принято, когда М.Е. Катуков со своей гвардейской бригадой воевал восточнее Гжатска в составе 5-й армии Л.А. Говорова. Там Катукову вручили приказ наркома обороны, согласно которому он был назначен командиром **вновь формируемого 1-го танкового корпуса, а Бойко – его комиссаром**.

В состав корпуса вошла 1-я гвардейская танковая бригада, которая должна была стать его костяком и ударной силой. Теперь ею командовал полковник Чухин – опытный танковый начальник. Катуков его хорошо знал: до войны он был начальником штаба 20-й танковой дивизии. (Вскоре Чухин заболел и его заменил не менее опытный танкист Горелов, который провёл бригаду через многие бои, пока не погиб, сражаясь на польской земле.) Кроме того, в подчинение Катукова передавались бригада тяжёлых танков КВпод командованием Юрова, 49-я танковая бригада Черниенко и мотострелковая бригада Мельникова. Всего в корпусе должно было быть 5600 человек, 168 танков, 32 орудия, 20 зенитных орудий, 44 миномёта, 8 установок реактивных миномётов. По тем временам немалая сила.

Впервые с М.Е. Катуковым после назначения его на новую должность я и наш фронтовой корреспондент Слава Чернышев встретились совершенно неожиданно в начале апреля в Хорошевских казармах в Москве. Поехали туда, чтобы написать, как проходит в воинских частях подписка на новый военный заем, и вдруг встретили Михаила Ефимовича – он в первый раз надел только что сшитую для него генеральскую шинель и папаху (всю зиму он так и проводил в своей потрёпанной солдатской шинельке, в которой мы видели его у Скирманова).

Катуков был в великолепном настроении и полон новых планов: гвардейцы двигались в Липецк, где к ним должны были присоединиться остальные бригады. Там же, в Хорошевских казармах, мы увиделись и с

комиссаром М.Ф. Бойко, и с только что назначенным на пост начальника штаба корпуса майором Никитиным (до этого он, сменив подполковника П.В. Кульвинского, командовал штабом 1-й гвардейской) – отличным оперативником и редким по самообладанию и находчивости командиром, и с А. Бурдой, и со многими другими знакомыми нам танкистами, которые по праву считались ветеранами, хотя войне не было ещё и года.

В 1972 году ветеран 1-й гвардейской танковой бригады капитан в отставке Н.Н. Биндас писал мне:

В апреле 1942 года формировался 1-й танковый корпус, в который вошла и наша бригада. Личный состав подбирался очень строго. Даже некоторые участники битвы за Москву были отчислены. Прибыли отборные маршевые роты, полностью укомплектованные и снабжённые техникой. Я был назначен заместителем командира роты – учли мои скромные заслуги в боях под Москвой. Работа предстояла серьёзная – воспитать пополнение в духе боевых традиций 1-й гвардейской танковой бригады и проверить, на что каждый способен...

24 апреля в редакцию «Комсомольской правды» приехал из Липецка наш старый приятель Ростков, работавший в политотделе 1-й гвардейской танковой бригады. Он рассказал, что корпус уже укомплектован и занят боевой учёбой. Между прочим, по пути в Липецк Катуков останавливался в Ельце и даже успел там посетить Дом-музей, где жил когда-то Г.В. Плеханов. Генерал и не предполагал тогда, что ему доведётся вернуться сюда со своим корпусом, чтобы защищать подступы к этому городу.

Учёбой долго заниматься не пришлось. Корпус был передан из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в распоряжение штаба Брянского фронта. И вот он здесь, тщательно рассредоточенный по деревням севернее города Ливны, старательно замаскированный и готовый к бою в любой час.

20 июня... Пасмурное сырое утро. Я просыпаюсь в крохотной избушке с земляным полом, куда меня определил на постовой комендант штаба. Разбудила насекда, хлопотливо кормящая рядом свой выводок. В другом углу на соломе лежит телёнок, родившийся позавчера. Тикают ходики. В углу чернеют лики древних икон. Старушка хозяйка уже хлопочет у русской печи с ухватом.

Разговариваем о фашистах, которые были в этих местах прошлой осенью. Деревне повезло: она в стороне от большой дороги, поэтому гитлеровцы наезжали сюда лишь изредка – пограбить, да и то лазили только по окраине, побаиваясь партизан. Колхозники рады, что в деревню пришли советские танкисты: ведь фронт близко. Теперь веселее. А то, как солдаты ушли, боялись – неужто опять фашиста пустят?

Всю ночь в деревне шло гулянье: слышались звонкие частушки, пела гармонь. Бойцов крестьянские девушки встречали приветливо. «Они

— люди культурные,— назидательно пояснила мне хозяйка,— и ничего такого не сделают».

Я прощаюсь с хозяевами: переезжаю в танковый батальон А. Бурды.

Тихое зелёное село Лютое. Танков здесь как будто и нет, так хорошо они упрятаны. Александра Фёдоровича я нахожу в просторной избе, горницу которой он делит со своим заместителем, тоже нашим старым знакомым П. Заскалько. Вторую половину, у русской печи, занимают хозяева — старики со старухой и их дочка.

Александр Фёдорович Бурда — теперь уже майор — встречает меня, как всегда, приветливо, хотя ему сейчас не до гостей. Он сидит у стола одетый в серую офицерскую шинель, под нею ещё и тёплая безрукавка на лисьем меху: замучил ревматизм, разыгравшийся так некстати в эту проклятую не по-июньски холодную погоду. Под мышкой у него — градусник. В избе топчется врач: генерал приказал вылечить комбата незамедлительно.

Остаюсь в батальоне на три дня. Пока на фронте ничего существенного не намечается, танкисты, находящиеся в резерве, располагают свободным временем и военный корреспондент «Комсомольской правды» может наговориться с ними вволю. В избе с утра до вечера полно людей; я спешу восполнить пробелы в своих зимних записях, когда танкистам было не до журналистов.

Всматриваюсь в знакомые лица. Вот серьёзный, волевой И. Любушкин, на гимнастёрке которого красуется Золотая Звезда; совсем юный Н. Капотов, скромный и застенчивый, он сейчас выполняет обязанности секретаря комсомольской организации; лихой, остроглазый Л. Лехман, романтически настроенный, увлекающийся музыкой паренёк с Украины; весёлый, краснощёкий П. Заскалько — до чего же это дружная и спаянная семья! Многих она уже потеряла, многих ещё придётся потерять, может быть, в самые ближайшие дни, но те, кто останутся живы, наверняка будут вспоминать годы, проведённые вместе в самых жестоких, поистине нечеловеческих условиях, как самую дорогую пору своей жизни. Под пулями и снарядами обнажается подлинное естество человека, тут не увильнёшь, не схитришь, не спрячешь своей сути, тут ты весь как на ладони перед однополчанами.

Мои фронтовые блокноты быстро заполняются: мы беседуем много часов подряд. К нам часто подсаживается хозяин — старый дед, который понимает толк в военном деле: он участвовал в русско-японской войне, оборонял Порт-Артур. Очень любит и сам со вкусом рассказывать — танкисты слушают его с интересом — про «свою» войну, про службу в царской армии, про Порт-Артур, про ранение, про изменника Стесселя, про героя-генерала Ф.И. Кондратенко, про минное поле, на котором он «одним поворотом своей хитрой машинки взорвал семьдесят тысяч японцев» («Про то тайное поле,— важно и наставительно пояснял дед,— никто не знал, потому что минировали его по ночам, а поле было не простое: хо-

чешь – гони скот, хочешь – сам иди, нипочём не взорвётся, а крутанёшь машинку – и все в воздух»), про Золотую Гору, где стояла батарея крепостной артиллерии («как дали залп, все люстры в соборе осыпались...»).

А вот жена у деда – принципиальный противник всех войн. Ахает, когда Бурда рассказывает, как его танк иной раз приходит из боя весь красный от крови, а один раз даже оторванную руку в гусенице привёз. «Вы не смотрите, что я тёмная, – говорит танкистам бабка. – Я про Кутузова и про Суворова в книжках читала, они хорошие были люди, вроде вас, но профессия ваша зловредная, надо, чтоб никаких войн и никакого оружия не было вовсе».

Александр Бурда долго и серьёзно разъясняет старухе происхождение войн, классовое устройство общества, говорит, что при коммунизме никаких войн не будет, но, пока есть империализм и фашизм, воевать приходится и отказаться от оружия никак невозможно. Старуха вздыхает, машет рукой, идёт к печке, достаёт чугун с топлёным молоком, уговаривает танкистов... «Для вас нам ничего не жалко, – говорит она, когда Капотов смущённо отнекивается. – Зимой мы со стариком последнюю пару сапог бойцам отдали – тем, что гнали отсюда немца. Но все-таки, когда вы отступали, мы обижались на Красную Армию: зачем этого змея сюда допустили?»

Бурда громко хохочет: «Вот видишь, мать, выходит, оружие наше понадобилось, ведь без него гитлеровского змея не прогнали бы?» – «Да, выходит так», – нехотя соглашается хозяйка.

Разговор переходит на мирные темы. Стариk вдруг рассказывает про свой грех перед господом богом: он снял в 1932 году с иконы серебряную ризу и отнёс её в Торгсин – так назывались тогда магазины, где все продавалось только на золото и серебро, – дали за ту ризу два пуда муки, девять пудов отрубей и шкалик водки. «А латунную ризу не взяли», – вдруг сокрушённо добавляет он.

Вечером – опять «улица»: деревня гуляет с танкистами.

Холодная лунная ночь. Где-то бьют пушки. Таракит связной самолёт. Чёрные тени изб с погашенными окнами и резные силуэты тополей. Идут стенкой девчата с озорной песней, им подыгрывает шестнадцатилетний гармонист:

Ты военный, ты военный,
Ты военный не простой!
Ты на западе женатый,
А на юге холостой...

Танкисты улыбаются: «Прошлый год, когда отходили, в деревнях «улицы» не было. А теперь – вот...» На косогоре под полуразрушившейся старой стеной – толпа. В лунном свете белеют девичьи платочки, среди них несколько мальчишечьих картузов. Рядом – гурьбой солдаты. Две девушки долго-долго отбивают дробь каблучками, одна против другой. Потом в круг входит танкист. И сразу же вихрем взлетает первая

красавица деревни – она как бы парит в воздухе, не касаясь земли. Танкист тоже старается не ударить в грязь лицом. Обоим аплодируют. И долго ещё идёт эта пляска, и частушки несутся по деревне. А частушки не только озорные и весёлые, много и грустных:

Распроклятая Германия
Затеяла войну,
Сильно голову поранили
Залётке моему...

Официально после десяти вечера по деревне ходить не разрешается. Военком танкового батальона Самойленко строго говорит патрульным в черных шлемах: «Так смотрите же, чтобы в десять никого здесь не было!» И те подтверждают, что приказание будет выполнено, хотя им, как и военкому, хорошо известно, что время уже за полночь. А дежурный по колхозу, бородатый дед, простодушно говорит бойцам: «Это только ради вас терплю, в кои-то веки вам ещё погулять счастье выпадет. А не то давно инструкцию исполнил бы...»

Что ждёт эту деревню завтра? Как сложится военная обстановка нынешним летом? Кто знает... Но как сильно хочется – до боли в сердце, – чтобы война на сей раз прошла мимо этих славных людей, которые уже столько выстрадали и которые, забыв о своей обиде на Красную Армию за то, что она «так далеко допустила гитлеровского змея», готовы и сейчас делиться с ней последним, видя в солдатах своих родных сыновей...

Тихие, безмятежные дни, которые судьба подарила нам в этой деревушке, невольно настраивали на беззаботный лад. Как хотелось поверить в чудо: а вдруг передышка надолго? Но поверить в такое было невозможно. Обманчивая тишина, как прекрасно понимали танкисты, могла оборваться со дня на день, с часу на час.

И когда, простишись с гостеприимными гвардейцами, я приехал в штаб Брянского фронта и увидел озабоченные лица штабных офицеров, то понял, что новые кровавые сражения вот-вот начнутся. По секрету мне сообщили, что на юге обстановка осложнилась. Отбросив наши войска с Керченского полуострова на Кубань, гитлеровцы начали новый штурм Севастополя. Одновременно они постепенно развивали своё наступление из района Харькова, явно готовясь к мощному броску на восток. Знакомые работники штаба гадали: на носу 22 июня – годовщина войны; не приурочит ли Гитлер, любящий эффектные жесты, к этой дате новый удар?

Все же в штабе, да и повсюду тогда, вплоть до Москвы, господствовала уверенность, что на сей раз противнику не удастся добиться такого продвижения, каким завершилось его прошлогоднее вторжение в СССР. Высказывались самые оптимистические прогнозы. По рукам ходила газета с отчётом о заседании сессии Верховного Совета СССР в Кремле, на котором 18 июня Молотов сказал: «Будем надеяться, что наш общий

враг скоро почувствует на своей спине результаты всевозрастающего военного сотрудничества трёх великих держав».

22 июня пришло и прошло, а на Брянском, как и на большинстве других фронтов, ничего существенного не случилось. На следующий день было опубликовано сообщение Совинформбюро об итогах года войны, в котором было сказано:

К весенне-летним операциям немецкое командование подновило, конечно, свою армию, влило в армию некоторое количество людских и материальных резервов. Но для этого гитлеровским заправилам пришлось взять под метёлку все остатки людей, способных держать в руках оружие, в том числе ограниченно годных, имеющих крупные физические недостатки. В течение зимы гитлеровское командование неоднократно обещало немецкому населению весной начать «решающее» наступление против Красной Армии. Весна прошла, но никакого решающего наступления германской армии не состоялось.

Конечно, на фронте такой протяжённости, каким является советско-германский фронт,— гитлеровское командование ещё в состоянии на отдельных участках сосредоточить значительные силы войск, танков и авиации и добиваться известных успехов. Так, например, случилось на Керченском перешейке, где немцы, накопив преимущество в танках и в особенности в авиации, добились успеха и заставили наши войска отступить. Такие успехи для немцев не исключены на отдельных участках фронта и в ближайшем будущем. Но одно совершенно очевидно, что успехи, подобные успехам на Керченском перешейке, ни в какой мере не решают судьбу войны. Эти успехи временны и преходящи...

И далее следовал вывод, что год войны обнаружил полный провал планов рейха, что тыл гитлеровской армии разлагается и т.д.

Естественно, что после такой информации настроения благодушия и успокоенности заметно усилились. А ведь это сообщение, как мы теперь знаем, было опубликовано за пять дней до начала стремительного наступления фашистов на Курском направлении, когда в руках у нашего командования уже был его план, захваченный у взятого в плен немецкого майора,— план «Синей» операции (Воронежской), которая должна была осуществляться сразу же после завершения операции в районе Харькова.

В тот же день, когда газеты опубликовали успокоительное сообщение Совинформбюро об итогах первого года войны, в вечерней сводке о ходе военных действий появились горькие строки: «На Харьковском направлении **наши** войска вели бои с наступающими войсками противника. Наши войска несколько отошли на новые позиции». А через день, 25 июня, было объявлено, что наши соединения после упорных боев оставили Купянск.

Теперь противник обеспечил себе исходные позиции для генерального удара на юго-востоке. Но предварительно он хотел укрепить свой левый фланг, чтобы не повторилась прошлогодняя ростовская история,

кончившаяся для него разгромом. И вот 27 июня на Харьковском направлении наступило затишье, а на рассвете 28 июня гитлеровцы двинулись на Воронеж в обход Касторной с юга и севера.

НАЧАЛО НЕВИДАННЫХ СОБЫТИЙ

Случилось так, что ту памятную ночь, когда вермахт начал осуществление своей «Синей» операции, я провёл в боевом охранении 4-го гвардейского полка (ранее 401-го стрелкового) 6-й гвардейской дивизии, входившей в 13-ю армию. Хотелось написать очерк о комсомольцах, несущих свою вахту на самом переднем крае. Я познакомился с замечательными ребятами, узнал много интересного об их фронтовой жизни, но очерк этот так и остался ненаписанным: разворачивались серьёзные события, в которых важную роль предстояло сыграть танкистам, и мне нужно было срочно возвращаться к Катукову. В моем фронтовом дневнике сохранилась такая запись:

Вновь разыскивая след 1-го танкового корпуса, я заехал в Елец. Он как будто выглядит очень мирно, но это обстрелянный город, город-фронтовик, в котором знают цену бою. Может быть, поэтому здесь сейчас так спокойно? Сегодня город трижды подвергался воздушным налётам: в 4 часа утра прилетали самолёты-разведчики, в 5 часов и в полдень – бомбардировщики. Били по вокзалу. Тревога за день объявлялась шесть раз, наша авиация отгоняла гитлеровцев.

И все-таки, укрывшись за противотанковыми рвами и минными полями, за проволокой, натянутой в несколько рядов, ощетинившись зенитками, город продолжает жить и работать. Все так же дымят трубы предприятий. На углу площади продают розы, по радио транслируют вальсы И. Штрауса. Девушки идут в городской сад посмотреть кинокартину «Трактористы». У одной из них – свежая повязка на голове, вероятно, результатом бомбёжки. А на окраине сада стоят военные патрули, зорко всматривающиеся в голубое небо, которое не предвещает ничего хорошего.

Покупаю в газетном киоске свежий номер «Красной звезды», разворачиваю его и замираю как вкопанный: перед глазами – страшный снимок горящего Севастополя, до боли знакомая площадь у Графской пристани и в центре – окружённый пожарищами памятник В.И. Ленину. Да, судя по всему, нас ждёт ещё одно горькое лето...

Сворачиваю на соседнюю улицу и вдруг вижу на скамеечке своих друзей из фронтовой газеты «На разгром врага» Хелемского и Викторова. Оказывается, редакция переезжает в деревню: в городе стало слишком беспокойно. От них узнаю, что на фронт приехал фотокорреспонтер «Комсомольской правды» Борис Фишман на своём выдавшем виды под Москвой «пикапе». Стало быть, кончаются мои мятарства и уже не нужно охотиться за попутными машинами – будем ездить вдвоём.

Вскоре я разыскал Фишмана, и мы решили заехать в штаб фронта, чтобы лучше сориентироваться в обстановке и узнать, где же сейчас находятся катуковцы. К ним мы добрались только к вечеру. На месте выяснили, что командование фронта уже ввело в бой танковые соединения и 1-й танковый корпус Катукова брошен на левый фланг 13-й армии. Он занял рубежи вдоль левого берега реки Кшень, южнее города Ливны. К стыку 13-й и 40-й армий направлен 16-й танковый корпус М.И. Павелкина. Кроме того, 40-ю армию подкрепили двумя танковыми бригадами – 115-й и 116-й.

События разворачивались очень быстро, положение на Брянском фронте складывалось тревожное. Ставка Верховного Главнокомандования перебрасывала сюда все новые и новые танковые части: с Юго-Западного фронта к Старому Осколу подтягивались 4-й корпус В.А. Мишулина и 24-й В. М. Баданова, из Воронежа – 17-й корпус

Н.В. Фекленко. В полную боевую готовность была приведена 5-я танковая армия А.И. Лизюкова.

Повторяю, многое нам было ещё не ясно, но в одном мы были уверены: солдаты и офицеры, с которыми мы так близко сошлись и подружились за год войны, сделают все возможное и даже невозможное, чтобы сдержать новую волну гитлеровского наступления. И теперь, когда я перелистываю свои записи, относящиеся к той далёкой поре, становится как-то теплее на душе при мысли о том, что в июне–июле 1942 года на мою долю выпало редкое счастье ещё раз стать очевидцем их героических боевых дел.

В течение нескольких дней нам не удавалось выехать в части, которые вели отчаянно трудные бои: пока корреспондентов центральных газет туда не пускали и нам приходилось довольствоваться теми крохами информации, которые, руководствуясь строгими правилами военного времени, скрупультно отпускали представители штаба фронта. Было досадно, но мы не жаловались: обстановка складывалась серьёзная и, просочись в печать хотя бы малейшая деталь, позволяющая догадаться о передвижении наших быстро маневрировавших танковых частей, гитлеровская разведка немедленно ухватилась бы за неё.

Поначалу казалось, что фашисты собираются нанести главный удар по Воронежу. Но они действовали по плану, который был значительно амбициознее. Уже в вечерней сводке Совинформбюро от 2 июля прозвучало такое тревожное сообщение: «На Белгородском и Волчанском направлениях завязались упорные бои наших войск с наступающими немецко-фашистскими войсками».

Это был удар, нанесшийся в направлении Старый Оскол – Россошь, в обход Южного фронта. Что же произошло у Старого Оскола? В своём дневнике я записал тогда: «Пока что в этом нет большой ясности. Но совершенно очевидно, что наш фронт молниеносно прорван и танковые соединения фашистов устремились на восток».

По отдельным сообщениям мы догадывались, что принимаются какие-то чрезвычайные меры. Из Москвы в Касторное вдруг прибыл командующий бронетанковыми войсками Я.Н. Федоренко. Связисты говорили, что то и дело в штаб фронта звонят из Ставки и к телефону часто подходит сам Сталин.

Конечно, мы не могли претендовать на то, чтобы нас посвящали в военные тайны; единственное, к чему мы тогда стремились,— это выезд в сражающиеся части. К Катукову пока попасть было невозможно, но 2 июля нам с Фишманом удалось пробраться в 129-ю отдельную танковую бригаду полковника Ф.Г. Аникушкина, о первых успехах которой упомянули в штабе ещё 29 июня, информируя военных корреспондентов о ходе боев. И вот что я записал тогда:

...Степь, привольная орловская степь уходила далеко, к самому горизонту. Лишь кое-где возвышались холмы, поросшие дубравами. Но в этот мирный тургеневский пейзаж войны внесла свои поправки. Холм теперь уже не холм, а высота Н, густая нива, изрытая воронками, уже не нива, а передний край, тихая серебряная речка — водный рубеж. И даже небо, которым любовался И.С. Тургенев, стало теперь военным небом, и горе тому, кто вовремя не заметит в нем длинный чёрный силуэт «мессершмитта». Вот и сейчас немного поодаль взметнулись вверх фонтаны чернозёма и послышалась дробь пулемётов. Мы едем к танкистам, о которых теперь говорит весь фронт. То, что сделали эти люди, не укладывается ни в какие законы стратегии и тактики.

Рано утром 28 июня противник прорвал фронт на стыке 13-й и 40-й армий, здесь наступали три пехотные и одна танковая дивизии немцев, они создали тройное превосходство в пехоте и артиллерии и многократное — в танках. Наши стрелковые части начали откатываться на восток и юго-восток. Для восстановления положения в 11 часов утра в сражение первой была введена бригада Аникушкина. Маневрируя с большим искусством, действуя из засад, танкисты, так же как это сделал в прошлом году Катуков под Орлом, сбили фашистов с толку, заставив их поверить, будто перед ними свежая танковая армия, и удержали рубеж. Продвижение 11-й немецкой танковой дивизии было остановлено. Однако обстановка оставалась крайне напряжённой. Немцы упорно пытались развернуть наступление, но танкисты Аникушкина стояли крепко, как говорится, не на жизнь, а на смерть.

В течение 30 июня гитлеровцы пятнадцать раз бросались в атаку, но каждый раз их наступление захлёбывалось. В последующие дни обстановка накалилась ещё сильнее. И когда мы с Фишманом утром 2 июля отправились в 129-ю танковую бригаду, нас предупредили: «Будьте осмотрительны. Гитлеровцы опять повели наступление, пытаясь взять бригаду в кольцо». Только на правом фланге сейчас наступает свыше тысячи фашистских солдат, при мощной поддержке артиллерии и танков они вновь пытаются войти в тыл 13-й армии и развить успех в наступлении на Ливны...

Раскаты артиллерийской канонады все ближе. Изредка слышна даже трель крупнокалиберных пулемётов. Вот и командный пункт бригады: невзрачная, полуразбитая хатенка, в углу на корточках, понутив голову, примостился старик, рядом с ним – девочка. Кругом идёт бой, куда их денешь? И танкисты оставили старика с девочкой при себе. Под яблоней – замаскированная походная кухня. Бойцы с гранатами у пояса несут в свои взводы ведра с супом.

К хатенке только что подкатил на танкетке лихой танкист, он приволок мотоцикл, отнятый у гитлеровца, который разматывал на ходу телефонный провод, и теперь, смеясь, докладывает: «Связь с фашистами установлена». Из вырытого во дворе блиндажа доноситсяластный голос: «Именем Родины ни шагу назад! Сделайте все, что можете, и в десять раз больше того. Не отходить!» Это командует по телефону командир бригады полковник Аникушин.

Нас встречает комиссар бригады – высокий человек с Золотой Звездой на груди, полковой комиссар Котцов. Он внешне спокоен, но за спокойствием кроется большое напряжение. Чувствуется, что обстановка на этом участке фронта весьма серьёзная. И все же комиссар находит время, чтобы ввести корреспондентов в курс дела. Бригада отражает наступление гитлеровцев с 28 июня, начиная с рубежа посёлок Тим – Бор – станция Студёной. Ожесточённые танковые бои шли в районе посёлка Красный – деревня Зиброво. 29 июня сражались у села Кривцов Плот. Два дня обороняли станцию Студёный. Держались полукошьцом, без соседей, с открытыми флангами. Вели уличные бои в Баранчике. Сейчас бригада держит оборону по высотам у реки Кшень. С флангами по-прежнему дело обстоит неважко: слева – пусто; только за рекой оказывается стрелковый полк, фронт которого растянут на целые десять километров, справа воюет мотострелковый батальон одной из бригад Катукова...

— Катукова? – Я чуть не подпрыгнул: значит, наши друзья здесь, рядом, и скоро мы с ними встретимся!

— Да, Катукова, – продолжает полковой комиссар. – Они воюют неплохо, но неравенство сил очень большое.

Наши танки контратакуют, стремимся не допустить разрыва с катуковцами. Всего за эти дни мы уничтожили двадцать пять немецких танков, пятнадцать орудий и полторы тысячи гитлеровских солдат и офицеров. А сейчас рекомендую вам побывать в батальонах. Особенно в первом танковом батальоне, если удастся туда пробраться. Там капитан Козлов. Вы слыхали о Козлове? Замечательный человек!..

Конечно, о Козлове знали все. Дважды орденоносец, герой нескольких войн, капитан Козлов дерётся пятый день. В первом же бою он разбил вражеский танк, раздавил 4 противотанковых орудия и 3 противотанковых ружья, расстрелял 50 фашистских автоматчиков. На другой день он с тремя танками обратил в бегство 15 танков противника, один из них уничтожил, рассеял эскадрон кавалерии и раздавил 9 орудий.

Ещё через день он опять разбил гитлеровский танк, две противотанковые пушки и бронетранспортёр. Фашисты уже узнают грозную машину Козлова и в страхе бегут от неё.

Итак, вперёд, к Козлову...

Мы подъезжаем к реке с отлогими илистыми берегами. Наскоро наведена переправа. Рядом с нею ревут и фыркают восемь мощных тягачей, они вытягивают наш танк, застрявший в иле при попытке форсировать реку. Недалеко отсюда под соломенным навесом установлен полевой телефон, рядом с ним замаскирована соломой машина с походной радиостанцией. Вероятно, это и есть командный пункт батальона.

— Штаб капитана Козлова?

— Нет, здесь 2-й батальон старшего лейтенанта Буланова. Козлов со своим батальоном ушёл в атаку. Только что. Придётся подождать...

Мы достаём блокноты и просим начальника штаба 2-го танкового батальона старшего лейтенанта Латышева, молодого танкиста с обгоревшими волосами, рассказать, как воюют его люди. Сначала он отネкивается, ссылаясь на то, что капитан Козлов расскажет гораздо более интересные вещи, потом все же соглашается и короткими, отчеканенными, военными фразами излагает ход событий этих пяти дней, изредка отрываясь, чтобы поговорить с кем-то по полевому телефону. Вот краткая запись его рассказа из моего фронтового блокнота:

Первый бой с танками противника принял 28 июня в 10 часов утра. Гитлеровцы прорвались со стороны хутора. Моя рота – я тогда командовал ротой – развернулась в боевой порядок. Командир танка Бордюков сразу сжёг вражескую машину, но тут же получил удар. Я, видя это, атаковал второй фашистский танк, удариивший по Бордюкову, и сжёг его двумя снарядами. Справа в меня стреляет немецкая пушка. Я давлю её гусеницами. В это время третий фашистский танк бьёт по машине старшего лейтенанта Соловьёва, а Соловьёв бьёт по нему. Фашист промахнулся, а Соловьёв удариил точно и остановил его на месте. Справа подходят ещё два вражеских танка. Один из них я подбил. Раздавил ещё одну пушку. В этот момент в мою машину попадают сразу три снаряда. Танк горит – видите, как у меня обгорели брови и волосы? Как быть? Я подаю команду: на горящем танке отойти в лощину и погасить огонь. Механик-водитель выполнил приказ. Радист и командир орудия, как и я, обгорели, зато машина была спасена. Загорелся и танк Бордюкова, который тоже погасил пожар, а машину его вытащил на буксире наш КВ. В том бою мы потеряли один танк, это был танк комиссара роты Зарицкого...

Латышев извинился, позвонил куда-то по телефону, что-то проверил, потом продолжал:

— Второй бой – 29 июня. Наша танковая рота стояла в обороно. Я в это время был в санчасти – вытаскивали у меня из глаз

крошки триплекса. Из моего танка командир орудия Титовский уничтожил ещё один вражеский танк. Кроме того, рота отражала из засады атаки пехоты. Истребили до двухсот гитлеровцев...

Третий бой – 30 июня. Два раза ходили ротой в контратаки. Из этого боя не вернулся мой заместитель лейтенант Нестеров. Он подбил два фашистских танка, раздавил три орудия и расстрелял до роты пехоты. Тем временем младший лейтенант Лысенко уничтожил на своём КВ ещё почти роту пехоты, два орудия и несколько пулемётных гнёзд. За день он израсходовал три комплекта боеприпасов. Командир танка Попович и механик-водитель Серегин подбили три вражеских танка.

Четвёртый бой – 1 июля: мы опять занимали оборону, сдерживая наступление гитлеровцев.

Сейчас я – начальник штаба батальона. В строю у нас осталось два КВ, три «тридцатьчетвёрки» и три лёгких танка. Наша боевая задача – сдерживать танки и пехоту противника, наступающие по лощине с фланга, и не дать им замкнуть кольцо. Сейчас бой идёт рядом с нами. Приходится трудновато, но я уверен, что выстоим и на этом раз...

Бой гремит за высотой, широкий гребень которой уходит к реке. Оттуда доносятся рёв моторов и лязг стали: наши танки идут на врага. Бешеным лаем заливаются пулемёты. Бухают пушки. Слышатся разрывы мин. Но вот в грохот врезаются сухие чеканные удары.

— Танки Козлова начали бить, – говорит Латышев, потирая свои обгоревшие белые брови. – Здорово! Каждому бы так...

Начальника штаба опять зовут к телефону. Треск пулемётов становится все явственнее, теперь уже слышны дробные очереди фашистских автоматов. Пришло время бросить в бой все, что есть на этом участке. Начальник штаба отдаёт приказ. Потом подходит к нам:

— Козлову придётся задержаться. Может быть, вы подойдёте поближе – вон за той высоткой есть небольшая лощина. В ней – наши исходные позиции. Время от времени танки возвращаются туда. Возможно, вы встретите там и Козлова.

…На машине дальше ехать нельзя, приходится идти пешком. Неширокая дорога пролегает между двумя стенами высокой, в рост человека, рожи. Недавно фашисты бомбили эту рожь: поле в черных заплатах, глубокие круглые воронки зияют на склоне. По их краям рожь скошена, словно комбайном. Посечённые колосья вянут на сырой земле...

Вот и лощина. У стога сена – наспех вырытый окопчик, это временный командный пункт 1-го батальона. Рядом, подминая рожь, маневрируют несколько наших могучих машин, которые поддерживают огнём действия танков, ушедших в атаку. Меняя позиции, они бьют из своих длинных крупнокалиберных орудий. Сноп пламени, резкий удар, протяжный свист и снова удар. Снаряды уходят через гребень – туда, где стоят вражеские батареи противотанковых орудий, препятствующие

продвижению наших танков. Борис Фишман, немного нервничая, фотографирует танки, ведущие огонь. По правде говоря, мы ещё ни разу не бывали в такой переделке непосредственно на поле боя.

Капитана Козлова всё ещё нет. Бой в самом разгаре.

Снова гремят орудия танков. Из могучего КВ выходит юный командир. Силясь перекричать грохот канонады, он обращается к представителю штаба бригады, пришедшему с нами:

— Снаряды! Срочно шлите снаряды! Мы отобьёмся, но дайте больше снарядов.

— Говорю вам, будут снаряды. И снаряды, и обед. Приказано — обедать!

Где-то там, за гребнем, случилась беда: высоко к небу поднялся чёрный столб дыма. Очевидно, фашисты зажгли наш танк. Чья машина? Это выяснится позже, когда танки вернутся из боя.

А капитана Козлова все нет и нет... Видимо, нам так и не удастся повидаться с ним. Танкисты, перегруппировав машины, снова уходят вперёд. И опять в нарастающем темпе за гребнем шумит бой, напоминающий своими звуками ритм какого-то чудовищного завода — завода, вырабатывающего смерть.

Поздно вечером в штабе бригады подводят итоги боя. Вражеская колонна рассеяна ценой больших усилий. Танкисты не только задержали, но и опрокинули её. У нас тоже немалые потери, сейчас они подсчитываются.

Нам хочется наконец встретиться с Козловым, но комиссар Котцов мрачнеет, когда мы спрашиваем его о капитане. Нахмутившись, он коротко говорит:

— Танк Козлова сгорел.

Так вот чей столб дыма и пламени мы видели за гребнем! Становится тоскливо на душе; хотя нам не удалось познакомиться с капитаном Козловым и его экипажем, все же каждому из нас кажется, что мы потеряли близких, родных людей.

Но война есть война. Нельзя давать волю чувствам. В штабе продолжается все та же напряжённая работа. Сегодняшняя атака противника отбита. Значит, сейчас начнётся новый манёвр. Сил у нас на этом участке стало меньше, а у гитлеровцев их все ещё очень много. Значит, надо будет опять удвоить упорство.

Люди смертельно устали, но они понимают, что отступать некуда. Недаром сейчас в армии рубеж, который держат танкисты Аникушкина, называют бронированным рубежом. На него возлагают большие надежды, и хочется верить, что танкисты устоят, пока подойдут наши резервы. Им все ещё приходится сражаться почти без пехоты, но они будут держаться до последнего танка, до последнего человека...

В штаб фронта мы возвращаемся ночью. Машины идут с потушеными фарами по пыльной просёлочной дороге. Темно.

Останавливаемся в небольшой деревеньке. Черные силуэты изб под соломенными крышами, призрачные тени высоких тополей. Несмотря на поздний час, в деревне никто не спит. Хлопают калитки, белеют в темноте лица. Но что это?.. Слышится знакомый рокот танковых моторов – значит, здесь под покровом ночи размещается ещё одна наша танковая часть. Вдруг из сада доносится чей-то сердитый голос:

— Тише ты, чёрт! Куда прёшь, тут же грядки...

Голос как будто знакомый. Кто же это может быть?

Майор Бурда? Ну конечно, он!

Заходим в избу. Короткий разговор. Майор тоже рад видеть старых знакомых. Но сейчас ему, право, не до бесед. Его танки быстрым маршем идут вперёд, здесь – только короткая остановка. Им уже пришлось драться на этом участке немного севернее, но теперь положение осложнилось на юге и вся часть спешит туда.

— Помните, как у Суворова: «Где тревога, туда и дорога». Вот так и мы. Михаил Ефимович Катуков часто повторяет эту фразу.

Танкистов провожают всем селом. Какая-то старуха крестит танки и, семеня за ними, кричит вслед:

— Бог вам в помощь, сыночки! Чтоб вам змея раздавить и вернуться живыми...

Танки стройной колонной уходят вперёд. Много их в нынешних боях на всех участках, это не прошлый год. Нередко именно они решают исход боев. И какие же это прекрасные машины! Рубежи, которые они защищают, действительно можно назвать бронированными рубежами.

Оборона Севастополя уже тогда воспринималась как героическая страница в истории Великой Отечественной войны, и мы по-настоящему гордились подвигом его защитников. Но в то же время мы прекрасно понимали, что потеря Севастополя ещё больше затруднит наше положение в боях за оборону юга страны. Гитлеровское командование быстро перебрасывало на север высвободившиеся войска, которые до этого были скованы в битве за Севастополь, усиливая ими свои армии, прорывавшиеся на восток.

В этой обстановке, усложнявшейся с каждым часом, нам, военным корреспондентам, собравшимся на Брянском фронте, становилось все труднее следить за развитием событий: в штабе было явно не до нас. Да и трудно было ожидать, что в сложившихся условиях представителям печати дадут возможность рассказать о происходящем больше того, что сообщалось в крайне скучных сводках Совинформбюро. Поэтому, узнав от А. Бурды направление, в котором двигался неуловимый М.Е. Катуков, я снова поспешил к нему, чтобы из первых рук получить информацию о том, как воюют наши старые друзья. Ведь наверняка на их участке происходит много важных событий. Бурда на ходу успел сказать мне, что танкисты отбили у гитлеровцев несколько деревень...

Итак, вечер 3 июля. Наш фронтовой автомобиль снова в пути. Мы долго колесим по размытым дождями просёлочным дорогам. Приближа-

ется ночь. Передний край совсем близко: в агатовом небе виснут гирлянды зеленоватых осветительных ракет. Сырой ветер доносит грохот артиллерийских залпов, рокот пулемётов, сухой треск автоматов. Стреляют впереди, сбоку и где-то в стороне, почти что сзади. В довершение ко всему мы застреваем в грязи у моста. При нашей активной помощи усталый до смерти шофер Миша Сидорчук еле-еле вытаскивает машину из залитых водой ухабов. На Бориса Фишмана жалко глядеть: он промок до нитки.

Но вот наконец и командный пункт. Как всегда, танкисты виртуозно замаскированы, и найти их нам помог только случай: Сидорчук увидел знакомого шофёра... Одинокий домик в лесу кажется заброшенным – ни огонька, ни дымка, телефонные провода змеятся в траве и надёжно укрыты. В кустах упрятан фургон походной радиостанции. Движение вокруг дома без крайней необходимости строжайше запрещено. В горнице при свете керосиновой лампы за некрашеным сосновым столом, склонившись над картой, слаженно работает группа офицеров во главе с Катуковым.

Генерал, как обычно, внешне спокоен, даже может показаться, что он невозмутим, хотя я готов побиться об заклад, что на душе у него скребут кошки: обстановка на фронте складывается совсем не так, как думалось две недели назад, когда мы толковали с ним о перспективах нынешнего лета. Однако сейчас Катуков не хочет ни говорить, ни думать об этом. Он весь поглощён делом и, как всегда, работает, не давая эмоциям взять верх над рассудком. Сейчас ему нужно быстро распутать довольно сложный тактический узел: гитлеровцы только что форсировали реку, стремительным броском заняли деревню на фланге и пытаются продвинуться дальше, зайти в тыл, окружить танкистов.

– Ничего, – говорит генерал, – сейчас мы их успокоим. А вот насчёт этого пункта надо подумать обстоятельно...

И он вдруг карандашом отмечает деревню, лежащую в стороне от участка, к которому сейчас приковано всеобщее внимание.

Немало наших танков искусно маневрирует в эти дни на широком фронте, неожиданно появляясь на пути фашистов, опрокидывая их и уничтожая образцово организованным огнём. Недаром танкисты несколько месяцев продолжали учёбу, готовясь к решающим летним боям.

...Приказ выступать 1-й танковый корпус получил в ночь на 29 июня. Задача была такая: нанести контрудар по гитлеровским войскам. Как ни мало было времени на сборы, командование успело придать вступлению корпуса в бой торжественный характер. Танкистов построили на зелёном лугу, вынесли славное знамя гвардейцев, овеянное пороховым дымом в зимних боях. Катуков произнёс клятву танкистов – не опозорить в бою честь знамени, умножить её новыми подвигами. Потом опустился на колено и бережно поцеловал священное полотнище. Танкисты повторили клятву слово в слово.

Наутро танки пошли в бой. Прямо с марша они двинулись на участок, где создалось напряжённое положение: две фашистские дивизии, поддержаные 60 танками и артиллерией, вклинились в нашу оборону и рвались к крупному населённому пункту. Воздух дрожал от разрывов авиа бомб и артиллерийских снарядов. Танкистам предстояло пройти сквозь эту огневую завесу, остановить врага и отбросить его.

Среди зелёных тополей у живописных деревушек закипела жестокая битва. Внезапный удар наших танков был успешным: гитлеровцы, не ожидавшие этой встречи, дрогнули и стали откатываться. Но вскоре к ним подключились мощные силы авиации. По танкам, которые упрямо продвигались вперёд, били 75 «юнкерсов» и «хейнкелей». Откуда-то прилетели даже итальянские «капрони». У нас же все ещё не хватало истребительной авиации, да и зенитной артиллерии было маловато, поэтому танковые части несли потери.

И все же корпус продолжал наступление. Особенно дружно и активно, как всегда, дрались 1-я гвардейская танковая бригада. В моем фронтовом блокноте сохранились беглые заметки об успехах старых друзей, достигнутых в те дни:

Боевой счёт

Капотов: 1 танк, 3 авто, 1 миномёт, 15–20 чел. пехоты.

Борисов: 3 полевые пушки, 1 противотанковое орудие, 50– 60 чел. пехоты.

Кузьмин: 1 пушка, 2 миномётные батареи, 15 чел. пехоты.

Чучко (командир роты лёгких танков): 2 пулемёта, 60 гитлеровцев, врезался в скопление фашистов, бил их из пулемёта, давил гусеницами.

Ещё один жестокий и трудный бой провели гвардейцы 30 июня в районе Опытного поля. То был внезапный встречный бой, который принял батальон А. Бурды. Развёртываться из походной колонны в боевой порядок пришлось под огнём. Сверху гвардейцев атаковала авиация, в лоб шли танки, сбоку, из-за железной дороги, вдоль которой продвигался батальон, били фашистские пушки.

В этом столкновении погиб один из лучших танкистов, Герой Советского Союза И. Любушкин: только он справился с вражеской пушкой, как вдруг прямым попаданием бомбы была разбита башня его «тридцатьчетвёрки». Любушкин и его башенный стрелок Литвиненко были убиты, стрелок-радист Егоров тяжело ранен, и только механик-водитель Сафонов остался невредим. Он успел выскочить из охваченной пламением машины. Танк Любушкина горел на глазах у его товарищей до захода солнца, и то, что пережили они тогда, невозможно описать...

В боях за Опытное поле батальон Бурды уничтожил 30 июня два фашистских танка и несколько орудий, а 1 июля – ещё 3 танка, 18 орудий, 10 автомобилей с грузом и около 250 человек пехоты. Гитлеровцы были отброшены.

Продвинулись наши танкисты и на других направлениях. Но продвижение давалось дорогой ценой, и корпусу Катукова было приказано перейти к обороне: ведь наступление гитлеровцев на их участке было уже остановлено. Враг на север не прошёл, но его ударные соединения, которые действовали южнее, продолжали двигаться на восток. Корпус получил новый приказ: сдать свой участок фронта пехоте, переместиться на восток по направлению к населённому пункту Волово и удерживать рубежи между реками Кшень и Олым, не давая гитлеровцам расширить прорыв.

Обстановка все время осложнялась. Надо было действовать стремительно и скрытно. Оставив в заслоне свою мотострелковую бригаду и мотострелковый батальон 1-й гвардейской танковой бригады и прикрываясь танковым арьергардом, корпус незаметно оторвался от противника. Гитлеровская авиация не знала об этом манёвре, и поэтому он был осуществлён без потерь. Выполняя приказ командования, танкисты Катукова беспрепятственно промчались по просёлочным дорогам к новым пунктам сосредоточения и 2 июля в 6 часов утра с ходу вступили в бой.

Фашисты никак не ожидали здесь советских танкистов. Вражеские танки и пехота без особых предосторожностей свободно переправлялись через реку, когда внезапно появились наши могучие машины. Они ринулись вперёд, уничтожая технику и солдат противника. На улицах деревни Калиновка осталось много трупов, десятки сожжённых и подбитых машин. Развернулся бой за Мишино – важный в военном отношении пункт, прикрывавший транспортную артерию, уходившую в наш тыл. Одна из танковых бригад разгромила здесь полк фашистской пехоты и два дивизиона тяжёлой артиллерии. ещё не отшумело эхо битвы, как пришла весть о новом манёвре противника: в обход танкистов шла свежая, только что прибывшая гитлеровская дивизия. Севернее Калиновки фашисты форсировали реку и овладели деревней Огрызово.

В ночь на 3 июля одна из частей корпуса Катукова, передвинувшись на 10 км, контратаковала врага и к двум часам овладела тремя населёнными пунктами. Весь день продолжались упорные, напряжённые бои. И вот опять ночь. В избе бодрствует штаб. Генерал складывает карту. Теперь ему все ясно: через 6 часов в гитлеровском штабе вычеркнут из списков ещё одну дивизию. Конечно, и у нас будут потери и, планируя предстоящий бой, тяжело думать об этом. Но такова война...

Генерал видит: люди вымотались, устали. Он сам дорого дал бы за то, чтобы хоть часа два соснуть. Но спать сейчас нельзя. Каждая минута может принести что-нибудь новое – ведь в немецком штабе тоже не спят. Телеграфный аппарат молчит. Передышка. Людей охватывает дремота. И Катуков, свёртывая цигарку из махорки, вдруг говорит:

— Сказку рассказать вам, что ли?

Люди ожидают. Они очень любят своего командира – это простой и весёлый человек, никогда не теряющий бодрости и присутствия духа. С самым серьёзным видом он начинает рассказывать:

— Однажды по Сахаре шёл караван. День, два... На третий день к вечеру путники сделали привал. Хозяевами каравана были три купца. Один из них заметил в песке белые кости и стал откапывать их длинным посохом. Кости оказались верблюжьими. Купец копнул глубже и наткнулся на человеческие кости. ещё глубже – обнаружил шкатулку. Купец подозвал друзей, и вместе они раскрыли шкатулку. В ней были бриллианты. Решили довезти шкатулку до города, найти ювелира и попросить его разделить находку между ними поровну по стоимости, исходя из ценности каждого камня...

Это была очень долгая история, генерал во всех подробностях рассказывал о том, как в дороге кто-то похитил бриллианты, как все купцы подозревали друг друга, как они пришли к царю Соломону и попросили его рассудить их и как мудрый Соломон с помощью очень тонкого психологического манёвра безошибочно определил виновного и тот со стыдом извлёк из своего полого посоха краденые драгоценные камни...

Генерал говорил неторопливо, тихо, спокойно, будто находился не у самого переднего края фронта, в момент, когда решалась судьба этого участка, а где-нибудь в доме отдыха в мирное время. И его спокойствие передавалось другим. Цель была достигнута: разрядилось напряжение, люди отвлеклись, забыли о сне.

На дворе посветлело. Тяжёлые, налитые дождём тучи ползли по свинцовому небу. Близился час, когда танки снова должны были ринуться в бой. Послышался шум мотора: на юрком вездеходе примчался командир разведчиков, наш старый знакомый майор Гусев. Он всю ночь колесил по бездорожью, объезжая участок, занятый танкистами. Рядом с ним на сиденье покачивался скочившийся от страха, грязный, мертвяки пьяный фашистский ефрейтор, который бормотал что-то невразумительное.

- Гусев, откуда ты это чучело выкопал?
- Майор Давиденко поймал. Он за пулемётом сидел.

Майор выскоцил из танка, схватил его за шиворот, бросил на броню и привёз...

Гусев уходит для доклада к генералу. Пленного ведут на допрос. Он до сих пор не может прийти в себя от изумления. Русские танкисты – это черти в его представлении. Разве полагается танкистам прыгать из танка и брать людей в плен? Ведь ни в каком уставе этого нет.

Из кармана ефрейтора извлекают документы. Тут же аккуратно напечатанные на машинке похабные стишкы «Модная женщина», визитные карточки, засушенный ландыш, фотография невесты. Начинается допрос.

Ефрейтор сообщает, что он командир отделения. В прошлом – художник из Дортмунда. Ему 27 лет. В армию был призван три с половиной года назад. В Россию попал в апреле 1942 года. Высадились в Полоцке, оттуда – пешком до линии фронта через Рославль, Орёл. В наступление перешли у города Тим.

- Почему вы воюете против нас?
 - Немец обязан выполнять свой долг...
 - Вы считаете свою войну справедливой?
 - Не знаю.
 - За что же вы воюете?
- Ефрейтор пожимает плечами:
- У нас служба – обязанность.

От пленного разит спиртным перегаром. Глаза у него сонные, тупые, без проблеска мысли. Да, чудесно воспитала этого художника из Дортмунда гитлеровская Германия...

Утро 4 июля. На левом фланге слышны залпы орудий. Начинается новая операция, к которой штаб Катукова готовился ночью. Сейчас наши танки пойдут в атаку.

Дождь, холод, грязь. Бой за деревню Огрызово длится уже несколько часов. Идёт борьба за каждую пядь земли. Фашисты, занявшие несколько деревень, прекрасно понимают важность захваченного ими плацдарма и хотят во что бы то ни стало удержать его. Наши танкисты получили приказ выбить их оттуда. Естественно, обе стороны дерутся с невероятным напряжением.

Катуков снова сидит за картой. Телефон, телеграф, радио непрерывно связывают его со всеми подразделениями. Из 1-й гвардейской танковой бригады вдруг сообщают: «Противник ведёт наступление из Пожидаевки». Генерал спокойно отдаёт распоряжение и продолжает говорить то по одному, то по другому телефону. Только что он дал указания помощнику по технической части Дынеру:

– Ускорить всемерно ремонт и ввод в строй подбитых танков. Держать 75 % боевых машин в полной боевой готовности, остальные 25 % – в получасовой. Особое внимание обратить на подвоз боеприпасов и горючего.

Начальнику штаба приказано учесть опыт последних боев, указать командирам частей на недостатки, выявившиеся в ходе сражения.

На своей карте командир танкового корпуса явственно видит широкое поле боя, раскинувшееся на десятки километров. Вот здесь только что наши части ворвались в деревню. Завязалась горячая схватка на улице. Рядом освобождена ещё одна деревня. Наши танки оттеснили фашистов к реке. Но вот противник перешёл в контратаку и опять выбил нас из деревни. Генерал бросает новые силы на этот участок, и фашистов прогоняют вторично.

Мощная бронированная группировка, управляемая генералом, действует безотказно. Казалось, что здесь, на узком плацдарме, изрезанном оврагами, работает механизм, в котором один за другим перемалываются вражеские полки. Гитлеровцы держатся час, второй, третий, но в конце концов нервы у них сдают и они начинают отходить.

Днём мы наконец отправляемся в Огрызово – наши войска овладели этой деревней. Но пробираться туда нужно очень осторожно, по

оврагам: все подступы к деревне просматриваются и вражеская артиллерия, расположенная за рекой, яростно бьёт по каждой движущейся точке.

На краю села ещё трещат автоматы: наши автоматчики выбивают фашистов, спрятавшихся во ржи. Танки ведут бой слева и справа. Они утюжат рожь, давят блиндажи, наспех возведённые гитлеровской 88-й пехотной дивизией, продвигаются все дальше вперёд. Мы проходим мимо нашего миномётного взвода, миномётчики бьют по фашистам из оврага. Совсем неподалёку от нас, за селом, идёт в атаку наш танк. Рядом с ним разрывается снаряд. Подбило? Нет. Танк пятится назад – как видно, механик проверяет действие рычагов, – потом снова идёт вперёд. На бугре суетятся фигурки разбегающихся гитлеровских солдат: там рвутся наши мины.

В деревне догорают избы, подожжённые фашистами, но большая часть домов уцелела. Слишком жарко пришлось гитлеровцам, и они не успели скечь деревню, как обычно это делали.

У одного из домов останавливаемся. Жуткая картина. Здесь сидели трое наших солдат. Зажигательный снаряд попал прямо в них. Пахнет горелым мясом, обугленные тела ещё дымятся. В пыли – скрученные взрывом винтовки, помятый котелок и чудом уцелевшая ложка. Пробегая мимо, бойцы нашей мотопехоты оглядываются на погибших товарищем. Лица бойцов строги, в глазах – решимость, сейчас они сочтутся с врагом и за это...

Треск автоматов и пулемётов на окраине села усиливается: противник огрызается. В деревне опять рвутся мины и снаряды, но это лишь слабый отзвук жестокого боя, который гремел здесь. Гитлеровская дивизия уже обескровлена, и ей не удастся вернуть село. Наши танки теснят её остатки дальше и дальше за реку.

Мотострелки, освободившие деревню, щеголяют трофеинным оружием. Группа бойцов с любопытством заглядывает в изрешечённый осколками снарядов вражеский бронетранспортёр. Деловитый старшина выгружает из него награбленное фашистами добро: мешки с продовольствием, краденые брюки, галоши, советские книги. Я спешу на бегу сделять кое-какие записи.

Из погребов выбираются бледные от волнения колхозники. Плачет женщина – осколок мины ранил её корову. Один из автоматчиков на мгновение задерживается и тут же по-хозяйски даёт совет, как вылечить корову: надо отварить древесную кору и ставить примочки. Видно, до войны работал на животноводческой ферме. Женщина благодарит и немного успокаивается. Другая колхозница, подставив алюминиевое ведро, начинает доить свою бурёнку. Та тревожно шевелит ушами, слушая разрывы мин, но стоит спокойно.

Удивительно устойчив деревенский быт! Только что закончился страшный кровопролитный бой, а жизнь уже восстанавливается. Озираясь по сторонам и пригибаясь при свисте пуль, ходит по огороду старуш-

ка, ссывая разбежавшихся ягнят. Бородатый старик, опасливо выглядывая из двери, зазывает в хату голодных цыплят и сыплет им пшено. Женщины выносят из погреба кувшины с холодным, со льда, молоком и угощают запылённых, усталых бойцов. Молодая девушка, с ненавистью глядя на трупы в серо-зелёных мундирах, говорит нашему командиру:

– Не пришлось иродам здесь похозяйничать...

Вернувшись на командный пункт М.Е. Катукова, узнаем подробности операции в целом. Очищены от врага несколько населённых пунктов. Прорыв гитлеровцев на этом участке фронта ликвидирован. Угроза их выхода в тыл нашим танкистам миновала, с огромными потерями фашисты отброшены за реку.

Командующий по телефону поблагодарил Катукова за успешное развитие операции. Поставлена новая боевая задача: активная оборона, перемалывание гитлеровских резервов. Надёжно обезопасив свой правый фланг, танкисты приступают к её осуществлению. Налажена связь с соседями: справа – 15-я стрелковая дивизия Д.Н. Слышкина, старого друга и соратника М. Е. Катукова, слева – гвардейцы И.Н. Руссиянова. С Руссияновым генерал тоже когда-то служил в одном полку, в те далёкие времена он был помощником командира роты, а Руссиянов – командром взвода...

В тот вечер мы с Борисом Фишманом пребывали в замечательном, приподнятом настроении, которое возникает всегда, когда собственными глазами видишь успех наших войск. Мы даже позволили себе роскошь отлично высаться на ворохе сухого сена – такой возможности у нас давно уже не было. Но если бы мы толком знали все, что происходило в эти часы на фронте, нам вряд ли удалось бы заснуть: несмотря на частичные успехи, достигнутые нашими войсками, остановить гитлеровцев, продвигавшихся на восток и юго-восток, не удавалось. Катукову это конечно же было известно, но по понятным причинам он не мог и не хотел говорить нам всего.

Размышляя теперь о тех днях, я могу лишь поражаться изумительной выдержке и стойкости этого человека, который в крайне тяжёлых условиях оставался невозмутимым и спокойным, словно корпус его стоял не на переднем крае, а где-нибудь в резерве и на фронте ничего существенного не происходило.

В действительности же было вот что: на фронте все шире развёртывалась генеральная битва 1942 года. Вермахт начал большое наступление. Если ещё незадолго до этого многие военные специалисты думали, что удар на стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта мог быть лишь отвлекающим манёвром, а главный удар, как и в прошлом году, будет все же нанесён в направлении Москвы, то теперь все яснее становилось, что Гитлер сосредоточил свои основные силы на южном крыле фронта. Его генералы рассчитывали мощным ударом прорвать нашу оборону, а затем окружить и уничтожить не только отдельные армии, но и целые фронты. Для этого они стянули на участок своего главного уда-

ра большие силы, отлично вооружённые и экипированные. И сейчас там разгорались ожесточённые сражения, от исхода которых зависело очень многое.

В тот день, 4 июля, когда мы в отличном настроении бродили по улицам только что освобождённой на северном фланге Брянского фронта деревушки, центр событий стремительно переместился к Воронежу: передовые части 48-го гитлеровского танкового корпуса вырвались к Дону. Остановить их было некому – как ни спешили к линии фронта резервные армии, развернуться на подступах к Воронежу они не успевали. На широком пространстве к югу отсюда так же быстро распространялись маневрировавшие фашистские бронированные полчища. Некоторые части нашей 40-й армии оказались за быстро перемещавшейся к востоку линией фронта и спешили вырваться оттуда, чтобы соединиться со своими главными силами.

На рассвете этого тревожного дня на Брянский фронт неожиданно прилетел начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский. Ставка поручила ему ускорить ввод в бой 5-й танковой армии, которая за три дня до этого была передана командованию фронта, чтобы нанести сокрушительный удар по левому флангу гитлеровской группы армий Вейхса, устремившейся на восток и юго-восток. В состав 5-й танковой армии входили 2-й танковый корпус Лазарева, 11-й танковый корпус Попова, 340-я стрелковая дивизия, 19-я ударная танковая бригада. 5 июля в состав армии был включён ещё 7-й танковый корпус П.А. Ротмистрова, прибывший из Калинина.

Выяснив, какие силы из фронтовых войск можно было бы дополнительно привлечь к участию в контрударе, А.М. Василевский вместе с начальником штаба Брянского фронта генерал-майором М.И. Казаковым направился на КП командующего 5-й танковой армии генерал-майора А.И. Лизюкова. Произведя вместе с командиром и начальником штаба фронта рекогносцировку, он уточнил задачу 5-й танковой армии: одновременным ударом всех её сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки врага, прорвавшейся к Дону, и сорвать её переправу через реку. С выходом в район сел Землянск – Хохол 5-я армия должна была помочь войскам левого фланга 40-й армии отойти на Воронеж через Горшечное – Старый Оскол.

Но тут стало известно о новом осложнении обстановки – на сей раз на правом крыле Юго-Западного фронта. Теперь серьёзная угроза нависла над всем югом страны. А. М. Василевский был немедленно отозван в Москву. Ответственность за осуществление задания он возложил на командарма Лизюкова и штаб фронта.

Изменилась в этой обстановке и боевая задача Катукова. Он должен был со своим корпусом передвинуться на восток, чтобы занять плацдарм рядом с танкистами Лизюкова и вместе с ними начать бить фашистов фронтом на юг. Его прежний участок передавался частям Павелкина и Слышкина.

Теперь 1-й танковый корпус размещался по фронту от села Сухая Верейка до правого берега Дона. В подчинение Катукова передавалась 4-я отдельная стрелковая бригада. Правее располагались части 13-й общевойсковой армии.

Всего этого, повторяю, мы тогда не знали и знать не могли.

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ В ЮДИНЕ

Когда утром 5 июля мы проснулись и в отличном расположении духа направились в штаб, то нашли там весьма озабоченных людей. Нам сообщили, что гитлеровское радио только что возвестило о невероятных успехах вермахта. Было объявлено, будто гитлеровцы взяли Воронеж и быстро продвигаются дальше. Сообщалось, что этой операцией командует Браухич и что его штаб находится в Киеве. На самом деле Воронеж гитлеровцы ещё не захватили, но его положение уже было критическим.

В новые планы, разрабатывавшиеся ночью в штабе, нас, разумеется, не посвятили, но быстро, в нескольких словах, проинформировали о том, что происходит на участке фронта, где сражался корпус: около полка гитлеровцев следует в направлении Мишино; противник возобновляет наступление на Огрызово. Я добивался разрешения посетить танковый батальон 1-й гвардейской бригады, которым командовал наш старый друг А. Бурда. Разрешение было дано крайне неохотно: обстановка там оставалась очень напряжённой.

В политотделе у товарища Деревянкина настроение было подавленное: только что на участке Бурды погиб ветеран 1-й гвардейской танковой бригады мужественный офицер Новиков. Его машина и несколько других были подбиты противотанковой артиллерией врага и остались во ржи, в ста пятидесяти метрах от огневых позиций гитлеровцев. Мне довелось отправиться на командный пункт А. Бурды на машине покойного Новикова в сопровождении его бывшего ординарца. Всю дорогу он рассказывал о своём командире, вспоминая о нем как о живом человеке. Трудно поверить, что теперь всегда придётся говорить о Новикове в прошедшем времени: «Он был...»

— Он такой храбрый, смелый,— без конца повторял ординарец.— В бою никогда не ляжет, всегда в рост. Вот два дня назад мы с ним на передовую ездили, так я страху набрался — трудно очень было, а он — хоть бы что. Мне сапог осколком пропороло, а его ни разу не царапнуло... А вот сегодня оставил его одного, и смотрите, что получилось,— горестно заключил парень, словно это он был виноват, что Новиков теперь уже никогда не сможет пойти в атаку.

Наконец мы у цели: лощина, речка, яблоневые сады. Когда-то здесь была деревня Юдино, теперь от неё не осталось даже печных труб. Но в сводках эта лощина все ещё фигурирует как населённый пункт: «...танковый батальон майора Бурды обороняет деревню Юдино». Сре-

ди развесистых яблонь – группа отлично замаскированных танков и небольшой штабной автобус.

Передний край пока проходит за отлогой высотой на юге лощины. Оттуда доносится несмолкающий гул. Укрывшись под раскинутой плащ-палаткой – с утра опять моросит надоедливый, не по сезону холодный дождь, – телефонист поддерживает непрерывную связь с соседями. Рядом на грузовике – походная радиостанция. Молодой радист слушает эфир, ловит голоса боя.

Майор Бурда только что кончил бриться и аккуратно расправляет складки гимнастёрки. На груди поблескивают два ордена – он надел их на случай трудного боя. Лицо его совершенно невозмутимо, словно он на обычном учении. Между тем обстановка весьма серьёзная, последнее сообщение из соседнего танкового батальона, которым командует Бойко, гласило:

«Противник вводит в действие все больше артиллерию. Усиливается нажим пехоты. Из Алексеевки движутся 12 фашистских танков. Мы отошли в Большую Ивановку».

С переднего края от пехотинцев опять примчался разведчик с новым донесением: гитлеровцы атакуют высоту. Их силы во много раз превосходят наши. Нужна немедленная помощь. Бурда отдаёт короткий приказ, и шесть грозных танков, вихрем вырываясь из укрытий, устремляются вперёд. Это пошла в бой танковая рота старшего лейтенанта Педченко: четыре Т-34, два Т-60. На одной из «тридцатьчетвёрок» – мой старый друг Капотов, а я так хотел с ним потолковать... Придётся ждать, пока он вернётся. Засекаю время: 9 часов 40 минут утра. Все ли машины выйдут из боя невредимыми? И когда? К сожалению, на этих танках нет радиопередатчиков, поэтому мы ничего не узнаем об их судьбе, пока они не вернутся... Вот они нырнули в ручей, и столбы радужных брызг поднялись к небу. Вошли в рожь и устремились вперёд, как броненосцы, плывущие по безбрежному морю. Вскоре танки скрылись из вида.

Со стороны высоты слышны сухие удары танковых пушек: наши танкисты вступили в бой.

На командном пункте тишина. Ждут новых сводок. От Бойко передают: «На высоте 230,0 обнаружено 9 немецких противотанковых орудий». Майор негромко говорит:

– Ни разу не видел у немцев столько артиллерию, сколько они сейчас вводят в бой. Научились, значит, ценить наши танки. Ничего! Мы ещё больше набьём себе цену...

Дождь усиливается. Бой немного утих. Усталый майор начинает дремать. Павел Заскалько, заместитель Бурды, вполголоса рассказывает мне, как долго и безуспешно искали тело И. Любушкина после боя на Опытном поле. Его обгорелый танк стоял в восьмидесяти метрах от насыпи железной дороги, занятой фашистами. Туда поползли вызвавшиеся добровольцами посыльный Абдурахманов и повар (к сожалению, его фамилию Заскалько не помнит). Они с величайшими предосторож-

ностями, скрытно подобрались к танку и влезли в него. Но внутри все выгорело дотла. Под машиной нашли спёкшиеся свинец и олово – все расплавилось, такой был сильный жар. От людей остался только пепел. Подобрали обгоревый наган Любушкина, он пережил своего хозяина, но теперь, конечно, стрелять из него уже невозможно...

Вспоминаем подмосковные бои, Скирманово, где и Заскалько горел, у него на лице до сих пор следы ожогов. Многих потеряла бригада с той поры. Но боевые традиции её живы, и молодёжь дерётся не хуже прославленных «стариков», которых уже нет в строю: Д. Лавриненко, И. Любушкина и других.

...Около трёх часов пополудни. Бой приближается. Явственно слышны длинные, захлёбывающиеся очереди пулемётов, без передышки бьют автоматы. Особенно нарастает огонь слева, на участке 2-го танкового батальона. Приходит донесение: западнее деревни гитлеровцы ввели в бой 17 танков и полк пехоты, рассчитывая нанести удар по флангу. Командир 2-го батальона И. Бойко отражает их натиск короткими жёсткими ударами. Он сообщает Бурде по телефону: гитлеровцы откатываются. И сразу же огонь усиливается на самом гребне высоты, мы отлично видим, как фашистские снаряды и мины рвутся в километре отсюда.

Майор подзывает молодого щеголеватого танкиста, в котором я узнаю Леонида Лехмана. О нем говорят, что его можно послать на разведку хоть в пекло – вернётся невредимым да ещё прихватит «языка» из армии Вельзевула.

— Поезжайте к высоте... Нужно знать, что делают там сейчас наши шесть танков. Разведайте и немедленно возвращайтесь.

Лехман повторяет приказание, отдаёт честь, поворачивается. Через минуту он уже в машине.

К майору подходит повар, плечистый сибиряк Пинегин.

— Нельзя же так, товарищ майор! Генерал приказал кушать, — напоминает он, по-видимому, уже не в первый раз.

Майор раздражённо машет рукой:

— Ну ладно, тащи.

Обрадованный повар несёт кастрюлю с макаронами, согретыми на костре, банки с консервами, хлеб. Здесь же, под яблоней, командиры наскоро закусывают, не отводя глаз от гребня вершины. Но Бурда ни к чему не притрагивается: он ждёт результатов разведки. И вот уже слышен знакомый рёв танка. Майор выскакивает и бежит навстречу машине Лехмана. Она останавливается. На башне видны свежие следы осколков, но танк невредим. Открывается люк, и выскакивает Лехман. Он мрачно докладывает:

— Товарищ майор, танк Капотова подбит. Я видел, как возле него копошились фашисты. Мы хотели подойти, но артиллерия не подпустила. Во ржи противотанковые пушки. Мы их помяли малость, но танк Капотова вывезти не удалось. Остальные машины ведут бой...

Танк Капотова подбит!.. Тяжёлая весть. Даже эти бывалые люди потрясены. Майор, отказываясь поверить, тихо повторяет:

— Капотов? Капотов? Да не может быть...

Но бой есть бой. Преодолевая волнение, он произносит официально:

— Продолжайте доклад.

Сведения, привезённые Лехманом, говорят о новом продвижении противника. Танкистам трудно держаться: не хватает пехоты. Дорого дали бы гвардейцы за то, чтобы их мотопехота, оставшаяся на соседнем участке, оказалась теперь здесь! Пехотинцы стрелковой части, измотанные многодневными боями, не в силах противостоять напору гитлеровцев.

Закончив доклад, Лехман с силой швыряет наземь свой чёрный шлем и с горечью восклицает, обращаясь ко мне:

— Видите вон тот холм? Я насчитал там только семь человек... Вы понимаете, этот холм держат семь пехотинцев! Если гитлеровцы сунутся туда, они пройдут, обязательно пройдут...

И как бы в подтверждение этих слов над холмом появляются и тают облачка разрывов. Фашисты начинают новую атаку. Майор не может бросить вперёд свой последний резерв. Он должен беречь его до конца...

Продолжаю вести записи в своём блокноте. Вот эти прыгающие, неразборчивые строки — они воспроизводят хронометраж боя без изменений:

17 часов 45 минут. Сильная пулемётная стрельба. Вой снарядов, мин. На скате высоты — перебежка нашей пехоты. Она явно отходит. Видны разрывы снарядов: это наша артиллерия ставит заградительный огонь на пути гитлеровцев. Миномётчикам, расположившимся неподалёку от нас в лощине, передано указание открыть огонь по наступающим фашистам. Слышен треск автоматов. Бурда спокойно читает в газете сообщение Совинформ-бюро о боях у Волхова.

18 часов 00 минут. Получена радиограмма из 2-го танкового батальона: к высоте 211 пробираются фашистские автоматы, отрезают танки. Обстрел усиливается ещё больше. Наша артиллерия непрерывно ведёт огонь, но противник продолжает продвигаться вперёд. Вот на гребне показались черные точки. Сейчас даже невооружённым глазом можно разглядеть перебегающих по склону фашистских солдат. Их много, очень много. Лехман показывает мне немецкую кавалерию — она подгоняет свою пехоту.

Видно, как отходит наша пехота. Бойцы цепляются за каждый бугорок, строчат из пулемётов, стреляют из винтовок, вступают в рукопашные схватки. Но гитлеровцев в несколько раз больше, и они наступают. Теперь уже ясен их замысел: психическая атака... Шагая во весь рост, они идут напролом. Перед ними — шквал огня. Разрывы приближаются к нашему саду. Теперь мины ложатся совсем близко. Отдана команда: «По щелям». Осколки с царапающим слух шуршанием сбивают листву с яблонь. Один из них тяжело падает рядом с нами.

Заскалько пригибает голову; к этому трудно привыкнуть даже самому закалённому солдату.

Круглолицый сержант подбирает с земли серенькую ещё тёплую птичку и говорит, разглядывая её:

— Во как воробья навернуло!

Бурда оглядывается и мрачнеет. С досадой он отвечает:

— Глупый ты... Какую птицу убило! Кончится бой – похороним...

Это был соловей. Говорят, смелая была птица: не боялась мин и не хотела покидать свой сад.

18 часов 30 минут. Гитлеровцы бросили в атаку три полка. Они наступают одновременно в нескольких направлениях. Нам видно, как впереди фашисты катят руками противотанковые пушки. Сзади движутся батареи на конной тяге – при каждом орудии восемь коней. В их боевых порядках рвутся наши снаряды. Солдаты падают, пушки разлетаются. Но гитлеровцы продолжают идти вперёд.

— Точь-в-точь, как в фильме «Чапаев», – хрипло говорит Бурда. – Ну, сейчас им дадут дрозда! Оглянитесь назад!

На скат горы стремительно взлетают машины с нашими реактивными миномётами, ласково прозванными на фронте «катюшами». Словно на параде, развертываются они на открытой позиции. Реактивные миномёты бьют в упор массированными залпами на предельно короткой дистанции. Сотни мин с воем, в дыму и пламени проносятся над нашими головами, и сразу же на противоположном скате, где только что маршировали гитлеровцы, поднимаются клубы дыма и языки зловещего пламени. Все горят. Сотни фашистов остаются лежать на покрившей земле. Среди уцелевших – замешательство. Тщетно пытаются восстановить порядок выскочивший из-за бугра эскадрон кавалерии. Гитлеровские солдаты не хотят идти на верную смерть.

Вражеский штаб просчитался. Полагая, что наши бойцы психологически надломлены, фашисты бросили в бой все свои силы. А советское командование, как ни тяжело нам пришлось, сберегло резерв, и сейчас, пользуясь минутным замешательством в рядах противника, свежие подразделения наших танков вылетают из укрытий и бросаются вперёд. Это и есть переломный момент боя.

Уже сгущаются сумерки, а сражение все не утихает. До самого неба встают над пылающими деревнями зловещие столбы дыма. Надрывно воют бомбы. Далеко по степи разносятся лязг стали и рёв танковых моторов. В воздухе пахнет порохом, гарью, отработанным бензином. И как-то странно ощущать в эти минуты запах жасмина: цветут сады. Но предаваться лирическим ощущениям некогда – наступают критические минуты боя.

Наконец германское командование убеждается в том, что эта схватка им проиграна. Поредевшие цепи фашистов отходят за гребень высоты. Разведчики сообщают: «Враг окапывается и тянет проволоку». Артиллерийский и миномётный огонь утихает. Усталые бойцы начинают

готовиться к ночлегу в наскоро открытых окопах. По ухабам просёлков пробираются походные кухни с запоздалым ужином.

Мы возвращаемся в штаб генерала Катукова. Здесь все уже поглощены новыми тактическими замыслами. Операция кончена, надо готовиться к следующей, и корпус передвигается на новый участок фронта, чтобы действовать вместе с танкистами Лизюкова.

— Сейчас уже ясно, что фашисты поняли: здесь им не пройти,— говорит Катуков.— Наступление противника на нашем участке можно считать законченным.

Да, танкисты вновь остановили продвижение гитлеровцев. И все же я чувствовал, что и Катуков, и его ближайшие соратники испытывали какую-то внутреннюю неудовлетворённость. Ведь каких-нибудь десять дней назад, когда на Брянский фронт отовсюду стекались мощные танковые соединения, думалось не об обороне, нет — о наступлении, об активных действиях, о контрударах. Но на войне нередко случается непредвиденное. Видимо, нам все ещё не хватало опыта массированного использования танков. Одно дело — бои под Москвой, где наши танкисты превосходно овладели в бою тактикой использования небольших подразделений, и совсем другое — летние операции 1942 года, когда речь шла о вводе в бой танковых корпусов и даже танковой армии. Теперь танкисты проходили второй курс своих фронтовых университетов. У них появилось много новых находок, открытых и блестящих удач, однако были и трагические неудачи и даже провалы, за которые приходилось расплачиваться дорогой ценой.

Но мы знали, чувствовали: этот опыт принесёт свои плоды, так же как принесли их бои под Москвой 1941 года. Но теперь уже было совершенно ясно, что «годика», о котором говорил Сталин на параде 7 ноября, для окончания войны, конечно, не хватит. Впереди предстоит ещё очень много сражений и тяжких жертв, прежде чем советские войска дойдут до Берлина. Все твёрдо верили, что война закончится именно там. И тем ответственнее танкисты относились к каждой боевой операции, тем строже судили себя за малейшую неудачу, когда сделанное оказывалось хоть на чуточку меньше того, что можно было сделать.

В своём дневнике за 5 июля 1942 года читая такую запись:

5 июля. 8 часов 45 минут вечера. Только что вернулся с колокольни, откуда открывается широкий вид на Юдино, где сегодня сражались танкисты Бурды. Сейчас там спокойно — гвардейские миномёты отбили у гитлеровцев охоту лезть вперёд.

Тихий вечер. Облака. Красивый закат над огородами, садами, ручьями, текущими в глубоких оврагах. На дорогах пылят отходящие с поля боя израненные танки. У самого горизонта — дым: только что отбомбилась наша авиация. Фашистское наступление на этом участке фронта остановлено.

Все-таки в штабе у Катукова невесело. Генерал бродит по хате с каменным лицом, пока офицеры торопливо укладывают документы в

ящики: сегодня ночью переезжаем на новый участок. Я понимаю, отчего у него горько на душе: тяжело видеть, как прекрасно подобранные для массированного контрудара соединения расходуются в боях, что называется, в розницу⁹.

Вначале корпус ввели в бой южнее Ливен – на Опытном поле. Понесли большие потери под ударами вражеской авиации: прикрыть танки с воздуха было нечем, а приказ один – драться во что бы то ни стало. Гитлеровцев на том участке остановили, но рядом, южнее, образовалась новая, ещё большая дыра, и они опять ринулись на восток.

Потом задумали эффективные «клещи» вместе с корпусом М.И. Павелкина. Опоздали на день... Тем временем Павелкина окружили, и он отошёл за реку Ольм. Некоторое время связи с ним не было, начали даже думать, что он погиб вместе со своим штабом. Но Павелкин нашёлся. Перед ним поставили задачу: наступать, опираясь на правый фланг Катукова. Тем временем 1-й танковый корпус должен был обеспечить железную оборону. Однако его мотострелки остались на старом рубеже – там не оказалось пехоты. Здесь же танкисты могли рассчитывать лишь на сильно обескровленную 15-ю стрелковую дивизию Слышикина, которая уже трижды побывала в страшных переделках и теперь была не в состоянии обеспечить танкистам надёжную поддержку.

Сегодня с утра 88-я и 385-я пехотные дивизии гитлеровцев перешли в наступление, почти без танков, но с огромным количеством артиллерии в боевых порядках. В штабе на это известие поначалу реагировали спокойно, и Катуков сказал мне, когда я уезжал к Бурде:

– Корячатся две фашистские дивизии, но мы их положим на землю.

К вечеру гитлеровцев действительно остановили. Но какой дорогой ценой! Танковая гвардия потеряла лучших из лучших своих людей, не говоря уже о потерях в технике. Чтобы решить судьбу сражения, пришло ввести в бой последний резерв Катукова – реактивные мицномёты...

Эта поездка даёт мне очень многое. Я начинаю лучше, чем в прошлом году, понимать цену, какую мы вынуждены платить за каждую отвоёванную деревню, за каждый рубеж, за каждую высоту. Ведь вокруг меня не какие-то отвлечённые тактические единицы, а живые, ставшие мне близкими, почти родными люди. Вот сейчас пишу и вижу перед собой тронутое застенчивой улыбкой открытое лицо юного романтика из Подмосковья Капотова, с которым мы так подружились. Он не вернулся в Юдино, и мы, наверное, уже никогда его не увидим. А Новиков? А Любушкин? А десятки других ветеранов 1-й гвардейской?..

И ещё: больно, невыносимо больно отступать во второй раз, видеть искажённые страданием лица местных жителей, которых мы вторично покидаем, снова отходя на восток.

Да, поистине тяжка школа войны, которую мы проходим в эти дни. Сомнений нет: советские солдаты, офицеры и генералы – спо-

собные ученики и не за горами то время, когда фашисты в полной мере почувствуют силу наших ударов. Впрочем, и сейчас эти удары весьма чувствительны: 385-я пехотная дивизия фашистов за последние дни потеряла уже 60 % своего состава

Да, танкистам предстояло ещё многому научиться, и боевой опыт давался дорогой ценой.

ДВА НЕМЦА

К утру 6 июля мы завершили трудный ночной переезд по раскисшим от дождей вязким чернозёмным просёлкам к месту нового расположения штаба 1-го танкового корпуса. В дороге потеряли цепь, которая помогала нашему многострадальному «пикапу» бороться с грязью, и теперь не столько ехали, сколько тащили на себе машину, невероятно мокрые и грязные. А вокруг бессильно жужжали, словно мухи, налипшие на клейкую бумагу, сотни других автомобилей. Окончательно обессилев, мы приткнулись к какой-то избе и часок поспали в кузове «пикапа».

Разбудило нас яркое солнце – наконец-то июль напомнил о себе. Я поспешил узнать, чем закончился бой у Юдина. Оказывается, в 4 часа утра, пока мы ползли на своём «пикапе» по шоссе, гитлеровцы захватили эту деревню, или, вернее, то место, на котором она когда-то стояла. Однако танкисты Бурды тотчас же выбили их оттуда. Сейчас все утихло. Разведчики намекнули нам, что теперь надо ждать больших событий на новом участке, где сосредоточиваются наши танковые соединения для контрудара по левому флангу гитлеровцев, прорвавшихся к Воронежу.

В ёщё не тронутой войной деревне, куда перебрался штаб корпуса, царило идиллическое спокойствие. Цвёл жасмин, пели птицы, мычали коровы. Люди были заняты извечными крестьянскими делами, хотя и чувствовалось, что их тревожило прибытие с запада такого большого числа военных: уж не новое ли отступление готовится?

Нет, на этом участке не могло быть и речи об отступлении, он был надёжно прикрыт броневым щитом. Но южнее и юго-западнее обстановка продолжала осложняться.

Гитлеровцы сосредоточили для наступления не только собственные войска, но и армии своих сателлитов. В дело былпущен и неприкосновенный фонд германского командования – резервные кадровые дивизии, которые до этого тщательно сберегались в глубоком тылу на крайний случай.

Генералы «великого рейха» никогда не отличались человеколюбием по отношению к своим солдатам. И сейчас они действовали с предельной жестокостью: построив дивизии в затылок друг другу, гнали их вперёд, в самое пекло сражения. В течение немногих часов те буквально таяли на глазах. Но им на смену прибывали все новые и новые соединения. Решив любой ценой прорвать фронт, фашистское командование

не жалело для этого ни людей, ни техники. Ведь второго фронта все ещё не было!

Естественно, нас, военных журналистов, в эти дни особенно интересовали пленные. Хотелось узнать, что они думают, как отразилось пережитое на их психологии, что кроется под твёрдой скорлупой знаменистой немецкой дисциплины.

О некоторых встречах такого рода я уже рассказывал. Не все они были интересны: одни немцы были настолько запуганы рассказнями Геббельса о «русских зверствах», что, оказавшись в пленау, теряли всякий человеческий облик и были не в состоянии связно отвечать на вопросы. Другие, дрожа за свою шкуру, угодничали и старались говорить только то, что, по их мнению, могло понравиться «гоподину советскому офицеру».

Но встречались и такие пленные, чьи рассказы были весьма интересны: они помогали понять, что происходит во враждебном нам государстве, находящемся во власти национал-социализма, как там живут люди, что думают те из них, кто ещё не разучился мыслить.

Утром 6 июля в штаб 1-го танкового корпуса привезли двух пленных. И до чего же разными людьми они оказались! Это были член гитлерюгенда Гайнц Г. из Саксонии и шахтёр Людвиг Г. из Рура. Гайнца Г. взяли у ручья, куда он с тремя приятелями ходил за водой, троих наши бойцы застрелили, а этого схватили за шиворот и притащили сюда. Людвига Г. никто не ловил, он пришёл к нам сам, предъявив в качестве пропуска советскую листовку, сброшенную с самолёта.

Но сначала о питомце гитлерюгенда. Узнав о поимке этой птицы, я очень обрадовался: давно хотелось откровенно потолковать с воспитанником нацистов, посмотреть, что представляет собой идейный противник наших комсомольцев.

Передо мной сидел под кустиком, скаввшись, словно затравленный волчонок, белобрысый сморчок, маленький и плюгавенький человечишко 21 года от роду. Офицеру, который его допрашивал, он деловито сообщил, что в его роте в первый же день наступления убито 38 человек, ещё 38 ранено. В строю осталось 18. Четверо ушли за водой, из них трое убиты, он, четвёртый, в пленау. Стало быть, теперь в роте 14 солдат.

Потом я попросил Гайнца рассказать о себе, о своей жизни, о том, как и почему он вступил в гитлерюгенд, чему его там учили и что он вынес из этой учёбы. Он растерянно взглянул на меня: по-видимому, таких вопросов ему никогда не задавали, а сам он над ними не задумывался. Но в пленау, по его мнению, нельзя отказываться отвечать на вопросы, так как ему, наверно, будет плохо, если он не станет говорить. И Гайнц заговорил монотонным голосом. Он попросту рассказывал свою биографию: так ему было легче.

Да, он воспитанник гитлерюгенда. Почему он стал членом этой организации? Все очень просто! Когда мальчику исполняется четырнадцать

дцать лет, его принимают в союз. Как эта организация функционирует? Тоже очень просто: по месту жительства. Сначала в отряде, в который принимали школьника Гайнца, было около 120 человек. Потом, после того как фюрер стал рейхсканцлером, он увеличился до 400 человек: сами родители следили за тем, чтобы их дети не оказались вне этой организации.

Чем занимались в союзе? Учились маршировать, стрелять, вести огонь по самолётам, водить мотоцикл, автомобиль, с 1934 года изучали планер. ещё работали в трудовых лагерях – строили дороги, аэродромы. Это когда уже исполняется семнадцать лет. Работа с семи часов утра до полудня, потом – с часу дня до семи вечера. Возили песок, камни.

Ещё что делали? Учились петь песни. Вы хотите послушать? Пожалуйста. Гайнц поёт механически, бездушным голосом, без всякого выражения, словно заводная кукла:

*Вы слышите сигнал к бою?
Друзья, мы будем сражаться
все вместе.
Мы не позволим себя обижать.
Мы боремся за свои идеи.
К борьбе мы готовы
все вместе.*

– Гайнц, а что же собой представляют ваши идеи, за которые вы хотели сражаться? И кто вас обижал?

Он глядит на меня пустыми глазами. В них медленно пропаивает удивление: до сих пор он не задумывался над этими вопросами и у него нет готового ответа. Он мучительно долго размышляет, стараясь припомнить, что говорили ему сначала местный фюрер гитлерюгенда, двадцатилетний служащий банка Штенцель – о, этот был важной птицей, он объединял под своей высокой властью девять территориальных организаций города Бауцен, где жил Гайнц, – потом господин офицер. Он старателльно что-то вспоминает. Наконец его глаза радостно вспыхивают, и он чеканит ровным голосом:

— Нас учили бороться против большевистской России, существование которой опасно для нашего тысячелетнего рейха. Когда мы разгромим Россию, всем немцам будет хорошо. Будет что купить, будет возможность всем хорошо жить и одеваться, и всем будет хорошо. Россия – большое государство, богатая и опасная страна, она больше Германии во много раз, и она может нас обидеть. Но мы сильнее, потому что в мире нет более сильного солдата, чем немецкий. Мы победим, потому что этого хочет сам Гитлер, а то, чего хочет великий фюрер, всегда сбывается.

Выпалив единственным духом эту тираду, словно механически заученный урок, Гайнц Г. вдруг сникает. Он испугался: одно дело говорить такие вещи в своём отряде гитлерюгенда или в винной лавке, где он служил

продавцом, пока его не призвали в армию, и совсем другое дело отвечать на вопросы большевистского офицера, когда ты попал в плен.

Гайнц затравленно озирается по сторонам, пытаясь прочесть на лицах офицеров, прислушивающихся к беседе, какая судьба его ожидает,— казнят ли его немедленно или же немного погодя. Но большевики не спешат хвататься за пистолеты. Они лишь брезгливо усмехаются:

— Каков щенок?.. Вымуштровали... Ничего, поработает в лагере военнопленных, придёт в себя.

Судят не Гайнца Г., судят Гитлера и его бесчеловечную партию, которая отравила сознание молодёжи и превратила её в пушечное мясо...

А вот разговор со вторым пленным. Людвигу Г. 28 лет. Он сын рабочего и сам рабочий. Работал слесарем в шахте Ботторо Рурской области. Его призвали в армию лишь 12 января 1942 года — Гитлеру нужен был уголь для военной промышленности, и он начал посыпать шахтёров на фронт только тогда, когда прочие резервы уже истощились. Но Людвиг отлично понимал, что эта война ему не нужна, и, когда его дивизия прибыла на фронт, сразу же начал искать случая сдаться в плен. Это ему удалось 5 июля, когда гитлеровцы штурмовали высоту 224,4.

— Почему вы сдались в плен?

— Потому что знаю: если Гитлер победит, германскому рабочему от этого легче не станет. А погибать зря я не хочу. К тому же русские нам ничего плохого не сделали... Конечно, у нас в роте есть солдаты, которые кричат о войне до победы. Но другие, когда встречаешься с ними наедине, говорят: пусть офицеры воюют сами, если им так хочется. И на шахте у нас многие против войны. Но сказать об этом вслух нельзя. Гестапо создало такую изощрённую систему шпионажа, что никогда не знаешь, с кем ты говоришь — то ли с честным рабочим, то ли с овчаркой Гитлера...

Меня живо интересует жизнь немецких шахтёров, настроения товарищей Людвига. Что происходит сейчас там, в Руре? О чём думают, что говорят, встречаясь друг с другом, немецкие шахтёры? В какой мере и там распространилась фашистская отрава, иссушившая мозги таких людей, как этот несчастный питомец гитлерюгенда Гайнц Г.? Я рассказываю Людвигу о своих впечатлениях от встречи с Гайнцем. Он крутит головой:

— Нет, далеко не все такие. Конечно, поначалу многие поверили Гитлеру. Он говорил, что национал-социалистическая партия за рабочих, что он сам хочет построить свой, национальный социализм, а ради этого надо, дескать, разгромить английских plutokratov и русских большевиков. Насчёт plutokratov рабочие согласны, что с ними необходимо бороться, хотя и непонятно, почему начинать надо с английских? Ведь в Руре хватает и своих, вот с них бы и начать... Но что касается русских, то ведь они ничего плохого немцам не сделали...

Людвиг Г.— беспартийный. Но до 1933 года он читал коммунистическую газету «Рур эхо» и из неё многое понял. В подпольной борьбе про-

тив Гитлера не участвовал – это очень опасно, но разбирался что к чёму. Поэтому, когда его спросили, во имя чего воюет вермахт, он убеждённо ответил:

— Фашизм борется против коммунизма, в этом суть. Конечно, офицеры нам говорят, что мы были вынуждены объявить вам войну, потому что Россия хочет нас завоевать, но это неправда. Правда в том, что Адольф Гитлер стремится завладеть всем миром, а вы стоите у него на пути.

Повестку о мобилизации Людвигу вручили 1 января. «Новогодний подарок», – с горечью иронизирует он. Одновременно получили повестки и многие его товарищи. Вместо них в шахту загнали французов, бельгийцев и поляков, которых поселили в лагере. Там над ними нещадно издеваются. Хуже всего приходится полякам...

Семья у Людвига большая: родители, пятеро братьев, сестра. Все работают на шахте. До войны хотя и было трудновато, но концы с концами сводили. Сейчас стало совсем плохо. Утром – ломтик хлеба и кружка эрзац-кофе, в обед – тарелка супа, на ужин – остатки супа и ещё ломтик хлеба. Прикупить нечего – без карточек продаётся только соль. На ребёнка дают пол-литра молока. Многие солдаты шлют с фронта посылки с разным барахлом, отнятым у русских, но Людвиг чурался такой добычи.

Шахта, где работал Людвиг, – в десяти километрах от Эссена, но он крайне редко ездил в этот город, последний раз был там за две недели до войны. Слышал, что англичане часто бомбили Эссен. Недавно отец сообщил ему намёками, что город сильно разрушен и убитых не успевают хоронить.

Когда Людвиг уходил на войну, родители плакали. Мать говорила, что он ни за что не вернётся. Людвиг не осмелился рассказать родным о своих планах, но сам был спокоен: он будет, обязательно будет жить, потому что откажется участвовать в войне. Сдастся русским и дождётся в плену мира. Когда это будет, он не знает, но теперь ему все равно. Война и так сломала ему жизнь. До войны он собирался жениться; овладел квалификацией слесаря, рассчитывал, что будет хорошо зарабатывать, однако все пошло прахом. Так уж лучше сидеть в лагере для военнопленных, чем рисковать жизнью ради тысячелетнего рейха. Да и проживёт ли рейх тысячу лет? Людвиг в этом сильно сомневается. Он считает безумием воевать против всего мира, как хочет Гитлер...

В палатку, где идёт затянувшийся допрос пленного, входит девушка в военной форме – полевой почтальон. Она раздаёт письма офицерам. Людвиг понял, что происходит. Он печально улыбается, и мне понятно его состояние – вероятно, пройдёт не один год, прежде чем он получит весточку из дома. Но что поделаешь? Такова уж участь военнопленного...

Я не знаю, как сложилась дальнейшая судьба этих двух столь разных немцев, с которыми свела меня судьба в рядовой, будничный день

войны 6 июля 1942 года. Живы ли они? И если да, то как живут сейчас, что делают, о чём размышляют?

Хотелось бы верить, что суровый урок, преподанный им жизнью на изрытых бомбами и снарядами чернозёмных полях Орловщины, где остались лежать десятки тысяч их сверстников, многому научил их и помог сделать правильные выводы...

Александр Самойлов*

Из книги «Судьба комбата» СУРОВОЕ ИСПЫТАНИЕ ЛИВЕНСКОЙ ОБОРОНЫ

Шло время. К весне на фронт из глубины страны хлынуло различное вооружение и боеприпасы. Наш тыл оправился от страшных потрясений первых месяцев войны. Крепла и совершенствовалась ливенская оборона. Командир третьего стрелкового батальона старший лейтенант Иван Иванович Руднев успешно окончил учёбу на краткосрочных курсах усовершенствования командного состава и вернулся на фронт, где обстановка с каждым днём обострялась.

Данные нашей разведки, общая обстановка на советско-германском фронте – всё свидетельствовало о том, что за крупнейшие поражения зимой 1941/42 года немецко-фашистское командование несомненно попытается взять реванш летом. Для наступления на всём фронте у врага не хватит сил и он изберёт какое-то одно, наиболее важное направление. Таким направлением вполне могло стать воронежское, позволявшее в случае успеха выйти в глубокий тыл московской группировки Красной Армии. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал, что весной 1942 года Ставка и Генеральный штаб считали особенно опасными направлениями орловско-тульское и курско-воронежское с вероятным ударом фашистов на Москву путём обхода столицы с юго-запада. В связи с такими предположениями было принято решение к концу весны значительную часть резервов Ставки с Юго-Западного направления сосредоточить в районе Брянского фронта.

* Александр Сергеевич Самойлов много лет талантливо работал в газете «Знамя Ленина», где впервые была опубликована повесть о почётном гражданине города Ливны комбате И.И. Рудневе.

Недавно автор ушёл из жизни.

К июню против 13-й армии и её соседа слева противник сосредоточил значительные силы. Тут были части 1-й бригады СС, 45-я, 88-я, 95-я, 383-я, 299-я пехотные дивизии и одно танковое соединение. По указанию командарма штаб армии разработал несколько вариантов плана действий войск в случае наступления врага. Эти варианты проигрывались с командирами дивизий, полков и батальонов на местности. Генерал-майор Н.П. Пухов очень уважительно, любовно относился к командирам подразделений. Зная внутреннее состояние и переживания комбата И.И. Руднева в связи с тяжёлой болезнью его жены, он был особенно внимателен к нему, называл его, обращаясь к нему, не по званию, не по должности, а тепло и уважительно – «дорогуша».

Во время очередной атаки гитлеровцев 19 апреля комбат Рудnev получает ранение в руку, но остаётся в подразделении до конца боя. И лишь когда возникает угроза гангрены, его отправляют в госпиталь. Ему делают операцию. Самочувствие комбата улучшается.

Десятого мая в палате появляется командир полка Николай Николаевич Николаев.

Звучным, сочным басом он говорит:

– На дворе весна. Ребята скучают по тебе, ждут твоего возвращения.

Руднев упрашивает врачей разрешить надеть ему обмундирование. В тот же день, не дождавшись полного излечения, он уходит на передовую.

Командарм Николай Павлович Пухов постоянно находился в подразделениях. Он знал мысли и чаяния не только своих офицеров, но старался заглянуть в тайники души каждого воина, и, если требовалось, тут же приходил на помощь солдату. Рядовому Баранову было за пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, он добровольно вступил в ряды Красной Армии в районе Ельца. Он не мог спокойно сидеть дома, когда немецкие оккупанты топтали его родную землю. В царской армии он служил фейерверкером, а после Октябрьской революции в рядах Красной Армии сражался с белыми до окончания Гражданской войны.

– Жена меня срамила, – признавался он, – не хотела отпускать на фронт, всё ворчала: «Куда тебе, старому, на войну, иди лучше убирай за коровой».

За добросовестную службу командарм дал Баранову десять дней отпуска, чтобы тот смог побывать в семье, жившей неподалёку от фронта. Когда на фронте создалось особенно угрожающее положение, Баранов явился в село Успенское, где размещался штаб 13-й армии, и, заметив возле штаба командарма Пухова, без обиняков сказал:

– Знаю, что тебе некогда, да и мне надо торопиться. Вот от жены гостинец – две лепёшки на кислом молоке и пяток яиц. Желаю успеха!

Выяснилось, что Баранов, услышав усилившуюся канонаду, понял, что враг переходит в решительное наступление, немедленно прервал свой отпуск и поспешил в своё родное подразделение. Он очень беспо-

коился, не находится ли Пухов в затруднительном положении из-за того, что отпустил его на побывку в такой напряжённый момент. Поэтому и зашёл прямо к командарму, передал подарок от жены и, не задерживаясь, ушёл на передовую. Так он понимал свой солдатский долг.

Так понимали свой воинский долг и все бойцы батальона Ивана Руднева. Наступил незабываемый день – 28 июня 1942 года. Батальон Руднева занимал оборону на высотке южнее Миляево, Вязовицкого сельсовета. Солнце едва поднялось из-за горизонта. Стояла мёртвая тишина, предвмещающая что-то недоброе, грозовое.

Рудnev принимает решение – используя складки местности, маскировку, выдвинуться вперёд, на нейтральную полосу. Решение оказалось очень своевременным. Вскоре небо потемнело от фашистских самолётов.

– Десять... одиннадцать... сорок...

– Не считай, Ваня, – сказал комбат своему ординарцу Атрихалову. – Всё равно не пересчитаешь.

Волнами заходили стервятники на позиции и сбрасывали многие тонны смертоносного груза. Разрывы бомб перемежались с рвущимися артиллерийскими снарядами. Спустя несколько минут траншеи представляли собой бесформенные груды земли, опалённые огнём, усеянные раскалённым металлом. А самолёты, отбомбив позиции, шли на Ливны и продолжали вершить своё подлое, чёрное дело. Именно в этот день древний город над рекой Быстрой Сосной был стёрт с лица земли.

Немцы бросили в наступление на позиции наших войск около трёхсот танков и бронемашин. Сняв кителя и засучив рукава гимнастёрок, волнами шли по ржаному полю вслед за танками фашисты. Наши солдаты видели, как впереди танков во ржи появлялся узкий огненный след: то был снаряд, летела чья-то смерть. Но воины батальона не дрогнули. Как только передние ряды гитлеровцев поравнялись с надёжно замаскированными расчётами противотанковых бронебойных ружей и пулемётов, наши открыли огонь в упор по врагу, отсекая пехоту от танков. Фашисты валялись как подкошенные, но снова и снова лезли напролом вперёд.

в центре обороны, где стояли 148-я стрелковая дивизия и 635-й стрелковый полк майора Г.С. Кадиро из 143-й стрелковой дивизии, враг непрерывно бросал в атаку части 95-й и 45-й пехотных дивизий. До середины дня гитлеровцы не имели успеха. Метко вели огонь артиллеристы 148-й стрелковой дивизии и придданного армии 642-го гаубичного артполка подполковника В.М. Керпа. Несмотря на недостаток снарядов, они сумели сорвать несколько вражеских атак.

В 14 часов противник, подтянув силы, начал наносить сильные удары на стыке 496-го и 507-го стрелковых полков 148-й дивизии. В результате немцам удалось ворваться в траншеи 507-го полка, которым командовал майор Н.Н. Николаев. Завязалась рукопашная схватка. Фашисты не выдержали и отступили. Более ста вражеских трупов валя-

лись перед траншеями батальонов старших лейтенантов И.И. Руднева и Г.Ф. Миронцева.

К вечеру впереди позиций батальона И.И. Руднева, расстилая над землёй зловещие шлейфы смрадного дыма, застыли шестнадцать обгорелых танков с чёрными крестами на бортах.

Через два часа после сильного обстрела артиллерии и ударов пикирующих бомбардировщиков гитлеровцы снова возобновили атаки в центре. Они методически следовали одна за другой. К вечеру, используя численное превосходство, противник на участке 148-й дивизии овладел несколькими деревнями. Незначительно был потеснён и левый фланг 635-го полка на старотимском плацдарме.

Вечером бой затих. Направленцы оперативного отдела ещё уточняли обстановку, когда командарм был вызван к аппарату. Командующий фронтом генерал Ф.И. Голиков, выслушав доклад Н.П. Пухова, сказал: «Обстановку перед фронтом вашей армии не считаю плохой. Вы сохранили управление войсками... Ваше правое крыло и центр дерутся прекрасно» К вечеру в состав армии командующий фронтом возвратил 109-ю отдельную стрелковую бригаду, а ночью по его приказу на восточный берег Кшени выдвинулся 16-й танковый корпус. Воловское направление стало самым опасным. Вдоль Кшени враг мог выйти в тыл 13-й армии.

Штаб 15-й Сивашской дивизии установил связь только с 676-м полком, который занимал оборону вокруг деревни Баранчик. Лишь утром 29-го июня удалось разыскать 47-й и 321-й стрелковые полки. Как выяснилось, они были отброшены противником в полосу 40-й армии. В ночь на 30-е эти части вернулись в полосу 15-й дивизии и заняли оборону на рубеже северо-западнее Ломигор.

На рассвете 29 июня в воздухе появились фашистские самолёты, и вновь загрохотала артиллерия. Бои сразу же приняли ожесточённый характер, особенно на участках 507-го полка 148-й и 635-го полка 143-й дивизий. Всё туже стягивалось кольцо вокруг батальона Руднева. Ночью 29-го июня комбат услышал знакомый звонкий говор. Так и есть, Бурдаев-главный комсомолец дивизии. В саманную хату протиснулся высокий стройный офицер. Светлые волосы, голубые, словно васильки во ржи, глаза. Первая складка морщин на высоком чистом лбу. Гимнастёрка перетянута портупеей. На груди медаль «За отвагу».

— Как дела, командир?

— Как видишь, хвалиться нечем, — ответил комбат. — Мой заместитель Иван Михайлович Авдонин ранен. Боеприпасов осталось немного, люди устали. А фашисты — вот они, в пятидесяти шагах. «Сегодня тяжело всей дивизии, тяжелее чем в декабре под Ливнами. А держаться нужно» — передал приказ комдива В. Бурдаев. «Будем держаться!» — сказал молодой комбат.

В чистом ночном небе поблескивал серебристый диск луны. Стаями и поодиночке, освещённые по краям призрачным матовым светом,

мерно плыли небесные странники-облака. Они напоминали Рудневу весеннюю реку Сосну, когда полноводная, поднявшаяся вровень с высокими обрывистыми берегами, она неторопливо несёт могучие льдины. Достигнув переката, с гулким треском они ломаются, крошатся, встают на ребро, уходят под воду, выныривают и плывут дальше, провожаемые до крутой излучины толпами озорных, рискованных мальчианов – любителей покататься на них.

Магия луны действовала, хотелось спать, от усталости закрывались глаза. Однако снаружи донеслась стрельба.

— Ну, началось, — недовольно вздохнув, заметил Рудnev. — Денёк снова, видимо, будет жарким!

Бурдаев В. пошёл в окопы к бойцам. У подножия возвышенности из тумана едва начали вырисовываться кустики. На востоке занималась заря, готовилось взойти солнце. Владислав Бурдаев обошёл окопчики, боевые позиции автоматчиков, побеседовал с комсомольцами, о том, что на этом рубеже надо сдержать противника во что бы то ни стало.

— Без приказа, ребята, ни шагу назад! – заключил он.

— Будем стоять до конца! – таким был ответ солдат.

Начались бесконечные атаки. Скошенные пулями автоматчиков, гитлеровцы падали, но другие продолжали лезть напролом. Нещадно палило солнце.

Оставшись единственным из всего пулемётного взвода, расчет лейтенанта Мелешко не отрывался от пулемёта.

Фашистские мундиры мышиного цвета мелькали за кустарником, прямо перед боевыми позициями стрелков.

В этот день началась пятнадцатая по счёту атака немцев. Неожиданно заклинило «максим». Фашисты тут же устремились на левый фланг. Ещё минута, другая – и оборона будет смята, опрокинута. Критический момент.

Именно в этот момент политрук, встав во весь рост, поднял над головой пистолет и с криком: «За Родину! Вперёд!» стремительно бросился навстречу врагу. Бойцы как один поднялись в контратаку. Сошлись с фашистами грудь в грудь. Закипела рукопашная схватка. Первые, достигшие советских окопов, фашисты валялись как снопы, вторые в страхе повернули назад. Атака была отбита. Комбат и Бурдаев бежали впереди бойцов почти рядом. Перед Владиславом возник каменный погреб. Стреляя из пистолета, он перепрыгнул его и, сделав ещё шаг, вдруг зашатался и рухнул на землю. Гимнастёрка на груди ниже медали окрасилась кровью.

В несколько прыжков Руднев оказался рядом.

— Владислав! Ты ранен?!

Приподняв его, Руднев глянул в лицо старшего политрука. Голубые глаза Владислава, в последний раз отразив лазурь бездонного неба, стали угасать. Пульс уже не прощупывался...

— Сволочи! Вы ответите нам за всё! – вырвалось у комбата.

Вместе с Атрихаловым Руднев перенёс Бурдаева в саманную избу. Вынув его партбилет, комбат бережно опустил на пол холодающее тело и устремился вперёд. Контратака продолжалась. Немцев отбросили за высоту. Однако через несколько минут их беспорядочные толпы вновь появились в непосредственной близости от наших позиций.

— Отступать! — прозвучал приказ по рации.

С полуторой автоматчиков комбат отходил назад, ведя прицельный огонь по врагу. Вот и основная часть батальона — на другом берегу реки Сосны. У Руднева на пути к реке четыре хаты, и за каждую из них бойцы дрались не меньше получаса.

Слева из густой заросли бурьяна вперемежку с автоматными очередями раздались пистолетные выстрелы. Руднев понял, что там ведут бой раненый комиссар и Коля Нихай. Глянув на склон, комбат заметил, как по густой траве в тыл комиссару ползут серо-зелёные фигуры.

— Комиссар, к реке! — крикнул Рудnev.

Авдонин перебежками стал отходить к реке. Левее него бежал с неразлучным автоматом Коля Нихай. То и дело останавливаясь, он стрелял длинными очередями, не давая фашистам приблизиться. Авдонин уже на берегу, с ходу бросается в реку. Его гимнастёрка потемнела и потяжелела от воды, лёгкие волны плещутся в грудь и мешают плыть, высоко над головой пистолет, он с трудом гребёт свободной рукой к противоположному берегу. У самой реки Нихай остается и больно ударяется коленом. Превозмогая боль, делает несколько шагов к воде и вдруг, будто споткнувшись, падает в реку. С тихим всплеском идёт ко дну зажатый намертво автомат. В последний миг он ещё видит заросший камышом берег, но картина тускнеет, неимоверная тяжесть давит на грудь, нечем дышать. Откуда-то издалека плывут грустные тягучие звуки. Что это? Журавли? А может быть, белые аисты, смешно перемещающиеся в гнезде на своих длинных ногах. Гнездо их на ветле среди густых черешен перед окнами его родного дома...

И вот уже нет ни журавлей, ни аистов, лишь поезд, грохочущий поезд, летящий под откос... Громоздясь друг на друга, наползают горящие вагоны, и мать с расширившимися от ужаса глазами заслоняет его своим телом от сверкающей стальной птицы, изрыгающей огонь из поднебесья...

Река Сосна, словно мать, безмолвно, осторожно принимает в свои чистые прохладные струи безжизненное тело. Шарапается в сторону стайка рыб...

Стреляя из пистолета, комбат забыл обо всём. «Ещё один!» — мысленно считает он, когда очередной фашист, раскинув руки, падает в горячую пыль. Из-за угла появляются несколько немецких автоматчиков. Руднев нажимает спусковой крючок и падает, больно ударившись о землю. Тут же по кромке обрыва, с которого он рухнул вниз, цепочкой взлетают фонтанчики пыли. Срезанная пулями, на Руднева падает веточка от росшего над обрывом куста. Не чувствуя боли, он спешит к ре-

ке, где, прикрывая огнём из автомата, ждёт его верный друг сержант Атрихалов.

Усиленно работая руками в воде, оглянувшись, Руднев видит, как фашисты, осторожно свесившись, заглядывают под обрыв, где должно было лежать его бездыханное тело. Но поздно, ищи ветра в поле...

Могучая, стремительная Сосна. Жужжат вслед пули, но всё дальше и дальше уплывает комбат от смерти, всё ближе желанный берег. Фонтанчики взлетают – то спереди, то сбоку, то сзади. «Берут в вилку, – догадывается он. – Нешто придётся упокоиться в родной реке? Пронесёшь ты моё тело, моя красавица, мимо родного сада-огорода, мимо родительских окон. Ни мать, ни батя не узнают, куда пропал их непоседа сын. Нет, за жизнь надо бороться. За Владислава надо отомстить, за остальных». Он делает глубокий вдох, нырок – и под водой, усиленно работая руками и ногами, уходит в сторону уже нашупавшей его трассы...

Фашистский пулемётчик трёт глаза: вода чиста, куда исчез автоматчик? Значит, один готов, не достиг берега! Но тут же лицо фашиста искаляет злоба – почти у самого берега неожиданно всплывает «утопший». Фашист вновь припадает к пулемёту. Однако поздно. Руднев и Атрихалов в несколько прыжков достигают болотистой лощинки и без сил сваливаются в жижу. Пули свистят над головой. В уши ударила тугая воздушная волна, за рекой взметнулись вверх обломки брёвен, комья земли: это советская артиллерия открыла заградительный огонь...

Геннадий Рыжкин*

Из книги «В зареве грозовом»

Бой над городом

В 1942 году советская авиация начала постепенно усиливаться и давать ощутимый отпор немецким лётчикам. В начале года на востоке от Ливен был создан тщательно замаскированный полевой аэродром. На нём базировался полк истребительной авиации. На вооружение поступили истребитель Як-1, Ла-5, имеющие такие характеристики, что могли на равных сражаться с немецкими "Мессершмиттами". Предлагаем вниманию читателей воспоминания бывшего лётчика В. Нерубенко.

* Геннадий Витальевич Рыжкин (род. 25 июля 1940, Велегож, Заокский район, Тульская область) — писатель, краевед, журналист, автор гимна Ливенского района.

"...Помнится трудный бой 28 июня 1942 года, когда немцы предприняли сильное наступление в сторону Ливен. Сотни вражеских бомбардировщиков стаей налетели на мирный город... Но вот поднялись в воздух наши краснозвёздные мстители. В то время лётчики истребительного полка имели лишь шесть исправных машин. Все они взмыли вверх. Звенья повёл в бой командир подполковник Иванов. Истребители дрались яростно, рассеивая косяки стервятников, нарушая их строй, мешая бомбить. Наши лётчики сбили более десяти фашистских самолётов и в первом бою погибли все. Погиб и командир полка Иванов.

Видел я также геройский бой одного нашего лётчика с фашистским "Юнкерсом" летом сорок второго. Немец шёл на высоте пяти километров по направлению на Орёл. В районе Ливен его нагнал наш истребитель. Фашист, используя преимущество в высоте, удирал. Наш истребитель обстрелял его, но не подбил, и тогда ударил его воздушным винтом по крылу. Обе машины пошли в пике вниз. Наш самолёт врезался в землю, лётчик, очевидно, погиб. Немцам удалось выровнять свой самолёт и сесть. Один фашист застрелился, один погиб в перестрелке с нашими солдатами, а двое были пленены.

Этот бой видели ливенцы. Они откопали наш самолёт. К сожалению, я не узнал имени героя-лётчика, совершившего таран над Ливнами..."

Как освободили Норовку

В деревне Дубовая Роща Орловского района проживает С. Ерохин, кавалер трёх орденов Красной Звезды и четырёх – Отечественной войны. В 1942 году он воевал на территории нашего района. Предлагаем воспоминания о том времени:

"9 июля 1942 года немцы выбили из Норовки наш батальон, которым командовал старший лейтенант Мошков. При этом немцам достались богатые трофеи: миномёты, тягачи и штабная машина. Командир бригады полковник Жуков поставил вопрос об отдаче Мошкова под трибунал.

10 июля меня вызвали в штаб в Юрское, и командир бригады поставил задачу провести разведку в западном направлении до реки Кшень и остановить переправлявшуюся на правый берег немецкую пехоту. Со мной пошли командир взвода Фёдоров и ещё не разжалованный Мошков с пехотой и приданными нам танками. Задачу выполнили, на обратном пути подошли к Норовке.

Я предложил:

– Или грудь в крестах, или голова в кустах. Комбриг не разрешил даже приблизиться к Норовке, но давайте попробуем её взять...

Фёдоров с тремя танками, я – с двумя, Мошков с батальоном пошли в атаку. Немцев застали врасплох – они праздновали победу. Всех взяли в плен, лишь один убежал в Красную Поляну. Всего пленили около двухсот человек. Помимо своей отбитой техники, взяли четыре

немецких миномёта, штабную машину, три орудия. Батальон Мошкова занял прежние позиции, немцев, отправили в Юрское.

Доложил комбату об операции. Он сначала не поверил, но когда увидел подходившую команду пленных, развёл руками: "От Ерохина всё можно ожидать, представить к ордену". Суд над Мошковым не состоялся, меня наградили, а Совинформбюро сообщило: "10 июля танкисты старшего лейтенанта Ерохина внезапным ударом освободили три населённых пункта".

Конвойер смерти

Только за восемь суток ожесточённых боев с 28 июня по 6 июля 1942 года в операции "Ливенский щит", проходившей на юге Ливенского района, войска 13-й армии, по данным архива Министерства обороны, потеряли 20 тысяч человек убитыми и ранеными. Но бои здесь продолжались до конца января 1943 года, поэтому потери были значительно больше приведённой цифры. Кроме этого, были и пленённые красноармейцы. Содержались они в лагерном пункте 383-й немецкой пехотной дивизии, штаб которой располагался в селе Кривцова Плота (ныне Должанского района)...

От редакции:

Ливны – русская Герника. В 1937 году немецкие самолёты в течение 135 мин. провели "ковровую" бомбардировку испанского города Герника. Было разрушено 75% зданий. Вскоре появилась знаменитая картина Пикассо "Герника". Но ещё больше впечатляет то, что произошло с Ливнами в 1942 году, 28 июня. После мощной 40 мин. артиллерийской подготовки и ударов авиации началось германское летнее наступление, получившее название "Блау" (Синева). Сотни самолётов повисли над древним городом. В этот день город был убит. Уничтожение Ливен продолжалось 14 час. (840 мин.).

Как уже упоминалось, известный советский журналист Юрий Жуков писал: «8 июля 1942 года мне удалось побывать в старинном русском городе Ливны... Город лежал в развалинах... как-то не верится, что город умерщвлён, что перед нами каменный скелет... Мёртвый город. Помпея наших дней лежит над рекой».

Итак, Гернику бомбили 135 мин., Ливны – более 840 мин. В Гернике разрушено 75% зданий, в Ливнах более 80%. Население Ливен уменьшилось на 7684 чел. (на 64%). Об уничтожении Герники знает весь мир. Об уничтожении Ливен – только некоторые ливенцы, пишет известный краевед Юрий Бондарев.

Содержание

Владимир Бобков. Бои на ливенской земле летом 1942 г.	3
Всё для фронта	3
Прифронтовой город	8
Мёртвый город. Помпеи наших дней	19
Ливенский щит	23
Оборонительная операция 13А летом 1942 г.	24
Георгий Жуков. Из книги «Воспоминания и размышления»	35
Константин Рокоссовский. Из книги «Солдатский долг»	43
Михаил Казаков. Из книги «Над картой былых сражений»	49
Весенний поток	49
Директивы Ставки	51
Опять к обороне	54
Непонятная задержка противника	57
Тревожное лето	59
Обстановка круто меняется	59
Николай Пухов. Из книги «Годы испытаний»	70
1942 год	70
Михаил Катуков. Из книги «На острие главного удара»	75
Василий Архипов. Из книги «Время танковых атак»	87
109-я танковая...	87
Владимир Джанджава. Из книги «Немеренные версты»	93
Новое назначение	93
676-й	94
И снова фронт	96
Разведка боем	98
От Тима до Кшени	105
На реке Кшень	109
Теперь главное – стоять насмерть!	112
Сто семь метров под землёй	116
Юрий Жуков.	
Из книги «Избранные произведения» в 2 тт., том 1.	118
Время тревожных ожиданий	118
Начало невиданных событий	130
Трудный день в Юдине	146
Два немца	153
Александр Самойлов. Из книги «Судьба комбата»	158
Суровое испытание ливенской обороны	158
Геннадий Рыжкин. Из книги «В зареве грозовом»	164
Бой над городом	164
Как освободили Норовку	165
Конвойер смерти	166

Библиотечка военно-исторического журнала
«Орловский военный вестник»
Выпуск 12

75 лєт операції «Ливенський щит»

Главный редактор С.А. Ветчинников
Корректор В.С. Алексеевский
Технический редактор С.А. Ветчинников

Редакция вправе публиковать присланые в свой адрес произведения, письма и обращения читателей.
Ссылки на источники информации актуальны на момент выхода журнала.

Редакция уважает точку зрения авторов на какие-либо события, их трактовки, хотя не всегда может их разделять, следуя правилу: «Пусть в споре рождается истина».

Цена свободная

Подписано в печать 22.06.2017 г. Дата выхода 23.06.2017 г. Формат 60x80 1/16

Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial

Объём 10,5 усл. л. Тираж 200 экз. Заказ № 132

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Адрес издателя и редакции:
302001, г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26, Тел. (4862) 44-51-45.

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.